

Путер
СОЙЕР

ЭПОХА ВИКИНГОВ

Размах и дерзость нападений викингов поражают воображение.

Историческая библиотека

Историческая библиотека

Питер
СОЙЕР

Эпоха ВИКИНГОВ

Санкт-Петербург
2006

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4
С58

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Р.Н. Sawyer

THE AGE OF THE VIKINGS

Перевод с английского А.П. Санина

Научный редактор А.Ю. Карачинский

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

Подписано в печать 03.02.2006. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз. Заказ № 8329.

Сойер, П.

С58 Эпоха викингов / Питер Сойер; пер. с англ. А.П. Санина. —
СПб.: Евразия, 2006. — 351, [1] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-8071-0186-3

Книга известного английского историка Питера Сойера посвящена викингам, «неистовым воинам», одно упоминание о которых наводило страх на народы Западной Европы.

На основе тщательного изучения многочисленных исторических источников автор раскрывает причины и следствия скандинавской экспансии с конца VIII века на территорию христианской Европы.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4

© Перевод. А.П. Санин, 2002
© Евразия, 2006
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2006

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эпоха викингов, начавшаяся в конце VIII в., — один из самых противоречивых и таинственных эпизодов в истории Европы. Первые разрозненные набеги скандинавских воинов вскоре перешли в методичное вторжение. Англосаксам, ирландцам и франкам казалось, что захватчики свалились на них, словно снег на голову. Первые годы набегов англосаксонские королевства, Франкская империя были практически не в состоянии оказать сопротивление чужестранцам, которые по руслу рек легко проникали в самое сердце христианских земель. Перед лицом викингов власти оказались бессильны: они снова и снова откупались от скандинавов и не могли предложить стратегию, способную покончить с неожиданным злом. В начале X в. викингские набеги пошли на убыль, но в конце 980 г. возобновились с новой силой. В 1016 г. королем Англии стал датский викинг, конунг Кнут Великий, которому удалось объединить под своей властью Данию, Англию и Норвегию. Уже сразу о викингах стали ходить самые невероятные слухи. Жителям Западной Европы казалось, что им противостояли несметные орды врагов, которые всегда чудом ускользали от возмездия. Вопрос же о том, что стало причиной походов викингов, истинных размерах их экспансии и причиненном ими ущербе и поныне не дает покоя историкам. Почему скандинавы — датчане, норвежцы, шведы — практически одновременно двинулись на поиски

добычи в чужие страны? Что было залогом успеха викингов — их численный перевес, новая тактика, незнакомая народам Западной Европы и мусульманского мира? Что толкало их вперед — жажда крови и разрушений, добыча или нечто иное? В 1967 г. свой ответ на эти вопросы предложил английский исследователь Питер Сойер, автор ряда известных работ по истории скандинавской экспансии, ныне один из классиков зарубежной скандинавистики. Детально исследовав материалы скандинавских и русских кладов, технологию постройки кораблей, источники повседневной жизни викингов, он убедительно доказал, что они не всегда заслуживают той дурной славы, которую снискали в веках, — скорее ими двигали иные мотивы, весьма далекие от обыденной кроваво-жаднос

Карачинский А. Ю.

ВВЕДЕНИЕ

Впервые викинги потревожили Западную Европу в конце VIII века, и, вероятно, самым ранним можно считать нападение 793 г., когда разграблению подвергся островной монастырь Линдисфарн у побережья Нортумбрии. Вскоре новость об этом возмутительном происшествии достигла Алкуина, нортумбрийца, много лет прожившего на континенте, и охватившие его чувства нашли выражение в нескольких письмах, одно из которых гласит: «Уже почти 350 лет мы и наши отцы живем в этой прекрасной стране, и никогда прежде в Британии не бывало такого ужаса, какой ныне мы терпим от этого языческого рода, и никто и не помышлял о том, чтобы с моря можно было совершить подобное нападение»¹. Почти одновременно с этим налетом на северо-восточное побережье Англии другая шайка грабителей приняла участие в стычке на юго-западе. В этом бою при Портленде был убит главный королевский чиновник Бидухирд, и, по словам западно-саксонского летописца, «это были первые корабли датских людей, которые подошли к земле англичан»². Это не значит, что либо Алкуин, либо летописец были неверно информированы, скорее, они оба независимо друг от друга свидетельствуют о беспрецедентности произошедших нападений. Вскоре последовали и другие. В 794 г. был

разорен другой нортумбрийский монастырь, возможно, Ярроу, в 795 г.— Иона, а в 798 г.— остров Мэн. О первом военном набеге на территорию Ирландии, вблизи Дублина, сообщается, что он произошел в 795 г., а к 799 г. грабители уже достигли берегов Аквитании. Так в последнем десятилетии VIII века в Западной Европе началась эпоха викингов³.

Эти первые нападения были делом рук норвежцев, а не датчан. Правда, «Англосаксонская хроника» называет убийцами Бидухирда и тех, и других, но употребляет эти два слова в слишком обобщенном смысле. Некоторые версии этой хроники поясняют, что нападавшие прибыли из Хэрталанда, района на западе Норвегии, что очень хорошо согласуется с археологическими и лингвистическими данными, согласно которым викинги, орудовавшие в западной и северной частях Британских островов, были преимущественно выходцами из Норвегии⁴. Основная полоса датских атак началась только в 834 г. с нападения на Дорестада, которое повторилось спустя год: тогда же датчане (даны) впервые потревожили Англию, и вплоть до конца века оба берега Ла-Манша, как английский, так и каролингский, лишь изредка отдыхали от датских грабежей. К несчастью, английские свидетельства, относящиеся к середине этого века, малоинформативны, но этот пробел удается в какой-то степени восполнить благодаря франкским хроникам, да и «Анналы Сен-Бертена» за период между 836 и 876 гг. сообщают по крайней мере об одном набеге каждые два года⁵.

Разумеется, разграничение датской и норвежской сфер влияния немаловажно для понимания данной темы, но современников мало заботило то, откуда прибыли грабители; в глазах своих жертв они были просто язычниками, идолопоклонниками, пиратами или варварами, и даже тогда, когда их именовали датчанами или

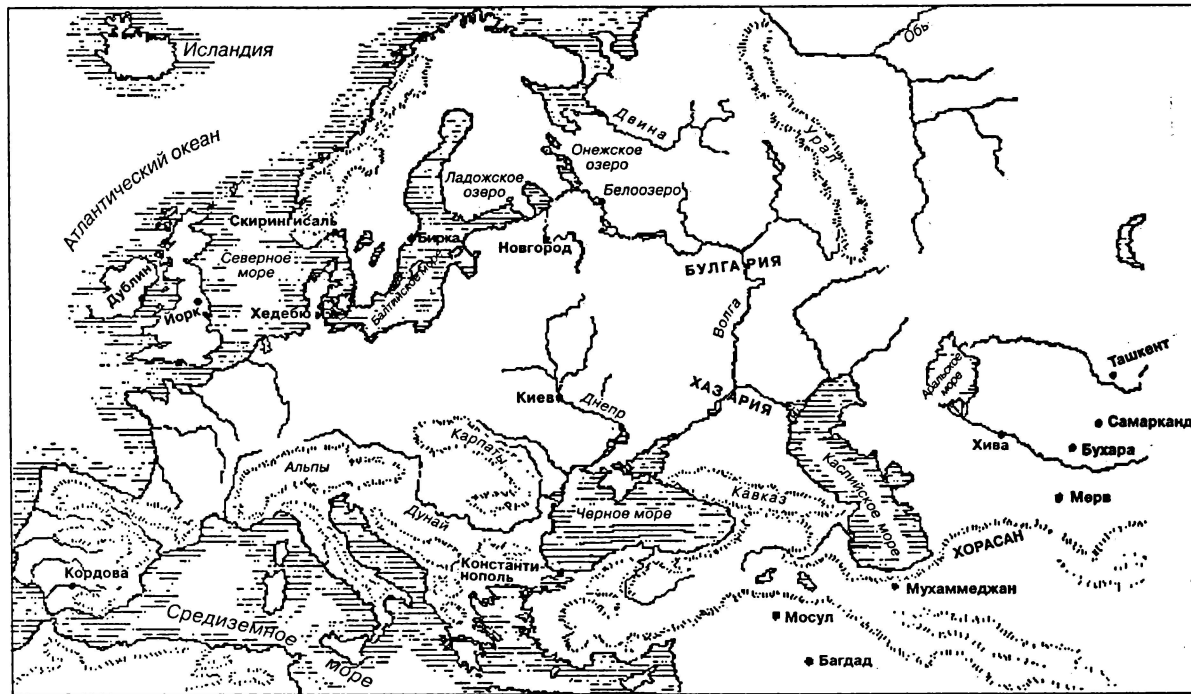

Рис. 1. Общая карта, показывающая зоны активности скандинавов

норвежцами, эти термины редко использовались в строгом смысле для отделения одних от других. Эта путаница не вызывает удивления. Нападавшие говорили на одном и том же языке, в их арсенале были одни и те же личные имена, все они приплывали по морю и выказывали одинаковое неуважение к Церкви. Да и самих викингов подобные различия мало волновали; скорее всего, область, семья или вождь имели для них куда большее значение, чем то, какая из стран, которые мы сегодня называем Норвегией, Данией или Швецией, была исходной точкой их пути. Дополнительную трудность представляло то, что предводители экспедиций викингов, должно быть, набирали воинов из самых разных и отдаленных мест. Например, в отрядах викингов, штурмовавших Англию в конце X века, были люди из разных частей Скандинавии, включая Швецию⁶, и именно швед по имени Гартхар стал одним из первооткрывателей Исландии⁷. Однако нет оснований сомневаться в том, что первыми викингами, пришедшими грабить Западную Европу, были норвежцы, датчане же начали в полной мере участвовать в этом только во второй четверти IX века, а шведы в основном не развивали на Западе особой активности.

Датчанами были пришельцы или норвежцами, но их целью, по крайней мере отчасти, являлась добыча, которую они нашли в богатых сокровищницах христианского Запада. Будучи язычниками, они не испытывали благоговения перед беззащитными святыми местами и, вполне возможно, удивлялись и радовались глупости своих жертв-христиан, которые, естественно, взирали на нападавших с ужасом. К тому же христианам редко удавалось оказать успешное сопротивление, и зачастую единственной альтернативой осквернению святынь и беспрепятственному разграблению сокровищ был выкуп, способный хотя бы на время убедить грабителей

обратить свое внимание на какие-нибудь другие места. Уже в самом начале IX века участники набегов зимовали во временных поселениях на таких островах, как Нуармутье в устье Луары или Шеппэй в эстуарии Темзы, а в 859 г. один из отрядов переждал холода в низовьях Роны на острове Камарг. Благодаря подобным островным базам грабители могли продолжать свои грабежи в течение ряда последовательных военных сезонов, и к концу века постоянные нападения подчинили власти скандинавов значительную часть Англии, впоследствии известную как Денло, или Область датского права. На противоположном берегу Ла-Манша аналогичный процесс в начале X века завершился образованием Нормандии. Эти и другие постоянные поселения стали центрами, откуда скандинавы отправлялись грабить окрестные земли, но вскоре пришельцы оказались ассимилированы местным населением. Например, в Нормандии большинство вновь прибывших восприняло религию и язык «французов» уже к середине X века, и, хотя эта область всегда оставалась в чем-то обособленной, ко второй половине того же столетия она представляла для своих соседей не больше угрозы, чем графство Анжуйское. В Англии поселенцы вскоре также приняли христианство, и теперь очень немного отличало их от англичан, если не считать языка, который в Англии они хранили дольше, чем в Нормандии⁸. В то время как Нормандия вплоть до XIII века оставалась самостоятельным герцогством, скандинавские области Англии вскоре подпали под власть королей Уэссекса, и с окончательным завоеванием Йоркского королевства Англия впервые обрела единство.

Этому процессу ассимиляции способствовал временный перерыв в атаках из Скандинавии⁹. Могли, конечно, появиться и какие-то новые грабители, но в большинстве известных нам столкновений, а за пятьдесят

лет после 930 г. их было сравнительно немного, принимали участие уже осевшие на Западе люди или их потомки, а не пришельцы, только что прибывшие прямо из Скандинавии. Похоже, что до последних двух десятилетий X века, когда затишье неожиданно закончилось, разбойники из Скандинавии не играли особенно заметной роли в Западной Европе. После 980 г. Британские острова и Германия подверглись новым и чрезвычайно энергичным нападениям. Набеги на Англию, возглавляемые такими людьми, как Олаф Трюгвасон, будущий король Норвегии, Свен, король Дании, и его сын Кнут, совершенно деморализовали англичан, которые несколько раз выплачивали огромные суммы, чтобы хоть на короткое время избавиться от своих мучителей, и к 1016 г. эти атаки увенчались тем, что англичане признали Кнута своим королем. Его династия правила Англией до 1042 г., когда в лице Эдуарда Исповедника, сына Этельреда, на троне был восстановлен прежний западно-саксонский королевский род. Свои права на наследство Эдуарда заявили короли Норвегии и Дании, и только после нормандского завоевания угроза нападения скандинавов на Англию была окончательно устранена. После того как в 1066 г. Харальд Суровый, король Норвегии, потерпел поражение от Гарольда Английского при Стэмфордбридже и пал в бою, а в 1070 г. из Англии удалился датский король Свен, период успешного вмешательства скандинавов в дела Западной Европы закончился. В отдаленных и бедных северных районах Британских островов викинги и норвежские короли еще долгое время продолжали активно действовать, но для большей части Западной Европы эпоха викингов завершилась в 1070 г.

Свое название этот период получил от викингов. Происхождение слова «викинг» вызывает множество споров, но поскольку ни к каким определенным выво-

дам они до сих пор не привели, результаты этой дискуссии не представляют для историка особой ценности¹⁰. Бесспорным и куда более важным, чем происхождение этого слова, является тот факт, что в эпоху викингов слово «викинг» означало пирата, грабителя, приплывающего по морю. Викингами были не все скандинавы того времени, поскольку некоторые являлись торговцами, а другие — поселенцами, желавшими одного только мира, но наибольшее внимание привлекли к себе именно викинги. Это был период викингов, и, какими бы ни были достижения скандинавов в искусстве, кораблестроении или торговле, всех их относят «на счет викингов». Не приходится удивляться тому, что эти жестокие люди наложили свой отпечаток на целую эпоху. Размах и дерзость многих из их операций поражает воображение, а письменные свидетельства современников только подогревают интерес, живописуя, иногда с отвращением, успехи этих лиходеев. Впечатления их жертв находят явное подтверждение в позднейших скандинавских произведениях, которые с гордостью повторяют зачастую изрядно приукрашенные рассказы о подвигах викингов. Как о поселениях, так и о торговле тексты, относящиеся к описываемому периоду, и более поздние скандинавские источники, особых сведений не сообщают, и потому сложно избежать концентрации внимания на тех сторонах этого времени, которые связаны с насилием и столь ярко освещены источниками. Изучение деятельности скандинавов, не являвшихся викингами, находится в зависимости от того, что именно историк склонен трактовать как «вспомогательные» данные археологии, нумизматики и топонимии, и, собственно, на эти служебные дисциплины ему и приходится опираться, дабы исправить преувеличения и искажения, допущенные писателями эпохи викингов. Только при условии того, что во внимание при-

нимаются все аспекты деятельности скандинавов того периода, появляется возможность понять хотя бы сами набеги, ибо викинги были лишь частью сложного процесса, оставившего множество памятников помимо следов «разрушения, насилия, грабежа и убийства», которые слишком часто воспринимаются как основной для того времени вклад Скандинавии в европейскую цивилизацию¹¹. По словам Марка Блока: «Если рассматривать их [набеги] с правильной точки зрения, то они кажутся нам не более чем эпизодом, хотя и особенно кровопролитным, величайшей человеческой авантюры»¹².

Проблема, стоящая перед историком, заключается не только в том, что его источники, а значит, и его подход к теме грешат однобокостью: есть и дополнительное затруднение, ведь скандинавы действовали как на христианском Западе, так и в других местах мира. В то самое время, когда норвежцы атаковали Британские острова, шведы прокладывали себе путь на земли сегодняшней России. Они тоже грабили и разрушали, тоже завоевывали, оставались там жить и торговали. В отличие от колонизации Гренландии и Америки, деятельность викингов на Востоке была не просто романтическим и впечатляющим проявлением скандинавской предприимчивости, имевшим небольшое или вовсе нулевое значение для европейской истории: события в России предельно важны для какого бы то ни было понимания периода викингов, и их воздействием на Западную Европу нельзя пренебрегать. Например, именно в России скандинавы обрели огромный капитал, часть которого, по-видимому, перетекла с берегов Балтийского моря в Западную Европу. Более того, не исключено, что возобновление атак на Англию в правление Этельреда было вовсе не плодом коварства викингов, понявших, что англичане не готовы обороняться, а следствием перебоев в вывозе мусульманского сереб-

ра в регион Балтийского моря; и, вполне возможно, одной из причин того, что в конце X века скандинавы представляли собой столь опасных противников, являлись колоссальные богатства Балтийского региона, поощрявшие и питавшие организованное пиратство в невиданных для Северной Европы масштабах.

По своей значимости письменные источники, относящиеся к деятельности скандинавов в России и самой Скандинавии, значительно уступают западноевропейским, а потому особую ценность приобретают вспомогательные свидетельства материальных находок и языка. Красноречивым примером тому может служить Готланд. За период Темных веков этот остров лишь однажды упоминается в рассказе англичанина Вульфстана, включенном в староанглийский перевод Орозия¹³. Вульфстан совершил семидневное путешествие из Хедебю в *Трузо** и написал о многих увиденных им за это время островах и землях, включая принадлежавший шведам Готланд, который он обогнул справа. Других упоминаний о Готланде мы не находим вплоть до XII века, когда он занял важное место в балтийской торговле. Удивительнее всего то, что о нем ничего не говорит Адам Бременский, являющийся высшим авторитетом во всем, что касается балтийских стран в XI веке¹⁴. Несмотря на отсутствие упоминаний в письменных источниках, захоронения и клады доказывают, что Готланд, бесспорно, являлся одной из самых процветающих областей Скандинавии, и, скорее всего, его благосостояние привлекало пиратов. Материальные находки говорят о том, что этот остров поддерживал связи с богатыми северными регионами России, поставлявшими пушнину, а также с Германией и Англией, и нет оснований

* Курсивом выделены слова и имена собственные, не имеющие современных эквивалентов.

сомневаться, что его жители активно торговали в Новгороде и Балтийском регионе задолго до появления каких бы то ни было письменных свидетельств¹⁵. Скорее всего, зажиточность Готланда и предприимчивость готландцев являлись, по крайней мере в конце эпохи викингов, чрезвычайно важным фактором скандинавской истории, несмотря на то что исторические источники этого времени хранят безмолвие.

Итак, основная сложность изысканий, связанных с викингами, заключается в том, что исторические источники, которые следует принимать во внимание, берут свое начало с очень обширной территории, чрезвычайно многообразны, а их интерпретация зачастую требует специальных исследований. Не вызывает возражений то, что никакое изучение этого периода не может претендовать на объективность, если оно не опирается на все имеющиеся в наличии свидетельства, но куда меньше понимания обычно встречает мысль о невозможности изучения разнородных материалов в отрыве друг от друга. В интерпретации хроник, саг и других памятников письменности историк должен опираться на археологические открытия, находки монет и результаты топонимических исследований, а специалисты в других областях равным образом зависят от чужих выводов, которые зачастую не в состоянии проверить. К несчастью, общение между учеными, работающими с источниками разного уровня, иногда оказывается нарушенным, и не только из-за того, что быть в курсе всех последних достижений непросто — хотя, безусловно, это так и есть, — а еще и потому, что не всегда должным образом понимаются сама природа этих свидетельств и те ограничения, которым должно подчиняться их использование. Например, историки не всегда осознают, насколько велика может быть погрешность датировки в археологии, а археологи и нумизматы нередко забы-

вают о том, что письменные источники требуют такого же специального изучения, как и их собственный материал. Непонимание природы исторического источника может иметь самые серьезные последствия. Так, недавнее обнаружение персидских монет XVII века в Балтийском регионе было воспринято как доказательство контактов между Скандинавией и Персией в XVII веке¹⁶. Банальнейшее положение нумизматики о том, что монеты необходимо рассматривать в связи с теми кладами, в которых они были найдены, здесь было упущено из виду, что и привело к ошибочным выводам. Так же и в другой области непонимание природы лингвистического влияния иногда приводит к неверным заключениям на основании данных топонимии.

Ни один человек не в состоянии владеть всеми специальными методиками, необходимыми для исследования различных материалов, относящихся к периоду викингов, тем более невозможно и помыслить о том, чтобы одолеть все нужные для этого языки. Но поскольку исследователи этого периода, какой бы узкой ни была их непосредственная задача, обязаны использовать весь спектр свидетельств, важно глубокое понимание общего характера всего имеющегося материала в целом. Только если археологи, историки, нумизматы и филологи общими усилиями попытаются понять природу тех свидетельств, на которых, пусть и косвенно, строятся их выводы, опасность катастрофически неверных заключений существенно уменьшится, а исследования эпохи викингов обретут надежное основание. Эта книга написана с целью способствовать углублению этого понимания, и потому ее первейшей задачей является обзор основных типов исторического материала, относящегося к данному периоду.

Вторая задача состоит в изучении, в свете рассмотренных таким образом фактов, некоторых основ-

ных положений, выдвигаемых обычно в связи с эпохой викингов. Некоторые из них чаще механически повторяются, чем ставятся под вопрос. Происходит это, видимо, из-за того, что по времени викингов существует такое огромное и озадачивающее разнообразие источников. Кажется, что ученые, для которых в их собственной области характерен критический подход к материалу, иногда готовы абсолютно слепо принимать и использовать сведения и выводы других дисциплин. В результате некоторые предположения относительно викингов принимаются, используются и за счет повторения обретают подобие авторитета, хотя на самом деле нуждаются в тщательной проверке. Так, например, нам известны гипотезы о том, что армии викингов насчитывали тысячи воинов¹⁷; грабители IX века в огромных количествах увозили домой в Скандинавию свою добычу¹⁸; скандинавское население Англии в X веке было столь плотным, что в XI веке чуть ли не половина жителей Линкольншира имела скандинавских предков¹⁹; а на Востоке скандинавы выступали посредниками (действуя через Киев) в оживленных отношениях между Балтикой и Византией²⁰. Эти и большинство других предположений об эпохе викингов апеллируют к множеству разнообразных материалов, но в основе всего кроется базовое допущение, сделанное сознательно или бессознательно, согласно которому при изучении данного периода можно целиком полагаться на письменные источники — хроники и другие сочинения этого времени, как и более поздние, дают вполне верное представление о масштабах и характере деятельности скандинавов, точно отражая взгляды и ответные шаги нескандинавов в отношении захватчиков. Только в последние годы вспомогательные исследования в области археологии, нумизматики и топонимии получили достаточное развитие,

чтобы ими можно было пользоваться, хотя и в очень ограниченных рамках, как «лакмусовой бумагой» для письменных свидетельств; а ранее историки и другие специалисты долгое время принимали утверждения писателей изучаемой эпохи и прочих авторов практически за чистую монету. Это имело самые печальные последствия, ибо большинство писателей того времени было настроено по отношению к викингам предельно враждебно и сосредоточивало свое внимание почти исключительно на жестоких проявлениях скандинавской активности. Недоброжелательность источников не вызывает удивления, ведь они в большинстве своем вышли из-под пера церковных деятелей, для которых важнее всего было поведать о злодеяниях этих язычников, взиравших на христианские святыни как на хранилища ценностей, годные только для грабежа, и выразить свое негодование. Зачастую такая предвзятость очевидна, а преувеличения вопиющи; это и есть часть той реакции, которую стремятся осмыслить историки. Однако очень жаль, что эти пристрастность и утрирование оказали настолько серьезное влияние на исторические труды об эпохе викингов в целом. Готовность, с которой их восприняли, привела к искажениям, сделавшим эту тему почти недоступной пониманию. Легче всего поддаться влиянию писателей той эпохи и, за недостатком лучшего, согласиться с их оценками размеров и разрушительной силы скандинавских армий. Можно даже признавать, что в своих сообщениях о размере флотов и армий хроники очень ненадежны и склонны преувеличивать нанесенный ущерб, но при отсутствии независимых данных, слишком уж заманчиво воспользоваться их цифрами. Постепенно те критерии, при помощи которых ученый может избежать зависимости от подсчетов или ошутимого предубеждения хрониста, растворяются в общем

впечатлении, усиливающимся с каждым новым повторением.

Главным препятствием для объективной оценки эпохи викингов, мотивов и последствий скандинавской активности того времени является нехватка независимых данных, которые можно было бы использовать для проверки скорее всего тенденциозных христианских источников. Мусульманские тексты для этого малопригодны, а скандинавские и русские появляются лишь в XI веке. Историческая ценность исландских саг невелика, но, будучи наиболее колоритными и подробными из всех наших источников, они неизменно привлекают внимание. Как историческое свидетельство они наиболее значимы для периода своего написания, но, похоже, изображаемая ими в ярких красках картина общества в Темные века совпадает с тем, что мы узнаем из хроник и других произведений письменности того времени. В центре их внимания находится в основном тема викингов, героические подвиги которых ложатся в основу легенды и изображаются с большим техническим мастерством, многократно усиливая впечатление, полученное из первичных источников. И хотя в настоящее время сагам обычно отводится роль в лучшем случае своеобразного ориентира, они остаются одним из самых прочных препятствий, мешающих увидеть в эпохе викингов что-то помимо битв, убийств и внезапных смертей.

В силу вышесказанного историк, стремящийся изучить природу, причины и следствия деятельности скандинавов в этот период, рискует оказаться в плену явно одностороннего подхода. Плоды этой ограниченности подобны снежному кому; стоит лишь согласиться с тем, что викинги располагали флотом, состоявшим из сотен кораблей, а их армии насчитывали тысячи воинов, как уже становится легко поверить, что именно

этот всплеск насилия вызвал некоторые события, которые в противном случае до конца не понятны, а затем, в свою очередь, признать последние результатом нападений викингов, а следовательно, и доказательством их разрушительности. Падение королевства Мерсия, упадок монашества и учености в Англии²¹, распад империи Карла Великого — все это плоды сложных процессов, но есть соблазн упростить ситуацию, взвалив на плечи скандинавов большую ответственность, чем следует, и тем самым подтвердить высказанное современниками викингов представление об их жестокости.

К сожалению, для проверки письменных источников пригодны только данные, поставляемые вспомогательными исследованиями. Это особенно печально потому, что показания топонимии, археологии и нумизматики зачастую сложно сопоставить с письменными свидетельствами. Хроники Западной Европы отражают частную христианскую точку зрения. Сами по себе археологические находки, топонимы и монеты свободны от пристрастности, они не говорят ни за, ни против скандинавов. Тенденциозность создают те, кто работает с этим материалом. И в этом заключается огромная трудность, которая встает перед историком, стремящимся достичь более объективного взгляда на эпоху викингов. Эти вспомогательные свидетельства часто изучаются в свете исторических источников, и их ценность в качестве независимого критерия уменьшается. В этом можно убедиться по спору о скандинавских поселенцах в Англии — в нем доказательством плотности пришлого населения стали выводы, сделанные на основании изучения личных имен и топонимов, а также упоминания о сокменах и свободных в Книге Страшного суда, — главным образом благодаря предрассудку, согласно которому армии викингов состояли из тысяч людей.

Слепое следование традиции, построенной на взглядах писателей, живших в эпоху викингов, привело к тому, что этот период стал считаться по-своему необъяснимым. Один выдающийся историк фактически пожаловался, что «агрессия со стороны Скандинавии до сих пор не получила адекватного объяснения»²². Третья, и последняя, задача этой книги состоит в том, чтобы объяснить не только причины вторжения скандинавов, но и изменение образа их действий на протяжении эпохи викингов.

2

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Наиболее важными письменными свидетельствами, относящимися к эпохе викингов, являются не скандинавские, а христианские и мусульманские источники. Из скандинавских произведений письменности того времени до наших дней сохранились только рунические надписи, и лишь немногие из них принадлежат периоду до XI века. Предания о викингах были впервые записаны лишь спустя долгое время после обращения Скандинавии в христианство и сохранились в таких текстах, как средневековые исландские саги, которые в качестве источников гораздо более ценны для периода своего написания, чем для эпохи викингов. К счастью для историка, скандинавы входили в соприкосновение с другими, более грамотными обществами, и западноевропейские литературные памятники являются особенно ценными источниками информации об их деятельности и той реакции, которую она встречала. В Россию, как и в Скандинавию, искусство письма пришло вслед за принятием христианства, и первая русская летопись была составлена только в XI веке; но, к счастью, для IX и X веков имеются византийские и, что еще важнее, мусульманские источники, упоминающие о присутствии скандинавов на Востоке. Мусульманские

источники ценны еще и тем, что дают информацию о набегах викингов на Испанию.

Пользоваться этими письменными свидетельствами непросто. Самая очевидная трудность связана с тем, что они написаны на огромном множестве языков — скандинавском, ирландском, английском, латыни, русском, греческом, персидском и арабском. Кроме того, существуют и текстуальные проблемы, которых никогда нельзя избежать, имея дело с письменными материалами. При переписывании произведение может измениться, либо по ошибке, либо в результате намеренных пропусков или вставок, и зачастую, когда, пройдя через множество рук, тексты сохраняются только в позднейших копиях, бывает трудно, если не сказать невозможно, определить, что же в них было сказано первоначально. Некоторые тексты, вроде уже упоминавшейся русской летописи XI века или исландских саг XII и XIII веков, были составлены поздно, и в таких произведениях поиск верных ключей к эпохе викингов в толще искаженных и полузабытых преданий и художественного вымысла — сложное и запутанное дело. Следовательно, интерпретация письменных свидетельств об эпохе викингов — это трудная работа, требующая таких же специальных методов, как и те, что необходимы для осмысления свидетельств археологии, нумизматики и топонимии, сложность которых еще более очевидна. Делать акцент на этих трудностях необходимо, потому что их очень легко упустить из виду. Смысл хроник, саг и даже хартий часто кажется самоочевидным, и, пользуясь печатными текстами, а иногда и в переводе, очень просто забыть, что основой для них являются рукописи, которые и сами почти всегда представляют собой копии, если не копии копий, и при их передаче возникало множество возможностей для пропусков и добавлений, далеко не все из которых были упущены.

Каждый раз, когда делается копия, могут происходить ошибки. Более того, придя в восторг от древности источника или от красочных подробностей, которые мы в нем находим, очень просто забыть, что он был написан с определенной целью. Все те письменные источники, на которые мы опираемся, создавались с неким замыслом, если только это не было пустым времяпрепровождением, и одна из самых важных составляющих работы историка заключается в том, чтобы определить, каким был этот замысел: если цель писателя не понята, его слова могут легко ввести в заблуждение.

Иллюстрации к этим тривиальным правилам исторического расследования удобно и полезно поискать в «Англосаксонской хронике», которая во многих отношениях превосходит все летописи, относящиеся к эпохе викингов, что парадоксально, ибо в том, что касается переломных периодов правления Альфреда и его сына Эдуарда, она совершенно не похожа ни на какие другие. Хронисты обычно не были историками; составление истории, изучение и прослеживание процессов, очевидцами которых они являлись или которые они желали объяснить, не было их задачей. Задача состояла, скорее, в том, чтобы расставить в прошлом ряд вех. Средневековые хронисты почти всегда входили в монашеские общины и писали для того, чтобы помочь своим собратьям различать прошедшие годы, фиксируя важные события. Такие хроники служили коллективной памятью общины. Восшествие на трон нового короля, смерть епископа или аббата, набег викингов, знамение на небе или сырое лето — достойным внимания считалось все. По словам Чарльза Пламмера, «то, что нам представляется убогим и бессодержательным высказыванием, для них было текстом, пригодным для развлечения зимними вечерами»¹. В отборе важных или памятных событий хронисты, естественно, выдавали соб-

ственные интересы и заботы. Их произведения ценны не только воспроизведением событий — вдобавок они рассказывают о том, какие происшествия выбирались для фиксации: то, что хронисты оставили за кадром, если только это можно узнать, не менее интересно, чем записанное. «Англосаксонская хроника» за периоды правления Альфреда и его сына Эдуарда особенно любопытна именно в этом отношении, поскольку автор явно сосредоточил внимание почти исключительно на датских грабителях. Большинство хронистов этого времени, каковы бы ни были их частные интересы, упоминают о широком спектре событий; но «Англосаксонская хроника» этого не делает. С 865 по 920 г. в ней мало что можно обнаружить, кроме сообщений о борьбе западно-саксонских правителей против скандинавов. Это обеспечивает этой хронике особое место в ряду современных ей произведений.

В действительности, «Англосаксонская хроника» на языке англосаксов существует в четырех вариантах, которые сохранились в семи рукописях². Другие версии, существовавшие в прошлом, были утрачены и теперь известны лишь благодаря тому, как ими пользовались другие писатели. Все они основывались на компиляции, созданной в конце IX века где-то в западной части Уэссекса. Первоначально считалось, что ее составителем был сам король Альфред, но теперь это уже не является общепринятым мнением, хотя он вполне мог способствовать ее появлению. В его время было сделано несколько списков этой хроники, и, к счастью, одна из них сохранилась. Это «Хроника Паркера», названная так в честь прежнего владельца. В ней все записи вплоть до 891 г. сделаны одним писцом, и у нас нет палеографических причин сомневаться в том, что от этой даты его отделяло не более одного поколения. Другие версии этой основной хроники IX века являют-

ся позднейшими копиями, но все они восходят к одному оригиналу, который, вероятно, включал и запись за 892 г., хотя в «Хронике Паркера» она была добавлена другим писцом. В этом оригинале почти все записи между 756 и 842 гг. сдвинуты на два или три года вперед, эта хронологическая неувязка имеет огромное значение для текстуальной истории хроники, но в то же время является и питательной средой для ошибок.

Несмотря на ее древность, в «Хронике Паркера» имеется, по крайней мере, одна крупная ошибка, которую разделяют с ней почти все остальные версии³. В записи за 885 г. она описывает прибытие армии викингов в Рочестер, «где они осадили город и окружили себя другими укреплениями. И все равно англичане защищали город, пока король Альфред не подошел со своей армией. Тогда неприятели отошли к своим кораблям и оставили свои укрепления, и там они лишились своих коней, и немедленно тем же самым летом они отправились назад через море. В том же году король Альфред отправил флот из Кента в Восточную Англию...». Все прочие версии, кроме одной, согласны с вышесказанным. Исключение составляет латинский перевод, сделанный в конце X века западно-саксонским аристократом по имени Этельвирд. К несчастью, латынь Этельвирда, вообще не отличающаяся ясностью, в этом месте переводу не поддается, но можно понять, что он использовал вариант хроники, в котором было два предложения, оканчивающихся на фразу «отправились назад через море». В той версии, от которой берут начало все копии, кроме Этельвирдовой, писец, должно быть, пропустил второе предложение; после того как он написал первое «отправились назад через море», его взгляд перескочил на то место, где эта фраза встречалась во второй раз, и с нее-то он и продолжил копирование. Это обычная ошибка переписчиков. Перевод Этельвирда

наталкивает на мысль о том, что некоторые из участников набега не сразу вернулись на континент, а пришли к некоему соглашению с Альфредом, которое затем нарушили. Прежде чем в свою очередь «отправиться назад через море», они дважды совершили вылазки к югу от Темзы, а также стояли лагерем в Бенфлите на побережье Эссекса, где несколькими годами позже находилась другая база викингов. Утрата этого отрывка объясняет, почему хроника продолжается рассказом о нападении войск Альфреда на Восточную Англию. Пропуск предложения, о котором, не будь версии Этельвида, узнать было бы невозможно, говорит о том, что само по себе обладание ранней копией текста еще не является гарантией точной передачи оригинала. Когда бы ни создавалась копия, ошибки возможны всегда. Опасность того, что эти ошибки могут остаться незамеченными, становится гораздо большей, когда до наших дней доходит только одна версия и особенно когда она является результатом многократного переписывания. Даже в сохранившихся вариантах «Англосаксонской хроники» могут быть одинаковые пропуски, которые невозможно обнаружить, но само наличие стольких версий дает основание для некоторой уверенности в том, что в общем и целом полный текст хроники, составленной в правление Альфреда, сохранился.

Ее составитель, вероятно, работал в 892 г., и его можно считать современником и очевидцем событий, имевших место в течение предшествующих двадцати пяти лет⁴. По-видимому, он обладал чрезвычайно подробными сведениями о событиях после 865 г., так как начиная с этой даты каждому году соответствует своя запись, но, рассказывая о периоде до 865 г., он, очевидно, опирался на хранившиеся в его памяти предания или более ранние компиляции. Нападения датчан на Англию начались в 835 г., и вполне понятно, как важно

представлять себе, насколько надежна эта хроника конца IX века в том, что касается середины того же столетия. Если в 892 г. составитель руководствовался лишь воспоминаниями, его рассказ о событиях между 835 и 865 гг. не может заслуживать особого доверия; но если он располагал более ранними анналами, быть может, того же самого времени, то в отношении этих годов его работа делается гораздо более достоверной. Разумеется, у нас нет возможности с точностью установить источники, которыми пользовался составитель, но представляется весьма вероятным, что для периода примерно до 842 г. он обращался к более ранним летописям, а после 842 г. полагался на собственную память⁵. Первым признаком того, что после 842–843 гг. составитель стал работать с другими источниками, является то, что почти каждому из двадцати лет до этой даты соответствует своя летописная статья — между 821 и 843 гг. пропущены только 822, 826 и 828 гг. — но между 843 и 865 гг. этих записей всего пять. Другой заключается в том, что в 892 г. составитель считал началом года 25 сентября, а в первой половине века имеются летописные статьи, относящиеся к годам, которые, по-видимому, исчислялись с Рождества. Уже упоминавшийся хронологический сдвиг в два-три года заканчивается в 842 г., и это также позволяет предположить то, что примерно в это время в характере источника, которым пользовался составитель, произошла некая перемена. Основанием для того, чтобы отнести ее к 842-му, а не 843 г., является то, что запись, относящаяся к последнему году, крайне подозрительна. Она гласит: «В этом году король Этельвульф сражался с командами 35 судов в Кархэмптоне [в Сомерсете, на берегу Бристольского залива], и даны овладели полем боя». Это выглядит очень странно и наводит на мысль, что мы имеем дело всего лишь с повторением записи за 836 г.: «В этом

году король Эгберт сражался с командами 35 судов [в некоторых версиях 25] в Кархэмптоне, и там было великое кровопролитие, и даны овладели полем боя». Конечно, нет ничего невозможного в том, что в 843 г. Этельвульф тоже потерпел поражение от данов вблизи Кархэмптона, но нехарактерное буквальное совпадение между этими двумя летописными статьями и тот факт, что примерно в это время источники у составителя, видимо, изменились, означают, что рассказ о 843 г. больше зависит от записи за 836 г., чем от воспоминаний о событиях 843 г.

Следовательно, для середины IX века, с 843 по 865 г., «Англосаксонская хроника» является менее ценным источником, чем для периодов до и после этого временного промежутка, и именно в отношении него особенно полезным дополнением к ней являются анналы, составленные на континенте. Это, разумеется, не означает, что записи с 843 по 865 г. бесполезны; зафиксированные в них события, похоже, хорошо сохранились в памяти составителя, но в течение этих лет повествование хроники о нападениях не так исчерпывающе, а приводимые ею подробности заслуживают меньшего доверия. Из вышесказанного не следует, что нужно поставить под вопрос победу англичан при *Акле* в 851 г., но размер флота нападавшей стороны, указываемый хроникой, является как раз такой деталью, которая за последующие сорок лет вполне могла оказаться раздутой, а, значит, утверждение о том, что кораблей было 350, стоит воспринимать тем менее серьезно, что эта оценка не принадлежала современнику описываемых событий.

Первые нападения викингов произошли за столетие до составления хроники, и хотя западно-саксонские источники для того периода, когда доминирующей силой являлось королевство Мерсия, по-видимому, не отличались полнотой, они, очевидно, включали подробный

отчет о первой атаке викингов на Уэссекс. Этот рассказ хроники можно сопоставить с версией Этельвирда, сохранившей ряд интересных деталей:

Хроника

«789 В этом году король Бритрик женился на Эадбер, дочери Оффы. И в его дни впервые пришли три корабля северных людей [по некоторым версиям — из Хэрталанда], и тогда главный королевский наместник прибыл к ним и пожелал силой препроводить их к королю, ибо он не знал, кто они были; и они убили его. Это были первые корабли датских людей, которые подошли к земле англичан».

Этельвирд

«Когда благочестивейший король Бритрик правил западными частями Англии... к берегу неожиданно подошел маленький флот данов, состоявший из трех быстроходных кораблей (*dro-mones*), и это было их первое появление. Услышав об этом, королевский чиновник (*exactor*), в то время находившийся в городе под названием Дорчестер, вскочил на своего коня и с несколькими людьми поспешил в порт, думая, что они торговцы (*negoliatores*), а не враги, и, обратившись к ним с высокомерием, он приказал им отправиться в королевскую резиденцию, но был убит ими вместе со своими спутниками. Имя этого чиновника было Бидухирд».

Должно быть, первое нападение викингов на Уэссекс было заметным событием, которое надолго осталось в памяти, но едва ли хронист, сообщая эти подробности, опирался на одну лишь устную традицию. В основе записи должны были лежать какие-то письменные повествования, но маловероятно, что это были анналы, иначе вместо общего указания на правление короля Бритрика, правившего Уэссексом в 786–802 гг., была бы указана дата нападения. Фактически, этот источник мог быть литературным, а не летописным, например, поэмой.

Составитель «Альфредовой» хроники уделял нападениям викингов особое внимание. С 865 по 887 г. все его записи по большей части посвящены викингам, нередко вплоть до отказа от всех прочих тем, и в этот период все они, за одним-единственным исключением, начинаются с сообщения о передвижениях того, что хронист явно рассматривал как основную ударную силу викингов. Год за годом эти вводные слова почти тождественны: *Her for se here*, *Her rad se here*, *Her ciom se here*, «В этом году *here**, ушло, передвигалось верхом, пришло». В отношении некоторых годов хронист об Англии не сообщает ничего, но с тревогой и тщанием прослеживает перемещения *here* на континенте, откуда ей предстояло переправиться в Англию в 892 г. Его повышенное внимание к этой конкретной *here* должно означать, что ко времени составления этой части хроники вражеская армия уже добралась до Англии. По-видимому, цель хроники на самом деле состояла в том, чтобы обеспечить это вторжение предысторией, а затем рассказать о борьбе Альфреда против викингов после 892 г. Задача, стоявшая перед составителем, не только сказывалась на выборе событий его собственного времени, но и обуславливала его отношение к более ранним анналам. Между 835 г., когда впервые сообщается о нападении датчан, и 842 г. записей всего семь, и все они, кроме одной, уделяют внимание атакам викингов, а в пяти из них не говорится ни о чем другом. И дело не только в том, что хронист особенно скрупулезно фиксирует все случаи нападений викингов, а в том, что другие темы, обычно находящие отражение в хрониках, здесь, видимо, остались за

* Староанглийское слово, которое часто переводится как «армия», «военная сила». Использовалось в основном для обозначения датских захватчиков. Причина того, почему здесь мы оставляем его без перевода, объяснена на с. 180.

кадром. Так, за первые тридцать пять лет IX века имеется пять статей, сообщающих о смерти церковных иерархов, а между 835 и 900 гг. таких статей только четыре. Как только составитель, писавший в 892 г., дошел до времени, когда датчане стали регулярно навещать в Англию, он полностью сосредоточился на них. С его точки зрения одни только датчане были достойны пристального внимания, и, отбирая события из более ранних анналов, он, видимо, опустил многое из того, что, по его мнению, не имело отношения к делу.

Это сужение сферы интереса, эта специализация хрониста делает его работу особенно ценным источником для изучения деятельности викингов, но здесь же проявляется и тенденция к преувеличению значимости последней. Но если для составителя хроники викинги были чуть ли не единственной интересной темой, не следует делать вывод о том, что его взгляды разделяли все его современники. Такое пристальное внимание к нападениям викингов и отсутствие упоминаний о раздорах между англичанами, занимавших важное место в анналах до 835 г., сильно исказило событийную картину IX века. Фактически хроника стремится показать, что после этого года англичане жили в мире друг с другом,— тем более разительным в результате выглядит их контраст с жестокими викингами.

«Англосаксонская хроника» необычна во всех отношениях, особенно в том, что после 835 г. в ней нет никаких упоминаний о разрушении или даже ограблении монастырей. Письменные свидетельства того времени, составленные в Ирландии или в материковой Европе, полны сообщений о нападениях викингов на церкви и монастыри, но в английской хронике за IX век единственная запись такого рода является вставкой XII столетия в копию, сделанную в Питерборо, и утверждает, что датчане «уничтожали все монастыри, в которые

приходили», и далее: «В то же самое время [870] они пришли в Питерборо, сожгли и разрушили его, убили аббата и монахов и всех, кого там нашли, и превратили его в ничто, тогда как раньше он был очень влиятельным». Если это сообщение правдиво, то очень странно, что более ранние версии ничего не говорят о подобных разрушениях. Хронист рассказывает о передвижении армий, битвах, а иногда о грабежах вообще, но специальных упоминаний о разрушении или разорении монастырей и церквей нет. На основании вышесказанного представляется, что аудитория, для которой предназначалась хроника, была скорее светской, чем церковной. Разумеется, ее составитель был христианином, и он радуется обращению в христианство некоторых участников нападений, но, по-видимому, Церковь интересовала его в меньшей степени, чем западно-саксонское королевство и его правящая династия. Если хроника является коллективной памятью общины, то, должно быть, совокупность людей, для которой в 892 г. была составлена «Англосаксонская хроника», отличалась большим своеобразием. Фактически кажется, что эта хроника была сочинением пропагандистского толка, имевшим целью напомнить людям о том, что только западные саксы оказывали успешное сопротивление захватчикам⁶. Достижения Этельвульфа и его сыновей восхваляются снова и снова, и в то же время всячески подчеркиваются неудачи мерсийцев. Это произведение является не чем иным, как династической пропагандой, созданной во время тяжелого кризиса, когда из Булони в Англию прибыла великая армия (*here*) викингов.

С текста хроники, написанной 892 г., несколько раз делались копии, и, возможно, они как-то распространялись, хотя и неизвестно где. Иногда считают, что копии рассылались в монастыри или кафедральные церкви, но этому нет подтверждений, и действительно свет-

ский характер хроники и ее ранних копий опровергает такое допущение. Если бы сохранившиеся копии были отправлены в религиозные учреждения, то отсутствие записей, представляющих для переписчиков внутренних интерес, было бы просто удивительным. Правда, некоторые списки в течение многих лет оставались без изменений, и в том числе, безусловно, версия, к которой в конечном счете восходит хроника Питерборо, но прочие продолжались и после 892 г. Примечательной чертой этих продолжений является то, что в различных списках они оказываются почти тождественными, и объяснением этому сходству должно быть то, что все они опираются на один общий источник, в котором, по-видимому, получили дальнейшее развитие история и задачи составителя 892 г. Записи за годы, непосредственно следующие за 892 г., посвящены исключительно кампаниям против *here*, прибывшей в Англию в этом году, той самой *here*, к которой было приковано столь пристальное внимание составителя и чье появление в Англии, похоже, и было поводом к составлению всего произведения. Только после того, как летом 896 г. армия викингов распалась, хроника обращается к другим темам, и под 897 г. впервые за много лет появляется запись обычного для анналов содержания: «В этом году, за девять дней до середины лета Этельхельм, ольдермен Вилтшира, умер; в этом году умер и Хихстан, который был епископом Лондонским». Затем следует пропуск в три года без всяких записей. Выглядит это так, будто поражение *here* в 896 г. означало, что непосредственная задача хрониста выполнена. Кроме того, это говорит о том, что, кто бы ни был автором оригинального текста 892 г., ему же, возможно, принадлежат и статьи нескольких последующих лет. Правда, существует предположение, что такое продолжение было создано и опубликовано

«в официальном порядке», но подтверждений у него не больше, чем у гипотезы об «официальном» источнике основной хроники. Рассказ о военных действиях против захватчиков в 892 г., кто бы ни стоял за ним, делает «Англосаксонскую хронику» одним из самых примечательных источников по эпохе викингов, какие только есть в нашем распоряжении. Хроника составляется именно в эту эпоху и предстает как живой и подробный рассказ о тщательно продуманных военных кампаниях, вышедший из-под пера человека, который сам находился в гуще событий и, когда в 896 г. *here* распалась, смог написать: «Милостью Божией *here* в целом не причинила английскому народу больших несчастий».

Облегчение, которое хронист испытывает в 896 г., очевидно, но и после распада *here* значительная часть Англии оставалась под владичеством скандинавов, которые по-прежнему представляли серьезную угрозу для Уэссекса. Именно против этих датчан дети Альфреда, Эдуард и Этельфледа, провели в начале X века ряд кампаний, и три версии хроники за 900–914 гг. описывают их в одинаковых выражениях. Источник у этих трех версий, вероятно, был тот же самый, что и у записей, относящихся к периоду сразу после 892 г., и, без сомнения, их написали с той же целью — возвеличить победоносную западно-саксонскую династию. В 915–920 гг. летопись пополняется только в одной из сохранившихся версий, «Хронике Паркера». После этого времени ни одна из хроник не отличается ни полнотой, ни подробностью, и между ними появляется множество расхождений, которые иногда выдают, где именно велась та или иная летопись. Например, запись за 931 г. в «Хронике Паркера» наводит на мысль о том, что она в то время составлялась в Винчестере: «В этом году 29 мая Бирнстан был рукоположен во епископа

Винчестера, и он правил своим епископством два с половиной года». Во всех остальных хрониках, продолжавших пополняться в этот период, подобные сведения отсутствуют, что указывает на Винчестер как на родину этой версии. Точно так же еще один вариант хроники, по-видимому, тяготеет к Йорку, а веком позже появляются явные признаки того, что третья версия составлялась в Абингдоне. Точно установить местонахождение центров, где получали продолжение различные версии хроники, трудно из-за скудности, присущей им всем в середине IX века. В течение примерно шестидесяти лет после 920 г. ни одна из них не отличается ни полнотой, ни детальностью, и во всех трех имеются пропуски, во время которых записи не ведутся. Существует несколько мастерски написанных летописных статей, таких, как рассказ о победе Ательстана над союзом скандинавов и другими его противниками при *Брунанбурге*, который встречается во всех трех версиях почти в одинаковых выражениях. Есть и другие записи, общие для двух или более из сохранившихся хроник X века, иногда по той причине, что они восходят к единому источнику, или же, наоборот, потому, что они послужили объектом заимствования или копирования.

В конце века в хронике вновь появляется подробный рассказ о событиях, и стимулом для такого оживления стало то же, что явилось причиной первоначальной компиляции и самых ранних ее продолжений — а именно нападения викингов. В 980 г. викинги вновь ринулись штурмовать Англию, и с этого года записи хроники посвящаются почти исключительно этим атакам. С 983 по 1019 г. несколько версий почти слово в слово повторяют друг друга и, очевидно, восходят к одному источнику, идентифицируемому как хроника, написанная в Абингдоне⁷. Таким образом, два

раздела хроники уделяют викингам особое внимание, и существующие версии каждого из них опираются на общий первоисточник. Однако между основной хроникой, относящейся к правлению Альфреда и Эдуарда, и источником нескольких повествований о царствовании Этельреда заметны важные различия. Настроения первого составителя и тех, кто стал продолжателями его дела, явно были светскими, но во времена Этельреда более важными становятся церковные интересы. Старейший раздел представляет собой рассказ об успешных действиях западно-саксонской династии, а самый поздний повествует о падении этого же королевского рода, хотя автор, очевидно, испытывал к Этельреду некоторую симпатию. Источник первоначальной компиляции неизвестен, но на его характер красноречиво указывают предпринятые попытки квалифицировать эту летопись как «официальную»; хроника периода Этельреда представляет собой гораздо более личное повествование, написанное человеком, который, без всяких сомнений, был глубоко обеспокоен бедствиями своего времени. Ни одна из имеющихся версий этой великолепной хроники правления Этельреда не написана раньше середины XI века, но есть несколько признаков того, что ее автором был современник описываемых событий. Например, запись за 1012 г. рассказывает о том, как тело архиепископа Эльфхи, убитого пьяными разбойниками, было перенесено в Лондон и погребено в соборе св. Павла. Далее следует: «и теперь Бог являет там силу этого святого мученика». Поскольку в 1023 г. тело Эльфхи было перенесено в Кентербери, эта запись, скорее всего, была сделана не позже чем через десять лет после указанного события. Конечно, замечательно, что существует такое подтверждение соответствия времени создания хроники ее содержанию. Но в нем почти нет нужды, настолько очевидна личная

вовлеченность автора в описываемые им события. Хроника изобилует откровенными замечаниями, как, например, в рассказе о поражении англичан в 1010 г.: «И пока они (захватчики) двигались к своим судам, английский *fyrð* * должен был снова выйти в том случае, если бы они пожелали направиться в глубь страны. Затем английский *fyrð* ушел домой. И когда они были на востоке, английский *fyrð* находился на западе, а когда они были на юге, наш *fyrð* был на севере. Затем к королю были призваны все советники, и тогда надлежало решить, как оборонять эту страну. Но даже если тогда и было принято какое-то решение, оно не продержалось и месяца. В конце концов, не стало военачальника, который собрал бы *fyrð*, и каждый бежал как только мог, и в конце ни одно графство даже не помогало следующему». Это очень мало похоже на «скудные и бессодержательные фразы» большинства анналов того времени.

Основную часть «Англосаксонской хроники» написали на юге Англии. Оригинальная компиляция IX века была создана в Уэссексе; в ее продолжениях также проявляется интерес к деятельности королей этой области, а рассказ о правлении Этельреда, вероятно, составили в Абингдоне. Однако существовала и северная версия хроники, к сожалению, не сохранившаяся полностью и известная только благодаря тем заимствованиям, которые делали из нее другие хронисты. Ее части включали в себя «общего предка» хроник Питерборо и Йорка, и еще кое-что в XII веке использовал писатель из Дарема, Симеон. Дошедшие до нас отрывки (хоть их и мало) очень ценны не только из-за того, что проливают свет на туманную историю севера, но и потому, что

* Староанглийское слово, обычно используемое для обозначения военных сил англичан в отличие от датской *here*.

демонстрируют совершенно другое отношение к скандинавским завоевателям, нежели то, что отражено в западно-саксонских хрониках. В северной хронике скандинавы рассматриваются не как исконные враги англичан, а, напротив, как их союзники во внутренних спорах, союзники, которые на деле не были неприемлемыми и для Церкви.

Безусловно, «Англосаксонская хроника» является одним из наиболее подробных и надежных источников для изучения эпохи викингов, но и у нее есть определенные особенности, которые не следует недооценивать. Начиная с 865 г. ее можно считать более или менее современным рассказом о событиях, а повествование в ней, относящееся к началу IX века, вероятно, основано на каком-то письменном источнике. Но в том, что касается середины IX века, когда нападения впервые стали серьезными, она требует осторожного подхода, если, конечно, мы ищем в ней подробной информации. Сосредоточенность хрониста на викингах имеет свои недостатки, а тенденция опускать любые сведения о внутренних разногласиях, при том что главной темой являются скандинавские набеги, легко может создать ложное впечатление. «Англосаксонская хроника» — это труд людей, относившихся к участникам скандинавских нападений с глубоким предубеждением, но нельзя позволять их красноречию заслонить от нас тот факт, что кое-кто приветствовал приход викингов, а отношения между королями Уэссекса и скандинавами не всегда были даже потенциально враждебными. Хронистов, естественно, интересовали темы, которые прямо их затрагивали или отвечали их задачам, и не приходится удивляться тому, как мало внимания они уделяли скандинавским колониям. Действительно, самый полный из рассказов «Англосаксонской хроники» о поселениях говорит о неудавшейся попытке сканди-

навов обосноваться в Уэссексе около Чиппенхема. Как только скандинавы закрепились на территории, впоследствии известной под названием «Область датского права» (Денло), то с этих пор завоеванные ими земли и колонии интересовали хрониста только как опорные пункты для вражеских набегов на англичан. О поселениях на востоке говорится очень мало, а о колониях на северо-западе и вовсе ничего. Если бы «Англосаксонская хроника» была для нас единственным источником информации, то мы ничего бы не узнали об этом важном процессе иммиграции с запада, который, к счастью, можно проследить, изучая топонимы. В этом случае молчание хроники должно послужить для нас предостережением против излишне доверчивого приятия всего того, что она нам сообщает. И, наконец, стоит подчеркнуть, что тот ее раздел, который охватывает большую часть эпохи викингов, основывается на одном источнике, и установить исходный текст помогает не правдивость писателей, а единодушие различных версий. Таким образом, как источник эта английская хроника во многом своеобразна, но нет ничего необычного в тех сложностях, без преодоления которых ее свидетельством нельзя пользоваться с полным доверием; она может служить яркой иллюстрацией того, нередко чрезвычайно сложного, процесса критического изучения и анализа, без которого письменные источники, как правило, вводят в заблуждение. Замысел хронистов или других писателей может казаться очевидным и понятным для всех, особенно если читать в переводе, но поверхностный взгляд обманчив.

В Ирландии в эпоху викингов велось несколько независимых друг от друга хроник, но ни одна из них не сохранилась в списках своего времени⁸. Древнейшая ее рукопись примерно на два века моложе оригинальной части «Хроники Паркера», а некоторые известны

только по версиям XVII века. К счастью, можно доказать, что «Анналы Ольстера», полная и подробная компиляция, относящаяся к концу XV века, представляют собой достойную доверия копию летописи, составленной в эпоху викингов. Доказательство это лингвистическое. Начиная с конца XVII века язык «Анналов Ольстера» современен описываемому ими периоду, а формы слов и имен ясно отражают важные перемены, которые имели место в староирландском произношении между VII и X веками⁹. Ни один более поздний составитель не смог бы воспроизвести эти формы, если бы их не было в его источнике, и тот факт, что они сохранились, — это одновременно чудо и большая удача — удача, так как доказывает древность анналов, и чудо, ведь большинство версий ирландских летописей подверглось «модернизации». Те же анналы использовались и другими, более ранними писателями, включая составителей «*Chronicon Scotorum*» («Хроники скоттов») и «Войны ирландцев с чужеземцами», относящейся к XII веку, но самой полной является компиляция XV века, которая, несмотря на позднюю дату своего создания, представляет собой наиболее ценный из всех ирландских источников для эпохи викингов.

Некоторые компиляции, по-видимому, отличаются большей полнотой и подробностью, чем «Анналы Ольстера», а именно так называемые «Анналы четырех мастеров». Этот сборник был закончен в 1636 г. Майклом О'Клери с четырьмя помощниками, которые, к сожалению, модернизировали язык своих источников и тем самым лишили нас возможности установить их возраст¹⁰. «Четыре мастера» почерпнули свои сведения из огромного множества текстов, включая «Анналы Ольстера», «Анналы Клонмакнойса» — позднюю компиляцию, сохранившуюся только в переводе, сделанном в 1627 г., — «*Chronicon Scotorum*» («Хроника скоттов»)

и так называемые «Три фрагмента». К несчастью, несмотря на разнообразие их источников, ценность «Анналов четырех мастеров» для эпохи викингов невелика. Когда используемые тексты известны, записи добавляют к ним немного, или совсем ничего, когда же, напротив, оригиналы утрачены и полагаться приходится исключительно на «Четырех мастеров», не следует придавать их работе большого значения — разумеется, в том, что касается эпохи викингов.

К числу текстов, к которым «Четыре мастера», по-видимому, не обращались, относятся «Анналы Инисфаллена»¹¹. Они составлялись в эпоху викингов, возможно в монастыре Эмли, примерно в семи милях от Типперэри, и сохранились в списке, сделанном в конце XI века, вероятно в монастыре Лисмор. До середины X века анналы весьма немногословны, они просто отмечают кончины королей, аббатов и епископов. Важные события упоминаются редко, когда же это случается, записи так же кратки, как в статье за 796 г.: «Первое число января. Язычники в Ирландии. Смерть Меэля Кобы, сына Фланна Феорна, короля Киаррэдж Луахра [народ на севере Керри]. Колла, сын Фергуса, король Коннахты [народ Коннахта], умирает». Начиная с 969 г. «Анналы Инисфаллена» становятся более подробными: возможно, это связано с возросшим влиянием королей Мюнстера — ведь это была мюнстерская летопись, а также, вероятно, с тем, что по мере того, как анналы приближались к его собственному времени, переписчик привлекал большее количество материала из того, что знал сам.

Один крупный ирландский источник полностью посвящен вторжениям викингов и отпору со стороны ирландцев — это «Cogadh Gaedhel re Gallaibh», «Война ирландцев с чужеземцами»¹². Это произведение XII века до настоящего времени пользуется гораздо большим

доверием, чем того заслуживает, и именно оно породило много ошибочных представлений о скандинавах в Ирландии. Его популярность в качестве источника для эпохи викингов не вызывает удивления; как становится ясно из заглавия, предметом этого текста является война между ирландцами и пришельцами с севера, к тому же написан он в «экстравагантном» стиле, который так и хочется цитировать, как, например, следующее описание несчастий ирландцев: «Одним словом, даже если бы было на одной шее сто железных голов хорошей закалки и по сотне острых, быстрых, дерзких, нержавеющей, бронзовых языков в каждой голове, и по сотне велеречивых, громких, неумолкающих голосов у каждого языка, они бы не смогли ни перечислить, ни рассказать, ни сосчитать, ни поведать о том, какие страдания претерпел весь Гаэдхил, мужчины и женщины, миряне и клирики, старые и молодые, благородные и простолюдины, о бедствиях, о ранах, об угнетении в каждом доме от этого доблестного, яростного, чужеземного языческого народа»¹³.

Сочинение состоит из двух частей: первые тридцать пять глав посвящены войнам и вторжениям в целом и строятся на одной из версий «Анналов Ольстера», практически ничего к ней не добавляя; вторая и главная часть уделяет особое внимание всему, что связано с Мюнстером, и событиям, приведшим к битве при Клонтарфе в 1014 г., в которой Бриан Боройме (собиратель скота), король Мюнстера, победил, но сам погиб. Должно быть, «Война ирландцев с чужеземцами» была написана до 1160 г., ибо часть ее сохранилась в «Книге Лейнстера», рукописи, которая относится примерно к тому же времени, но имеются веские основания полагать, что она не могла появиться намного раньше этой даты. Таким образом, ее можно безбоязненно отнести к середине XII века. Источником для первой части

рукописи послужила версия «Анналов Ольстера», к которой она ничего не прибавляет: Однако вторая часть опирается кроме летописей на народные предания, причем некоторые из них, очевидно, сформировались через многие годы после битвы при Клонтарфе, и этим разделом надлежит пользоваться с величайшей осторожностью. К тому же он отличается фанатичной односторонностью и создает искаженное впечатление не только о Бриане Боройме, но и о значении самой битвы при Клонтарфе¹⁴.

Пользуясь ирландскими анналами, очень трудно определить дату каждой летописной статьи. Первоначально они представляли собой записи на полях пасхальных таблиц; применявшаяся в последних система обозначения лет использовалась и в анналах. Иными словами, года отличались друг от друга не количеством лет, отделяющих их от Рождества Христова, а своим «будничным номером», то есть тем, на какой день недели выпадало в том или ином году 1 января, или эпактой, то есть возрастом луны на 1 января, или другими изменяемыми параметрами, использовавшимися для определения Пасхи, такими, как конкурент или золотое число. В некоторых хрониках отсутствуют даже такие указания, а начало каждого нового года просто отмечается буквами К или КI, означающими первый день (*Kalends*) января, и именно так обстоит дело в процитированном выше отрывке из «Анналов Инисфаллена». Когда несколько лет подряд оставались без единой записи, переписчики могли, и часто это делали, пропустить такие пустые годы, разрушая тем самым хронологическую последовательность. В результате могло оказаться так, что в разных хрониках одно и то же событие относилось к разным годам, и объединение этих текстов компилятором легко могло привести к появлению повторов. Эта путаница еще усугублялась

из-за ошибок некоторых редакторов, стремившихся точно установить год, к которому должна относиться каждая запись. Например, при публикации «Анналов Инисфаллена» в начале XIX века редактор датировал статьи IX века с погрешностью по крайней мере в тринадцать лет. В настоящее время даты в ирландских анналах уже восстановлены, но, безусловно, если мы не желаем повторить старые ошибки, необходимо действовать с осторожностью¹⁵.

Самый большой выбор разнообразных письменных свидетельств об эпохе викингов предоставляет нам Каролингская империя и сменившие ее королевства¹⁶. Как и в Ирландии, в этот период там шло составление нескольких летописных сводов, а в качестве дополнения к ним выступают хартии, протоколы соборов, жития святых, поэмы, письма и собрания рассказов о чудесах, в которых время от времени сообщается о способности святых мощей отвращать набеги викингов. Писатели по большинству были церковными деятелями, и интересы их были ограничены, но, конечно, не одной своей церковью, а чаще всего регионом, в котором они жили. Естественно, летописцы уделяли событиям, которые напрямую затрагивали их общину, гораздо большее внимание, нежели всему тому, что было вдалеке от нее, и то же самое можно сказать о многих источниках подобного рода. Даже такие плодovитые и разнообразные источники, как переписка в 840–862 гг. Лупа, аббата Феррьерского, к счастью, сохранившаяся в рукописи IX века, могут сказать о викингах относительно немного, разве только то, что они подходили к Феррьеру¹⁷. Лишь около дюжины из 133 писем содержат хоть какое-то упоминание о викингах, и в большинстве из них это не более чем одна из многих тем. Поэтому сведения о деятельности скандинавов на континенте очень отрывочны, и, чтобы проследить пере-

движения их отрядов, приходится сопоставлять сообщения из разных областей. Церковный характер этих источников показывает, что во франкских источниках тема разрушения и ограбления монастырей и церквей занимает гораздо большее место, чем в английских, как, например, в «Англосаксонской хронике» IX века, в которой нет упоминания ни об одной разгромленной или разоренной церкви. Это различие не означает, что в Англии викинги относились к Церкви более деликатно, чем во Франции, или составитель «Англосаксонской хроники» чувствовал к викингам большее расположение. Просто английского хрониста занимала прежде всего история королевской династии и судьба западных саксов вообще и лишь во вторую очередь судьба церкви, в то время как в континентальной Европе большинство источников создавалось в среде, интересы и симпатии которой были скорее церковными, чем светскими, и скорее территориальными, нежели династическими.

Однако франкские «Анналы Сен-Бертена» были написаны людьми, имевшими в своем распоряжении более широкий круг источников, чем большинство остальных хроник, и озабоченными более глобальными проблемами, нежели участь отдельной церкви или региона¹⁸. Эта замечательная хроника, продолжившая собой «Франкские королевские анналы», доведена до 882 г. Ту ее часть, которая касается эпохи викингов, написали два человека. С 835 по 861 г. ее вел Пруденций, бывший капеллан императрицы Юдифи, в 843 г. ставший епископом Труа. После смерти Пруденция в 861 г. дело его продолжил Гинкмар, один из величайших деятелей IX века, бывший епископом Реймским с 845 г. до самой смерти в 882 г. Оба этих писателя были хорошо информированы, и их повествование о середине IX столетия очень подробно и скрупулезно. Они охватывают

события всего франкского мира и вне его, дополняя «Англосаксонскую хронику» по тому периоду, когда ее данные наименее достоверны, и именно они являются основным источником наших познаний о нескольких нападениях на Англию в 844–861 гг. Авторы «Анналов Сен-Бертена» были знакомы и с жизнью франкского двора: так, Пруденций повествует о прибытии летом 839 г. посольства от византийского императора Феофила в Ингельхейм к франкскому императору Людовику. Этот случай особенно интересен, ибо византийские послы привезли с собой нескольких людей, называвшихся росами (*Rhos*), правитель которых именовался каганом (*Chacanus*). Эти люди, оказавшиеся шведами, добрались до Константинополя, но не смогли вернуться тем же маршрутом из-за диких и жестоких племен, и потому были отправлены домой круглым путем. По своему масштабу и доскональности «Анналы Сен-Бертена» схожи с «Англосаксонской хроникой» в ее наиболее удачных местах, но есть и одно очень важное отличие. Не в пример этой английской летописи, их внимание вовсе не приковано к одним только викингам. Интересы Пруденция и Гинкмара довольно широки, и хотя почти каждый год они сообщают об атаках викингов, рассматривая их, несомненно, как серьезную опасность, их рукопись все же отводит скандинавам гораздо более скромное место по сравнению с темами, которые с точки зрения авторов, заслуживают не меньшего, а то и большего внимания.

Своей подробностью и компетентностью эти великолепные анналы превосходят все прочие тексты IX века, и с их окончанием в 882 г. источники, повествующие о деятельности викингов в западных частях Франкской империи, внезапно становятся крайне скудными. Это особенно печально ввиду того, что основание герцогства викингов в Нормандии приходится спустя три

десятилетия с 882 г. Подробнее всего об этом рассказывает Дудон Сен-Кантенский в своем повествовании о нормандских герцогах, написанном в начале XI века, но его сведения крайне ненадежны и вызывают недоверие ученых¹⁹. Лучшим источником для начала X века является произведение Флодоарда, каноника из Реймса, доведшего историю своей церкви до 948 г.²⁰ В том же веке труд Флодоарда был использован и переработан Рихером, еще одним жителем Реймса, но ни тому, ни другому автору не удалось достичь уровня Гинкмара²¹. Таким образом, к концу IX века франкские тексты, полные и подробные в том, что касается первых шагов викингов на Западе, и служащие ценным дополнением для менее детальной английской хроники, иссякают. Последняя же, снова став в последней четверти века источником всевозможных сведений о викингах, все так же детально описывает события до 920 г. После этого года и до конца века как английские, так и франкские источники не дают подробной информации, а затем, и снова под влиянием викингов, английская хроника оживает. Примерно в это же время ирландские летописи также становятся не такими скудными, а с начала XI века в нашем распоряжении уже появляются памятники нормандской письменности. Это означает, что к началу XI века, когда и скандинавские источники приобретают некоторую значимость, письменные материалы для изучения истории викингов в Западной Европе становятся богаче и разнообразнее, чем когда-либо раньше, что дает возможность более досконального исследования этой темы и более тщательной проверки надежности различных текстов, чем это мыслимо в IX и X веках.

Таким образом, в течение эпохи викингов количество и качество письменных источников из Западной Европы неоднократно меняется, но почти всех их объ-

единяет общая черта — их авторами были церковные деятели. Это окрасило большинство письменных свидетельств заметным с первого же взгляда предубеждением против скандинавов, ведь от их нападений особенно сильно пострадали именно церкви. И дело не в том, что викинги были преисполнены яростной ненависти язычников к христианству, просто богатства Церкви представляли собой обильную и часто плохо защищенную добычу, да и при сборе отступного для уплаты грабителям благосостояние Церкви несло значительный урон. Поэтому неудивительно, что в своих произведениях ее служители взирали на скандинавов, в первую очередь как на воров и разбойников. Естественно, что в качестве поселенцев или торговцев пришельцы не слишком их интересовали; в их глазах скандинавские колонии немногим отличались от опорных пунктов для дальнейшего разбоя. От западных христианских писателей того времени едва ли можно ожидать объективного и непредвзятого рассказа о скандинавах.

Само собой разумеется, что западные источники, способные так мало сказать о скандинавских поселениях, о самой Скандинавии говорят еще меньше. До начала датских атак, когда франки поддерживали связи с Данией через торговцев и миссионеров, их тексты содержали кое-какую информацию о Скандинавии. Однако по мере того, как пираты все сильнее мешали торговле через Северное море, а внутренние раздоры все настойчивее привлекали внимание франков к их собственным проблемам, эти контакты ослабели, а к середине века, очевидно, были окончательно разорваны. Самым примечательным из всех источников, рассказывающих об этих связях франков со странами Балтийского моря, является «Житие св. Ансария», написанное его учеником Римбертом, который сменил его на архиепископ-

ской кафедре Гамбурга-Бремена²². Ансгарий был монахом из монастыря Корби, отправившимся проповедовать учение Христа сначала в Данию, а затем к шведам. В ходе своей миссионерской работы он дважды посетил Бирку — один раз примерно в 830 г., а второй — около 850 г. Умер он в 865 г., и не позже чем через десять лет после его смерти Римберт составил его житие, представляющее собой ценнейший источник, и не только по той причине, что оно описывает труды первых миссионеров и дает некоторые сведения о торговых отношениях между Балтикой и Западом, но еще и потому, что, рассказывая о взаимоотношениях Ансгария со шведами, Римберт мельком рисует картину их общества глазами франка, хотя у нас нет оснований полагать, что сам он когда-либо бывал в Бирке. Однако важно помнить, что «Житие св. Ансгария» было написано самое меньшее через тридцать пять лет после первого посещения Ансгарием Бирки, и потому многие подробности могут отражать более поздние реалии. К тому же «Житие Ансгария» служит хорошим примером того, каким искажениям порой подвергались некоторые документы. Существует две версии этой рукописи. Одна длиннее и представляет собой оригинальное произведение Римберта; из другой, более короткой, были удалены все фрагменты, шедшие вразрез с претензиями архиепископства Гамбурга-Бремена на церковное главенство в Скандинавии.

Эти притязания Гамбурга весьма отчетливо проявляются в другом важном письменном источнике по истории Балтики — «Деяния епископов Гамбургской церкви» Адама Бременского²³. Адам составил это крупное произведение об истории церкви Гамбурга-Бремена между 1073–1075 гг., но поскольку сам он прибыл из какой-то другой области Германии только в 1066 или 1067 г., то мог лишь очень короткое время быть

очевидцем описываемых им событий. Свою задачу Адам выполнил хорошо. Он опирался не только на церковные архивы и такие более ранние работы, как «Житие Ансгария», но также немало почерпнул — по его словам, основную часть сведений — от «старых людей, знающих факты». Среди этих информаторов был некий датский епископ, «благоразумный человек», от которого Адам узнал о вторжении Генриха Птицелова в Данию, случившемся за полтора века до того, но не исключено, что по крайней мере какие-то сведения, полученные им от таких людей, как, скажем, Адальбард, епископ Ситгуны, и его соратники, были более надежными. Предположительно именно к Адальбарду Ситгунскому восходит сообщение об амазонках, обитающих на берегах Балтийского моря, но более правдоподобным выглядит рассказ о том, что, когда епископ впервые отправился в Сигтуну, «по пути он повернул в сторону Бирки, которую в это время постигло такое запустение, что едва можно было увидеть следы города. По этой причине он не смог найти могильный холм святого архиепископа Унни [о смерти которого в Бирке в 936 г. Адам сообщает]»²⁴. Описывая миссию Унни, Адам проявил похвальную осторожность. «Теперь шведы и готы, которые сначала были наставлены в вере святым Ансгарием, а затем снова отпали в язычество, были возвращены (в лоно церкви) святым отцом Унни. Этого знать достаточно; если бы мы сказали больше, то были бы обвинены во лжи. „Ибо“, как говорит благословенный Иероним, „лучше неприкрашенная истина, чем красноречивая ложь“»²⁵. Наиболее важным информатором Адама был Свен Эстридсен, король Дании, на которого он ссылается в ряде своих утверждений. Пояснение дает сам Адам:

«Когда я прибыл в Бремен и услышал о мудрости этого короля, я немедленно решил отправиться к нему.

Он же принял меня милостиво, как это было в его обычае, и из его уст я получил немалую часть материалов для этой небольшой книги. Он был весьма сведущ в литературе и радушен к странникам. Он лично посылал своих священников проповедовать по всей Швеции и Норвегии и на островах, находящихся в этих областях. Из его правдивых и ласкающих слух речей я узнал, что на его памяти многие варварские народы обратились в христианскую веру, а также то, что некоторые люди в Швеции и в Норвегии удостоились мученических венцов... Посему все уже сказанное нами и то, что нам остается поведать об этих варварах, мы узнали из того, что рассказал нам этот человек»²⁶.

Существуют сложные текстуальные проблемы, ибо первоначальная работа Адама была переработана, отчасти им самим, а отчасти другими, и в тех нескольких рукописях, в которых этот труд дошел до наших дней, встречается множество расхождений. Пока взаимосвязи между текстами не установлены, а этого до сих пор не сделано на подобающем уровне, не всегда можно понять, что было написано в оригинале Адама. Естественно, для всей работы в целом характерен уклон в сторону епископства Гамбурга-Бремена с его амбициями, что очень ясно видно из описания конкурирующих епископов Сконе:

«По смерти Авоко [епископ Зеландии], король Свен разделил епархию Сконе на два епископства, отдав одно из них, Лунд, Генриху, а другое, Далби, — Эгино. Последнего, на самом деле, рукоположил архиепископ [Гамбурга-Бремена]; Генрих ранее был епископом Оркнейских островов и, как говорят, хранителем казны короля Кнута в Англии. Перевезя эту казну в Данию, Генрих проводил жизнь в разврате. О нем даже говорят, что, предаваясь пагубной привычке напиваться до наполнения чрева, он, в конце концов, задохнулся и чрево его расселось. Такова же, как мы узнали, была участь Авоко и точно так же других. Эгино же, будучи

человеком ученым и отличавшимся особенным благочестием, в это самое время ревностно устремлял все свои силы к обращению язычников... Вскоре после того, как тучный Генрих умер, Эгино получил власть над обеими епархиями Сконе, Лундом и Далби»²⁷.

Эту враждебность по отношению к другим церквям и их притязаниям необходимо учитывать, так как, невзирая на мнение Адама и редакторов «Жития Ансгария», в эпоху викингов в Скандинавии действовали и другие христианские миссии, помимо тех, которые направлялись из Гамбурга-Бремена.

Необходимо упомянуть еще об одном западном источнике по Скандинавии эпохи викингов. Это рассказ о путешествиях, совершенных независимо друг от друга двумя людьми, норвежцем и англичанином, включенный в староанглийский перевод «Вселенской истории» Орозия, который иногда приписывается королю Альфреду и дошел до наших дней в рукописи конца IX века²⁸. Норвежец по имени Оттар, или, по-английски, Отер, рассказывает, что жил в Хельгеланде на крайнем севере Норвегии и что севернее него не жил никто, кроме лопарей. Он описывает проделанный им путь вокруг мыса Нордкап в Белое море и подробно сообщает о своем имуществе, состоявшем преимущественно из оленьих стад. Оттар принимал участие в китобойных экспедициях, но основным источником его доходов была дань в виде пушнины, кож и китовых шкур, которую платили ему лопари. Его рассказ, включенный в перевод Орозия, заканчивается описанием его путешествия из своего дома в торговый город *Скирингисаль*, находившийся на юге Норвегии за Хедебю. Далее следует повествование о путешествии из Хедебю в *Трусо*, вблизи дельты Вислы, продолжительностью в семь дней и семь ночей, которое совершил Вульфстан, по всей видимости, англичанин. Кроме того, Вульфстан

с некоторыми подробностями описал обычаи встреченных им эстонцев. Повествуя о достопримечательностях, увиденных ими на своем пути, оба путешественника сообщают множество драгоценных сведений, например, о том, что у жителей Борнхольма имеется собственный король, острова Блекинге, Эланд и Готланд принадлежат Швеции, а Хедебю, по словам Оттара, владеют датчане. Очевидно, что эти мимолетные картины Скандинавии и Балтики конца IX века обладают огромной ценностью, и то, что они сохранились в староанглийской версии Орозия, которая, к счастью, известна нам в списке того же времени, делает ее одним из ключевых текстов для изучения эпохи викингов. Тот факт, что Вульфстан смог совершить путешествие по Балтийскому морю в то самое время, когда нападения на Западную Европу достигли своего апогея, сам по себе весьма показателен, а запись короля Альфреда о хевдинге Оттаре говорит о том, что отношения между ними были дружественными. Даже если Оттар и был викингом (а в тексте нет указаний на то, что дело обстояло именно так), ясно, что отношения между англичанами и скандинавами в то время были не столь однозначными и отнюдь не такими враждебными, как нас пытается убедить *Англосаксонская хроника*. Эта вставка в перевод Орозия находится в ярком контрасте с большинством английских и европейских письменных источников того времени, касающихся скандинавов.

В X веке произведения письменности сообщают о Скандинавии на удивление мало, и, конечно, у нас не оказывается ориентиров, достойных сравнения с «Житием Ансгария» или со староанглийским переводом Орозия. Отдельные намеки встречаются в германских текстах²⁹, поскольку у германцев были кое-какие владения в Дании, но большая часть сведений о Скандина-

вии в X веке исходит от позднейших писателей. Это, конечно, печально, ведь для того, чтобы могли возникнуть и получить всеобщее признание всяческие искажения, не требуется много времени. Даже сам Адам Бременский, при всех достоинствах его источников, является «автором» целиком вымышленного завоевания Дании шведами в конце X века, завоевания, которое занимает немаловажное место в скандинавской историографической традиции³⁰. Большинство произведений, к которым приходится обращаться при изучении истории Скандинавии, относится к еще более позднему времени, чем работа Адама Бременского. Первая история норвежских королей была написана Теодриком примерно в 1180 г., а Саксон Грамматик, составивший «*Gesta Danorum*» («Деяния датчан»), обширное и подробное повествование об истории Дании, умер в начале XIII века³¹. Из всех этих памятников наибольшей известностью пользуются исландские саги, впервые записанные в конце XII века³². Все эти тексты XII–XIII веков основывались на самых разнообразных источниках, как письменных, так и устных. Это были и предания о прошлом, сохранявшиеся в форме сказаний, передававшихся из уст в уста, и более ранние исторические произведения, многие из которых впоследствии были утрачены. Писатели вроде Адама Бременского или Семунда Сигфюссона, составившего в XI веке свою, ныне утраченную, историю норвежских королей, также в значительной мере опирались на устную традицию, и, хотя память автора, писавшего в конце XI века, вполне могла хранить много ценных сведений о предыдущем столетии, нам бывает нелегко отличить важное от бесполезного в его произведении, особенно если оно известно лишь по цитатам, сделанным в более поздний период. Ари Торгильссон, известный как отец исландской истории, написал несколько работ. Из них уцелела лишь

одна, «Книга об исландцах», но авторы позднейших трудов по истории Исландии и Норвегии, по-видимому, немало почерпнули из его утраченных произведений. Однако он родился только в 1067 г. или годом позже, и в достоверности его информации о X веке можно усомниться. Правда, с семилетнего возраста Ари находился на воспитании у Халла Тораринсона, который славился замечательной памятью. Халл утверждал, что помнит свое крещение, состоявшееся в 998 г., когда ему было всего три года, а молодость его прошла на службе у Олафа Святого Норвежского. Должно быть, он много рассказывал Ари о своей юности, и о нем говорили, что он был «одним из главных русел, по которым предания перетекали от древней Исландии к средневековой»³³. Он вполне мог помнить многие подробности своей жизни с большой точностью, но проверить их достоверность очень сложно. Старики иногда забывают или помнят неверно. Когда Ари в возрасте семи лет впервые повстречался с Халлом, тому было восемьдесят, и его память, скорее всего, освещала прошлое весьма неровным светом. Не стоит ставить под вопрос его значение для передачи исландской устной традиции, но и путать предания с историей нельзя.

Исландские саги XII–XIII веков полны живописных деталей, и неудивительно, что они привлекают к себе столь большое внимание. Нередко саги повествуют об исторических персонажах, и обрамлением для их сюжетов служат реальные исторические события. Например, сага о сожженном Ньяле, написанная в XIII веке, соотносится со временем крещения Скандинавии³⁴. В этой истории упоминаются многие реальные события, а центральный эпизод, сожжение Ньяла, имеет историческую основу, но эта сага вовсе не является попыткой написания истории. Перед автором саги о сожженном Ньяле действительно стояла серьезная цель, но она была свя-

зана с тем временем, в котором он жил, а не с тем, о котором писал. Подробности жизни Исландии и других стран, которыми расцвечены эти истории, иногда воспринимаются как надежные сведения о ситуации, существовавшей в эпоху викингов, но все это показалось бы более знакомым человеку XIII века, нежели X. В сагах нам нетрудно ощутить близость к первым поселенцам IX века и их ближайшим потомкам, но важно не забыть, что на самом деле от них отделяют по меньшей мере двести лет.

Некоторые саги о королях Норвегии действительно были написаны как исторические труды. Самая знаменитая и лучшая из них — это великолепная «История норвежских королей», известная как «Круг Земной» *Heimskringla* (по ее вводным словам), написанная в начале XIII века Снорри Стурлуссоном³⁵. Однако историческая ценность этих королевских саг легко может оказаться преувеличенной, и ниже мы упомянем о некоторых неувязках в рассказе Снорри о жизни Олафа Святого в Англии. Эти саги повествуют не столько о действительных событиях, сколько о том, как случившееся воспринимали люди, — в них увековечены предания, а не история. Правда, в исторических сагах содержатся традиционные повествования об истории Исландии и Норвегии, но полученные из других источников сведения о минувших днях оказываются более полезными для уяснения смысла этих саг, чем они сами — для постижения прошлого.

Однако саги не полностью бесполезны для историков, ибо их авторы использовали и иногда цитировали поэтические произведения эпохи викингов. Поэзия скальдов, как ее принято называть, создавалась в Скандинавии начиная со второй половины IX века, а несколько позже — и в Исландии, и большая ее часть была зафиксирована в XII–XIII веках, когда шел процесс записи

саг³⁶. Непоэтическая устная традиция, к которой обращались авторы саг, легко могла видоизменяться, а стихи — нет, поскольку были написаны в соответствии с жесткими правилами, и если они вообще сохранялись в памяти, то ей приходилось быть безошибочной. Одной из особенностей этой поэзии было использование кеннингов или метафор, таких, как «лебедь морского бога» для обозначения корабля или «песня древесных стволов» — для ветра. Некоторые из этих поэтов любили употреблять чрезвычайно изощренные кеннинги, распутывание которых никак нельзя называть легким делом. Так, например, кеннинг для моря — «равнина корабля», а для корабля — «лось фьорда»; если их объединить, получается — «равнина лося фьорда». Поскольку считалось, что золото происходит из моря, золото метафорически именовалось «огнем моря», в сочетании с предыдущим, уже двойным, кеннингом получаем: «огонь равнины лося фьорда», или *fjarðar elgs vangs furr*³⁷.

В переводе полностью отразить эффект от сочетания ритма, аллитерации и кеннингов невозможно, но отзвук этого ощущения удалось уловить профессору Холландеру, который перевел две строфы одной из великих поэм начала XI века, «Austrafararvisur», «Сказание о путешествии на Восток» Сигвата Тордарсона³⁸. В ней для корабля употребляется несколько разных кеннингов — «морской конь», «птица с килем», «морские валухи» и «лошадь Рэфила», а Рэфилом именовали морского царя.

Легко было у меня на сердце, о господин, и
Радостно, когда в путешествии по узким морским заливам
Со славным королем штормовые
Волны сотрясали наши ладьи:
Весело, стремительно наши морские кони
Перелетали через шум Листера
Без усилий, а ветер надувал
Крылья накреняющихся птиц с килем.

Накрытые тканью в летнее время,
 На привязи, наши морские валухи
 Качались на якоре, дремля
 У берега доброй земли:
 Теперь, осенью, когда на катках
 Скачут лошади Рэфила,
 Я, несчастный, должен плыть в Швецию,
 Без отдыха, как приказал король.

[Light my mind was, lord, and
 mirthful, when on firth ways
 with glorious king the stormy
 gales did shake our sailships:
 in glee, swiftly, our sed-steeds
 o'er sounds of lister bounded
 at will, with the wind bellying
 the wings of heeling keel-birds.]

Tented, in time of summer,
 tethered, our sea-wethers
 rode at anchor, floating
 before the good land's shore-line:
 now, in fall, when on rollers
 Ræfil's-horses are coursing,
 I, wretch, must ride to Sweden
 sans rest, as the king requested.]

Историчность большинства стихотворений скальдов невелика, а смысл нередко туманен, но даже чисто поэтические описания могут обладать величайшей ценностью благодаря тем случайным подробностям, которые в них встречаются, как, например, в вышеприведенном отрывке, упоминающем о том, что летом корабли накрывались тканью, а зимой хранились на катках. Очевидно, что для нас детали такого рода в поэзии, которая действительно восходит к эпохе викингов, поистине драгоценны.

Не все стихотворные произведения скальдов были созданы в эпоху викингов. Искусство их сочинения

продолжало жить до XIV века, и сам Снорри Стурлусон написал книгу для начинающих поэтов. Следовательно, кое-какие стихотворения относятся к более позднему времени, а авторы некоторых саг сами сочиняли поэмы, подходящие к их сюжетам, но представляется, что те ранние образцы, которые оказались включенными в королевские саги, цитировались добросовестно, и их можно считать подлинными. Одно из лучших доказательств — это ситуация, когда автор саги недопонимает стихотворение или воспроизводит его по какому-то случаю, в действительности не имеющему к нему отношения. Даже самому Снорри Стурлусону случалось неверно использовать стихотворение, например нижеследующее, принадлежащее Сигвату Тордарсону, которое он цитирует в саге об Олафе Святом. Автором этого прозаического перевода является мисс Эшдаун³⁹.

«Истинно то, что шестая битва произошла тогда, когда Олаф штурмовал Лондонский мост. Этот доблестный князь вызвал англичан на спор Игга. Вражеские мечи ударили, но там викинги защищали ров. У части отряда были палатки в равнинном Саутворке».

Совершенно ясно, что в этой битве Олаф сражался против англичан, но Снорри полагал, что Олаф всегда стоял на стороне Этельреда, и его понимание этого стихотворения является классической ошибкой, прекрасно иллюстрирующей то, как опасно доверять прозаическому переложению саг. Согласно Снорри, Олаф и Этельред объединили свои войска и направились в Лондон:

«Датчане засели в крепости. На другом берегу реки стоит большой торговый город Судвирки. Там у датчан было большое укрепление: они вырыли глубокий ров, а с внутренней стороны укрепили стены бревнами, камнями и дерном, и внутри этого укрепления

стояло большое войско. Адальрад конуиг приказал взять крепость штурмом, но датчане отразили натиск, и Адальрад конуиг ничего не мог поделаться*.

Снорри продолжает текст, описывая, как Олаф привел свои корабли под Лондонский мост:

«Его люди привязали толстые канаты к сваям, на которых стоял мост, пустили свои корабли вниз по течению и гребли при этом изо всех сил. Сваи вырвало из-под моста и потащило по дну... мост подломился, и многие попадали в реку... И когда горожане увидели, что враги захватили Темзу и могут теперь беспрепятственно плыть дальше в глубь страны, они испугались, сдали город и подчинились Адальраду конуигу**.

Помимо уже приведенного стихотворения Снорри использовал два произведения Оттара Черного, еще одного скальда; одно из них начинается так: «И потом, о укротитель змеи штормов Игга, доблестный в битве, ты сокрушил Лондонский мост», а второе, должно быть, относится к какому-то случаю, когда Олаф сражался от имени Этельреда:

«Ты прибыл к этой земле, хранитель королевства, и, могучий в своей силе, закрепил за Этельредом его королевство. Этот истинный друг воинов, таким образом, стал твоим должником. Жестокой была стычка, посредством которой ты снова привлек родичей Эдмунда к защите его страны. Раньше сей оплот его рода правил этой страной».

Есть и другие саги об Олафе Святом, но подобные неувязки встречаются во всех, и как заметил автор одной из них: «Ты можешь поверить из этой саги тому, что считаешь наиболее правдоподобным, ибо в

* Снорри Стурлуссон. Круг Земной. М., Ладомир, Наука, 1995. С. 171.

** Там же, с. 172.

древних сагах многие вещи перепутаны». По-настоящему ценны как исторические источники именно поэтические произведения скальдов, вставленные в саги.

Строфа Сигвата Тордарсона, использованная Снорри в этом эпизоде, взята из «*Vikingavisug*», поэмы, которую называют «одним из лучших исторических документов, переданных нам со скандинавского севера»⁴⁰. Она описывает ряд сражений, в которых участвовал Олаф Святой, и, поскольку первые тринадцать строф пронумерованы, порядок этих битв не вызывает сомнений, а заодно исключается возможность позднейших вставок. Все четырнадцать строф хорошо известны, но, по-видимому, имелось еще три, о которых существуют упоминания, но цитаты отсутствуют. Поэма описывает жизненный путь этого предводителя викингов и начинается с трех битв, произошедших на Балтике; четвертая имела место в *Sürvik'e*, который был опытным путем отождествлен с Зондервигом в Ютландии, пятая состоялась у берегов Фрисландии, шестой стал уже упоминавшийся штурм Лондонского моста, следующие три также разыгрались на территории Англии. Десятая произошла во Франции, еще четыре — видимо, в Испании, пятнадцатая — снова во Франции, а две последние — в Англии. Недостатки подобных стихотворений как исторических источников понятны, но не менее очевидна и ценность такой поэмы, пусть она даже и преувеличивает роль Олафа в его первых битвах.

Поэтические произведения скальдов не являются единственным скандинавским памятником эпохи викингов. Существует немалое количество рунических надписей, и, особенно на о. Готланд, встречаются отдельные камни, покрытые резными барельефными изображениями⁴¹. Представленный на илл. V образец готландского камня также имеет руническую надпись. Рунический алфавит был издавна известен в Скандинавии

и к IX веку состоял из шестнадцати букв⁴². Надписи, составленные из рун, украшали собой памятники, а эту роль обычно исполняли камни. Наибольшей известностью пользуется огромный камень в Йеллинге на полуострове Ютландия, воздвигнутый Харальдом, сыном Горма, в память о своем отце и матери. Надпись на памятнике уточняет — это тот самый Харальд, который завоевал всю Данию и Норвегию и сделал датчан христианами.

Менее известен, но более показателен камень из Фалебро вблизи Упсалы, представленный на илл. I, который, как и многие другие, служит указателем к переправе через реку. Камни наподобие этого, а их в Швеции около 2500, в большинстве своем относящиеся к XI веку, кое в чем возмещают несоответствия более удобных письменных источников. Однако идентифицировать встречающиеся в надписях персонажи удается редко, и, несмотря на обилие упоминаний о важных событиях, как в Скандинавии, так и в остальном мире, датировать мы можем лишь немногие из них⁴³. Из 1200 надписей в Упланде только 12 относятся к событиям, по поводу которых хотя бы приблизительно известно, когда они произошли. Пять из них говорят о сборе гельда* в Англии — например, камень из Визби: «Але установил этот камень в память о себе самом. Он собирал гельд Кнута в Англии. Господи, спаси его душу». Надписи вроде этой, а есть и другие, говорящие в более общем смысле о путешествиях в Англию, подтверждают, что в нападениях на королевство Этельреда участвовали выходцы из многих областей Скандинавии. Отдельные надписи представляют еще большую ценность как исторические источники. В частности, это

* Гельд — налог в Англии на содержание скандинавских воинов. — *Прим. ред.*

Илл. 1. Шведский рунический камень XI века, гранит, высота 7 футов 6 дюймов (2,35 м), находится в Фалебро, приход Данмарк, примерно в 4 милях (6 км) к юго-востоку от Упсалы. Вероятно, изначально он был установлен как вежа, обозначающая брод через реку, называемую здесь Савьян, которая видна в отдалении. Надпись гласит: «Стодинг приказал воздвигнуть этот камень в честь Арни, своего сына.

Он отправился *hayrt lant* (смысл этого словосочетания неопределен: есть предположение, что это значит «во все земли», но более предпочтительным кажется «в Хэрталанд — в Северную Норвегию»). Тьяльве и Орэкья вырезали эти руны в честь своего брата». Это не означает, что братья Арни сами занимались резьбой, которую, возможно, выполнил великий мастер рунического письма Фот, они лишь заплатили за нее. См. *Upplands runinskrifter*, ред. E. Wessén, Sven B. F. Jansson, № 948 (Photo: ATA)

камни, стоявшие вблизи Хедебю и служившие памятниками королю Сигтругу, сыну Гнупы, которые были воздвигнуты его матерью Асфрид, дочерью Одинкара⁴⁴. Из других источников нам известно о Гнупе, понесшем поражение от Генриха I Германского в 934 г., и почти нет сомнения, что эти люди были членами швед-

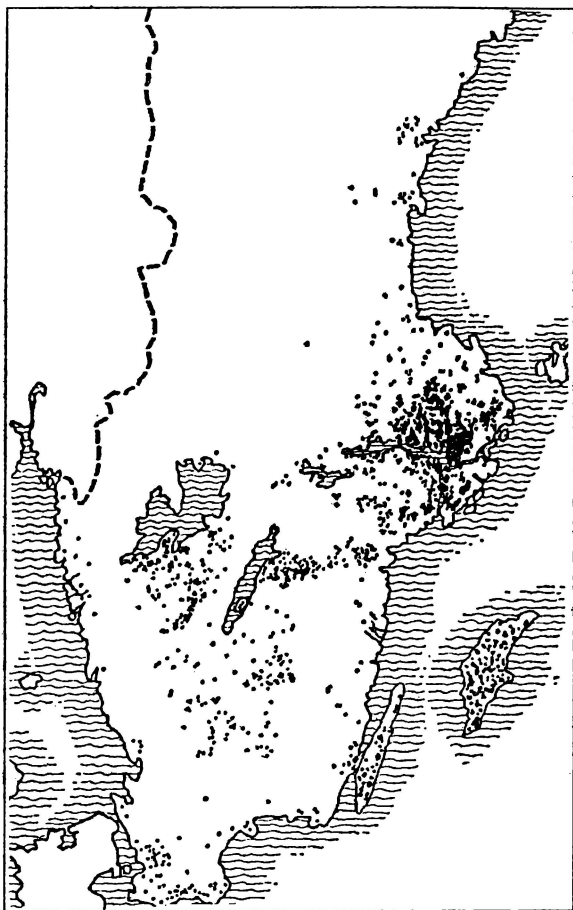

Рис. 2. Шведские рунические надписи.

Известно более 2000 таких надписей, большинство относится к XI веку. См. илл. I и V и стр. 65, 103.

(Фрагмент карты, подготовленной Свенном Б. Ф. Янсоном и опубликованной в *Svenska Turistföreningens Årsskrift*, 1949, p. 104.)

ского королевского рода, воцарившегося в Хедебю в конце IX века⁴⁵.

Однако «исторических» камней такого рода очень немного. Один из них, на который часто ссылаются, был поставлен в Хедебю и относится ко времени, когда «дренги осадили Хедебю». Известно, что сражения под Хедебю имели место при Горме, Харальде, Свене Виллобородом, Магнусе Добром и Свене Эстридсене, а осаждали этот город шведы и норвежцы, германцы и славяне⁴⁶. Нет никакой возможности сказать наверняка, на какой из этих конфликтов указывает надпись на камне. Есть эпизод, хорошо засвидетельствованный руническими камнями. Это поход Ингвара на Восток, состоявшийся, вероятно, около 1041 г.⁴⁷ В Швеции имеется двадцать пять надписей, увековечивающих имена людей, сопровождавших Ингвара в страну сарацинов *Серкланд*, — это слово употреблялось для мусульманских стран Востока. По-видимому, этот поход закончился катастрофой, и память о нем еще долго жила в северных преданиях. Тот факт, что камни с соответствующими надписями сосредоточены вокруг озера Меларен, предполагает, что викинги именно из этой области отправились в поход, движущей силой которого была надежда добыть сколько-нибудь из тех богатств, которые раньше так свободно перетекали с Востока в Бирку, а оттуда в окрестные страны.

Источники по древнейшему периоду деятельности скандинавов на территории современной России куда меньше подходят нам, чем те, что относятся к Западу и даже самой Скандинавии. В скандинавской и русской литературе сохранились более поздние предания, но литературная традиция может быть очень ненадежным проводником в прошлое. Главная русская летопись дошла до нас в версии начала XII века, но основана она на компиляциях, относящихся к периоду определенно

не ранее XI века⁴⁸. Следовательно, ее записи можно принимать в качестве общего ориентира для середины X века, но для предшествующего периода их ценность невелика. По всей видимости, они были написаны в Киеве, а их предметом является правящая династия Киева, основанная в конце IX века Олегом. Последний, безусловно, был родом из Скандинавии, и, судя по договору 912 г. с Византией, многие его сподвижники также носили скандинавские имена⁴⁹. Имя преемника Олега — Игорь (*Ingvær*) — также было скандинавским по этимологии, но уже его сын получил славянское имя Святослав; на Руси, как и везде, скандинавы быстро ассимилировались. Движимый естественным интересом к киевским правителям, летописец всячески подчеркивал значение скандинавского элемента не только в истории города, но и в своем рассказе о предшествовавшем ей периоде.

Изложение истории Руси на начальном этапе, должно быть, опиралось на предания, которые вполне могли видоизмениться при передаче и которые, несомненно, были помещены в рамки календарной хронологии, заимствованной из Византии⁵⁰. Первая дата, упоминаемая в летописи, — это 852 г., под которым стоит запись о воцарении византийского императора Михаила, в чье правление *русы* впервые напали на Константинополь. На самом деле Михаил взшел на престол в 842 г., а о нападении на Константинополь из византийских источников известно, что оно произошло в 860 г.⁵¹ Очевидно, что летописец принял первое упоминание своих византийских источников о *русах* за отправную точку для деятельности последних на Руси. Первое появление скандинавов, или варягов, из-за моря помещено им под 859 г., когда, по сообщению летописи, они обложили данью славян и финнов. Затем эти данники изгнали пришельцев, но последовавшие беспо-

рядки побудили их просить варягов вернуться, что те и сделали под предводительством Рюрика и двух его братьев, которые обосновались в Новгороде, Белоозере и Изборске. По словам летописи, все это произошло в 860 г. Хронология явно неверна; «Анналы Сен-Бертена» показывают, что шведы, именовавшиеся *росами*, пересекли Русь уже в 839 г., а нумизматические свидетельства наводят на мысль о том, что первые шаги скандинавов на Руси относятся к самому началу IX века. Однако если пренебречь хронологией, рассказ, предлагаемый русской летописью, очень хорошо согласуется с тем, что мы знаем из других источников. Особенно убедительно звучит упоминание о брате Рюрика в Белоозере, ибо этот город лежит на пути от Финского залива к Булгарии. И как выясняется, именно в этой области скандинавы и действовали в начале IX века. В этом же столетии, причем не исключено, что довольно рано, скандинавы установили власть над Киевом и собирали дань с окрестных славян, которая затем становилась предметом торговли с более богатыми соседями в Византии, Хазарии и даже Булгарии. Некоторые подробности их отношений с Византией обрисованы Константином Багрянородным, который, сам будучи императором, написал в 948–952 гг. книгу об управлении империей⁵². Константин подтверждает наличие в истории Руси скандинавского элемента тем, что приводит и славянские, и «русские» — отчетливо скандинавские по своему происхождению — названия Днепровских порогов.

К счастью, информацию византийских и русских источников можно дополнить за счет произведений мусульманской письменности⁵³. Великая экспансия ислама в VII–VIII веках способствовала возникновению интереса к миру и его народам, и потому IX–X века стали временем появления многих географических тру-

дов на арабском и персидском языках. Многие мусульманская география почерпнула из Птолемея, но географам ислама удалось дополнить и исправить его труды, исходя из личных наблюдений и с помощью таких людей, как купцы и чиновники, путешествовавших по всему исламскому миру и за его пределами. Понятно, что предметом особого интереса для них были области, завоеванные исламом, но некоторые писатели уделяли внимание и народам, обитавшим за границами распространения мусульманской веры; и те произведения, в которых содержатся какие-либо сведения о землях между Черным, Каспийским и Балтийским морями, безусловно, имеют первостепенное значение для любого изучения деятельности скандинавов на Востоке.

К сожалению, эти работы зачастую представляют собой результат объединения двух вариантов текста в один, а многие из них написали люди, не имевшие собственных представлений об этой территории. Эти сложности усугубляются ошибками переписчиков, и в итоге некоторые вопросы весьма туманны. Например, о *русах* первым упоминает Ибн Хордадбех, писавший в середине IX века⁵⁴. Он рассказывает о том, что *русы* путешествуют по *Танаису*, реке славян (*Saqaliba*). Прочтение слова *Tana'is* неточно, и, хотя его принято считать относящимся к Дону, имеются веские основания полагать, что здесь имеется в виду верхнее течение Волги⁵⁵. Свидетельства такого рода, если только не относиться к ним с осторожностью, принимая во внимание возможность иных прочтений, приводят к большой путанице. Но это не единственная проблема, которую ставит перед нами рассказ Ибн Хордадбех. Он называет *русов* разновидностью славян — *Saqaliba*. Так обычно обозначаются славяне, но поскольку получающийся в результате смысл противоречит всему,

что принято думать о *русах*, в данном контексте термин *Saqaliba* иногда переводится как «северяне», или «европейцы»⁵⁶.

Происхождение и значение самого слова *Rus* является предметом самых оживленных дискуссий⁵⁷. Как славяне, так и мусульмане использовали его для обозначения одного из народов, живших на территории сегодняшней России, а в византийских источниках, как и в «Анналах Сен-Бертена» это слово встречается также в форме *Rhos*. Первоначально это слово означало шведов, и, хотя у него, возможно, имелась и скандинавская форма, в славянский и арабский языки оно перешло из финского. В современном финском языке шведы называются *Ruotsi*, и это слово вполне могло превратиться в славянское *русы*, точно так же как финское название самой Финляндии, *Suomi*, в русском языке обернулось в *саамы*. Использование финского слова ни в коей мере не вызывает удивления, поскольку финны в то время занимали значительную часть русского Севера и скандинавы должны были в течение долгого времени иметь дело с ними, прежде чем повстречались со славянами или мусульманами. Сначала это слово применялось к скандинавам из средней Швеции, но вскоре *русы*, закрепившиеся в Киеве, подверглись славянизации, и тогда его стали употреблять для более обширной группы, включавшей как славян, так и людей скандинавского происхождения. Значит, абсолютно неправильно трактовать слово *Rus* в мусульманских источниках X века так, как будто оно всегда обозначает скандинавов, или даже людей скандинавского происхождения. Бесспорно, иногда имеются в виду именно скандинавы, как, например, в рассказе Ибн Фадлана о путешествии в Булгарию в 922 г., который, к счастью, дошел до наших дней в оригинале, ибо в нем описывается захоронение вождя *русов* в

корабле⁵⁸. К сожалению, немногие из мусульманских текстов так хорошо сохранились и отличаются такой ясностью, как произведение Ибн Фадлана, поэтому, как и в случае с письменными источниками, рассмотренными выше, при использовании этих свидетельств не следует забывать о проблемах интерпретации. Если пренебречь этими правилами, выводы едва ли окажутся здоровыми.

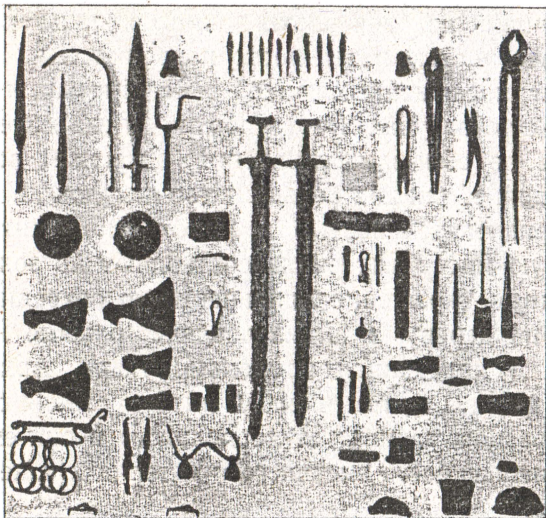
АРХЕОЛОГИЯ

Археология — изучение материальных следов человеческой деятельности — доставляет нам сведения об эпохе викингов, относящиеся к разряду самых важных. Она особенно ценна для таких областей, как Скандинавия, Россия и Исландия, где письменные источники принадлежат к более позднему времени, и ее вклад в обогащение наших познаний об этой эпохе в истории христианского Запада неуклонно растет. Ни одно исследование данной темы не вправе игнорировать археологических данных или выводов археолога. Однако подобные свидетельства нельзя воспринимать безоговорочно, и это непременно должно находить отражение в любых заключениях, сделанных на их основании. К сожалению, отдельные археологи, которые хорошо знают или должны знать о таких правилах, иногда пренебрегают ими в своем желании получить непреложные результаты и «ценные» выводы. Слишком часто искушение датировать предмет или археологическое поле, расположить коллекцию предметов в хронологическом порядке, распознать черты стилистического сходства или определить происхождение берет верх над осмотрительностью, которая была бы уместна во многих случаях. Это не значит, что археологи опрометчивы по определению; некоторые из них очень остo-

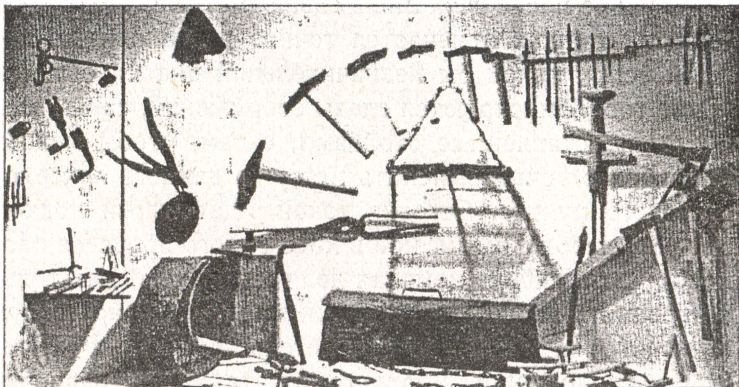
рожны и критичны в использовании материала, но, без сомнения, существует соблазн уточнить то, что следовало бы оставить неопределенным, и представить предварительные гипотезы как уже установленные факты. Даже тогда, когда археолог формулирует свои выводы с очень большой осторожностью, его непосвященная аудитория, не терпящая академической нерешительности, склонна игнорировать оговорки, и потому иногда случается так, что предположение, которое сначала высказывается очень неуверенно, пройдя через несколько стадий, превращается в утверждение, не доказанное ничем, кроме повторения.

Интерпретация археологического материала — задача не из простых и, прибегая к помощи археологии, непосвященный должен остерегаться излишне доверчивого отношения к археологическим гипотезам. Необходимо помнить предостережение, сформулированное выдающимся ирландским филологом Томасом О'Рэйли: «Археологические факты часто скучны, но зато они обладают непреходящей ценностью; заключения археологов, напротив, нередко интересны, но сомнительны и эфемерны»¹. Свидетельство археологии немаловажно, и им нельзя пренебрегать, но не менее важно, чтобы те, кто его использует, были осведомлены о природе такого свидетельства и ограничениях, которым должно подчиняться его применение.

И в первую очередь необходимо подчеркнуть, что, как отметил О'Рэйли, археологические факты зачастую скучны. Во многих музейных собраниях почетное место отводится самым эффектным и значительным находкам или же хорошо сохранившимся и нередко замысловатым по своему внешнему виду предметам, представляющим непосредственный и очевидный интерес. Во всех отношениях справедливо то, что захоронения в кораблях из Гокстада и Усеберга, стоящие в

Илл. II а. Орудия, обнаруженные в захоронении норвежского кузнеца, относящемся, вероятно, к X веку, в Бюглане, Квитсейд, Телемарк. См. UOÅ (1945–1948, pp. 170–192. (*Universitets Oldsaksamling, Oslo*))

Илл. II б. Коллекция инструментов, относящихся к эпохе викингов и найденных в Мастермюре на о. Готланд, находится в Государственном историческом музее, Стокгольм. (*Photo ATA*)

ряду лучших находок эпохи викингов, пользуются такой известностью и так часто появляются на страницах книг, посвященных данной теме, включая и ту, что вы держите в руках. Этот упор на самые интересные образцы не вызывает удивления, но может ввести в заблуждение, так как большинство находок не отличается привлекательностью и не особенно интересно. Основную массу материала составляют не золотые и серебряные украшения или прекрасно сохранившаяся резьба по дереву, а битые черепки, ржавые кусочки железа и изъеденная временем утварь. Археологические выводы, в том числе и интерпретация эффектных образцов, зависят от терпеливого и систематического анализа всего имеющегося материала, а не только лучшего.

Большую часть материала, ожидающего рассмотрения археолога, добывают в ходе научных раскопок, во время которых с помощью современных технологий делается все возможное для того, чтобы не просто сохранить найденное, но еще и зафиксировать предметы, оставившие после себя лишь едва заметные следы. При таких раскопках отмечается точное расположение каждой вещи, какой бы незначительной она ни была, а кроме того, фиксируются следы сооружений, такие, как пустоты, оставленные столбами, с тем, чтобы можно было более точно выяснить историю данного археологического пункта. Сегодня такой тщательный подход признан необходимым, ибо в ходе самого процесса раскопок часто гибнет немалая доля материала. Как только предметы меняют свое положение, записи археолога становятся единственным свидетельством об их исходном расположении, и от его отчета может зависеть очень многое. Даже лучшие специалисты по раскопкам могут ошибаться, а повсеместное и неизбежное привлечение неквалифицированной или, по крайней мере,

Илл. III. Застежка конской сбруи, позолоченная бронза, найдена в Бруа, Халла, о. Готланд, находится в Государственном историческом музее, Стокгольм. Размер фотографии примерно соответствует оригиналу. См. с. 91. (*Bertil Almgren*)

недостаточно квалифицированной рабочей силы повышает вероятность оплошности. Археолог, отвечающий за проведение раскопок, не в состоянии находиться повсюду одновременно, а секундная невнимательность может привести к разрушению маленькой и хрупкой находки или едва заметных следов от постройки, вроде скважины от столба. В частности, не всегда легко удостовериться в том, что найденные рядом предметы были вместе изначально, а находки, зафиксированные в одном и том же слое, действительно к нему относятся. Помимо случайностей, которые происходят при раскопках, предметы могут сдвигаться из-за корней, животных или даже дождя, а потому глубина размещения предмета зачастую обманчива. Иногда случается определять слой, в котором сделана находка, соотнося его со

срезом стенок раскопа. Порой сам этот разрез выполняется в основном «на глаз», но, даже будучи проведен аккуратно, он может оказаться недостаточно надежным инструментом для установления толщины слоев в той части, где вынимается земля. Таким образом, предмет может происходить из слоя, лежащего выше или ниже того, в котором он фактически находится. Если сомнения возникают уже после окончания раскопок, устранить их удается только в редких случаях; но, как правило, если даже они и высказаны, приходится оставлять их неразрешенными, и по ходу интерпретации археологической находки появляется новый элемент домысла. Поскольку немалая доля археологических выводов строится на том, что предметы обнаруживаются рядом или в одном и том же слое археологического поля, неясность по поводу этих деталей имеет особенно серьезные последствия. Как правило, современные раскопки, разумеется, когда речь идет о важных археологических пунктах, проходят под тщательным контролем и бывают очень осторожными, и потому доля неопределенности невелика. К сожалению, огромное большинство находок эпохи викингов в частных и государственных коллекциях не было собрано с той аккуратностью, какой мы вправе ожидать от раскопок сегодня. Слишком многие из них извлекались из земли энтузиастами, которых больше интересовали сами предметы, чем обстоятельства их обнаружения, да и то лишь вещи, представлявшие явный интерес или бесспорно красивые. Как отозвался о своих предшественниках один археолог: «Кажется, никто не считал, что погребение, характеризующее только „ржавыми кусочками старого железа“, достойно тщательного исследования»². Предметы, выкопанные таким образом, нельзя оставлять без внимания. Они образуют существенную часть материала, но едва ли она может нас удовлетворить. Не все давние рас-

копки были небрежными — некоторые, как, например, замечательная работа Хьяльмара Столпа в Бирке, стоят на очень большой высоте. Но даже самые скрупулезные из тогдашних ученых работали, не имея серьезных преимуществ, которые предоставляют современные технологии консервации, в то время еще не достаточно развитые. Многие предметы, зафиксированные Столпом и зарисованные тогда же, разрушились; например, меч, найденного в могиле 581 в Бирке и изображенного на рис. 3, более не существует. В настоящее время технологии раскопок и консервации ушли далеко вперед по сравнению с XIX веком, но археологическому изучению эпохи викингов нелегко избавиться от груза прошлых ошибок.

Самым обычным объектом исследования археологов являются захоронения эпохи викингов. Подобных могил по всей Скандинавии, а также в других зонах скандинавской активности, известны десятки тысяч. Они бывают самого разного типа — кремация встречается наряду с ингумацией, отдельные могилы отмечены курганами, а другие плоские, кое-какие богато обставлены, прочие же бедны; и в некоторых из них умершие были захоронены или кремированы в корабле или лодке. Эти погребения, являющиеся главным источником материала по эпохе викингов, часто группируются вместе, образуя кладбища, которые можно связывать с населенными пунктами, но лишь немногие из этих поселений были обследованы. В основном это объясняется тем, что и в настоящее время в них живут люди. Например, на островах Эланд и Готланд для изучения легкодоступны населенные пункты, относящиеся к периоду до викингов и обезлюдевшие в V и VI веках по не совсем понятным причинам; к началу эпохи викингов здесь были основаны новые поселения на тех местах, которые по большей части заселены и

сегодня³. Даже в тех случаях, когда раскопки возможны, следы эпохи викингов часто оказываются поврежденными, если не уничтоженными, при строительстве позднейших зданий или рытье сточных канав. Прекрасную возможность до тонкостей восстановить облик поселения эпохи викингов археолог получает лишь в тех случаях, когда археологические пункты пустеют прямо в этот период или сразу после него. Деревня Линдхольм в Северной Ютландии превосходно сохранилась только потому, что в XI веке весь этот участок оказался покрытым толстым слоем песка, и это уберегло его от повреждения⁴. Песок сохранил даже борозды на поле, и когда его удалили, все еще можно было увидеть колеи, оставленные колесами телеги. Шансы обнаружить следы IX–X веков увеличиваются и в том случае, если строения были каменными, а не деревянными, и потому тщательнее других поселений эпохи викингов была раскопана деревня Ярлшоф на Шетландских островах⁵. Существует также несколько крупных и значительных объектов, вроде лагеря в Треллеборге⁶, или городов Хедебю и Бирки, и, естественно, они привлекли к себе большое внимание⁷. Когда мы смотрим на эти внушительные памятники и сделанные в них открытия, важно помнить, что они составляют лишь часть, хотя и существенную, свидетельств, поставляемых археологией. Так, исследование и интерпретация такого объекта, как Бирка, зависит от результатов бесчисленных мелких раскопок, многие из которых не фиксируются должным образом, а большинство редко рассматривается с точки зрения их самостоятельной ценности.

Эти археологические пункты и сделанные там находки представляют собой то «сырье», которое должен переработать археолог. В результате систематического сопоставления и анализа он надеется предложить отве-

ты на множество разнообразных вопросов. Например, он может попытаться выяснить судьбы конкретного населенного пункта или региона, проследить миграции, узнать характеристики региона и тем самым обнаружить привозные товары или чужеродные влияния, изучить изменения в составе населения, сравнить богатства и ресурсы различных областей в разное время и даже распознать классы общества. Практически для любого из подобных археологических исследований фундаментальным является вопрос хронологии. Одна из первых задач археолога состоит в том, чтобы как можно более точно определить абсолютную или относительную дату исследуемых им объектов и извлеченных из земли находок. Как и историка, его интересуют процессы развития, а здесь нельзя совсем обойтись без понимания хронологии. Очевидно, что шанс на серьезное рассмотрение любого подобного процесса, идет ли речь о художественных стилях, строительных технологиях, погребальных обычаях или просто о расцвете благосостояния, появляется только при возможности установить хронологию объекта или ряда объектов. Конечно, хронология археолога не обязана быть абсолютной: до тех пор пока на основании относительной хронологии, скажем, последовательности стилей, не делают выводов по поводу других проблем, к которым эта частная хронология не имеет отношения, в ней нет ничего плохого. Если же предполагается, что археологический материал будут использовать для общего изучения эпохи викингов, важно хорошо понимать, уместна ли археологическая хронология с точки зрения истории. Так же важно, чтобы историки и все те, кому, быть может, придется использовать эти вещественные свидетельства, разбирались в методах археологической датировки, поэтому недавно шведский ученый Бертил Альмгрен подверг их критическому анализу⁸.

Вопросы хронологии, которые приходится рассматривать археологам, связаны либо с археологическими пунктами, либо с найденными предметами. Ответы, разумеется, тесно взаимосвязаны; установить дату могилы, дома или другого строения обычно можно, лишь найдя в нем какой-либо поддающийся датировке предмет, а дата предмета почти всегда определяется его нахождением в каком-то доступном для датировки окружении. Очевидно, самое главное — проводить раскопки археологического пункта аккуратно, поскольку надежда выработать относительную хронологию находок и доказать, что откопанные рядом предметы и изначально помещались вместе, существует только в том случае, когда пристальное внимание уделяется всем обстоятельствам. Материалы, полученные в результате небрежных раскопок и кладоискательства, могут быть абсолютно бесполезными, а случайные находки, обнаруженные при прокладке дорог или вспашке, не обладают ценностью в качестве критерия для датировки, поскольку явно нельзя сказать, когда они были потеряны или закопаны. Единственную надежду датировать предметы, найденные случайно или в ходе бессистемных раскопок, дает их сопоставление с другими, которые поддаются датировке, будучи извлечены с большей аккуратностью. К сожалению, таковых относительно немного: основная часть материала, относящегося к эпохе викингов, была добыта при не слишком хорошо известных обстоятельствах, и потому в идеале при попытках установления исторической или абсолютной хронологии этого периода этими находками следовало бы пренебречь.

Наилучшим для датировки материалом, добываемым на месте археологических раскопок объектов эпохи викингов, являются монеты⁹. По общему признанию датировка некоторых из них неясна, но многие несут на

себе имя правителя, при котором чеканились, и, таким образом, их дата оказывается установленной. Мусульманские монеты даже еще полезнее, поскольку обычно на них бывает указан год чеканки. К несчастью, лишь в относительно небольшом количестве захоронений и других археологических объектов были обнаружены монеты, поддающиеся датировке. В Норвегии и Дании мусульманские монеты были найдены всего в десяти могилах, и из 4400 мусульманских монет, найденных на этой территории, только тридцать было выкопано из могил¹⁰. Монеты, использованные при захоронении, нередко фрагментарны или сильно повреждены, и потому их дату зачастую невозможно расшифровать. Даже когда дата монеты, извлеченной из могилы, известна, это дает только одну границу датировки, а так можно зайти в тупик. Прежде чем стать частью погребального инвентаря, монеты могли долгое время находиться в обращении или служить украшением. Видимый износ — это очень ненадежный признак их возраста на момент захоронения; монета могла истереться очень быстро или, напротив, долго храниться в хорошем состоянии. Таким образом, монеты способны оказать лишь ограниченную помощь в датировке находок эпохи викингов.

Обнаружение в раскопе предметов, поддающихся датировке, обеспечивает лишь одну временную границу; другая обычно остается неопределенной. В отдельных случаях какое-то видоизменение или перестройка, связанная с известным моментом истории, устанавливает и вторую пограничную дату. Например, существует немаловажный участок, где на *terminus ad quem* указывается отсутствие некоторых предметов. Находится он в Бирке, где ни в одной из 1100 раскопанных могил, как и в материалах, добытых в черте города, не было обнаружено ни германских, ни английских монет времен короля Этельреда¹¹. В Швеции такие монеты были

чрезвычайно широко распространены в течение последних двух десятилетий X века, и их отсутствие в материалах из богатой Бирки наводит на мысль о том, что примерно к 980 г. город пришел в запустение. Это уникальный и необычайно ценный ключ к датировке могил и прочих объектов, найденных в Бирке. Напри-

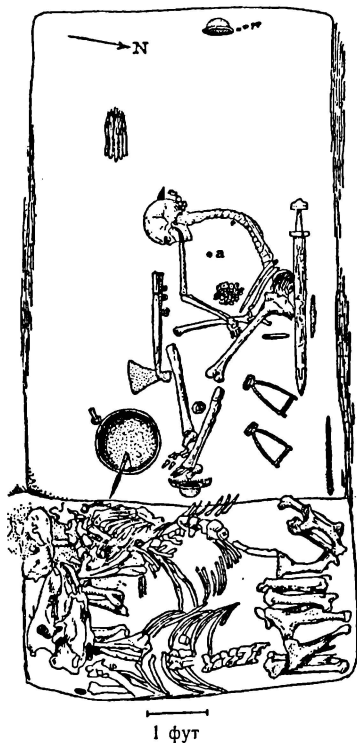

Рис. 3. Могила № 581 на кладбище Бирки. См. рис. 10 и с. 84, 86, 94. Куфическая монета обозначена буквой *a*. (Из плана, опубликованного в *Birka I*, р. 189)

мер, это значит, что захоронение, изображенное на рис. 3, можно датировать в очень узких временных границах. В нем найден серебряный дирхем, который, по всей видимости, был отчеканен между 913 и 933 гг., и поскольку эта могила принадлежит к кладбищу Бирки, то относится она, вероятно, к периоду до 980 г. Эта датировка гораздо точнее, чем она могла бы быть, если бы могила была найдена в каком-то другом месте. Иногда временная граница известна из истории. Заселение Исландии в последней четверти IX века является прекрасной и вполне надежной отправной точкой для сделанных там открытий. Известны также попытки датировать отдельные объекты, связывая их с конкретными людьми или событиями, но они оказались менее плодотвор-

ными, чем можно было бы ожидать, и порой сама эта связь весьма сомнительна, как, например, предположение о том, что в Усеберге была похоронена королева Аса¹². Конечно, существует насколько археологических пунктов, которые можно соотнести с исторически известными личностями, — это, например, курганы датских королей X века Горма и Харальда в Йеллинге, но королевские захоронения едва ли подходят на роль удобного пособия для изучения стиля и формы более скромных могил.

Выходит, что таких объектов, для которых можно с уверенностью установить одну пограничную дату, немного, и совсем уж мало таких, для которых удастся предложить две. Приходится использовать могилы и другие объекты, содержащие какое-то количество материала, явно поддающегося датировке, в качестве ключа к хронологии других находок. Метод прост: предметы, найденные в доступном для датировки контексте, сами используются в качестве критерия датировки, если они обнаружены в любом другом месте. Прием этот явно ненадежен, особенно когда его отправные точки сами обеспечены лишь одной пограничной датой, но приходится его применять, и некоторые археологи заявляют, что в состоянии датировать находки с замечательной точностью. Например, профессор Шетелиг в ходе дискуссии о датировке нескольких захоронений на территории Британии решился написать:

«В могиле мужчины в Баллинаби находился меч и топор, характерные для первой половины IX века, а другое захоронение мужчины, обнаруженное вблизи двойной могилы, датируется по топору, относящемуся примерно к 850 г. Захоронение в лодке в Килоран Бее, судя по типу найденного в нем меча и топора, следует отнести к периоду, на 20–30 лет более раннему. Великолепная рукоять меча из могилы в Эйгге относится ко времени до середины IX века»¹³.

Впоследствии было высказано мнение о том, что колония викингов в Ярлшофе на Шетландских островах восходит к началу IX века¹⁴. Главная причина для этого заключается в том, что ряд предметов, отнесенных к началу IX века, был найден в самом древнем культурном слое первого дома викингов. Основанием для датировки всех этих предметов может служить:

«застежка конской сбруи из позолоченной бронзы кельтского образца... характерная для изделий из металла, которые в то время викинги захватывали на Западе. Аналогичная застежка встречается в женском захоронении начала IX века в Гаузеле, Хетланд, область Море, известны и другие образцы в Ирландии и на западе Шотландии».

Тот факт, с которым можно и поспорить, что в других местах украшения этого типа встречаются в раскопках начала IX века, разумеется, не является доказательством в отношении датировки предмета из Ярлшофа. Но представляется, что могила в Гаузеле датируется слишком ранним временем. О ней несколько раз упоминает Ян Петерсен в своем «Описании британских древностей, найденных в Норвегии», относя ее один раз к IX веку, дважды — к второй половине того же столетия и один раз датируя «примерно 850 годом»¹⁵. Сомневаться в том, что в IX веке Ярлшоф был населен, не приходится, но к заявлению о том, что его основали в начале IX века, стоит относиться с легким скептицизмом, как и к большинству высказываний о возможности точно датировать археологический пункт с помощью находок такого рода.

Шаткость подобной датировки лучше всего иллюстрирует следующий пример. Захоронение на рис. 3 можно отнести к 913–980 гг. Обух топора из этой могилы принадлежит к типу, который встречается в других местах, и на кладбище в Бирке найдены еще два ана-

логичных образца¹⁶. К счастью, в обоих последних захоронениях присутствовали монеты, в одном случае — 909–910 гг., в другом — начала X века. Таким образом, все три могилы говорят о том, что в X веке такой топор можно было использовать как погребальный инвентарь. Если мы собираемся использовать этот обух в качестве критерия датировки, то, очевидно, важно узнать, новыми или устаревшими являлись топоры этого типа на момент их захоронения в Бирке. И, прежде чем он сможет стать серьезным подспорьем при датировке, необходимо в каждом случае выяснить, был ли топор закопан уже старым или вскоре после своего изготовления. Мы не в силах установить это, и предположение, что в момент погребения оружие неизменно бывало старым, так же рискованно, как и то, что оно всегда было новым. Следовательно, неизбежно существование погрешности, равной, самое меньшее, поколению до и после пограничных дат, установленных для захоронений в Бирке. Иными словами, этот топор мог находиться в употреблении и стать элементом погребальной утвари с 870-го и примерно до 1010 г., а значит, его ценность как критерия датировки невелика. В лучшем случае, мы вправе сказать, что топоры такого типа использовались в X веке.

Опасность появления несуразных результатов существенно уменьшилась бы, если бы используемые для датировки предметы встречались в больших количествах, но в таких случаях возникают дополнительные сложности. Наличие этих «больших количеств» может означать, что предмет пользовался популярностью в течение длительного периода и потому не может быть надежной приметой своего времени. Среди произведений скандинавского искусства, встречающихся во множестве, находятся овальные фибулы, которые иногда называют «черепаховыми». Известно немало различных

типов этих характерно скандинавских украшений, и некоторые из них представлены множеством образцов. Самый распространенный тип получил у Яна Петерсена номер 51, и к нему принадлежит не менее 982 экземпляров из 676 археологических пунктов¹⁷. К сожалению, менее 160 из них нашли вместе с другими предметами, и только двенадцать — с монетами. Датировка этих монет варьируется между серединой IX и концом X веков, и нет сомнения, что фибулы такого типа характерны для конца эпохи викингов, но едва ли их можно датировать точнее. Следующая по численности разновидность овальных фибул у Яна Петерсена значится за номером 37; 535 образцов этого типа были найдены в 364 пунктах, причем только в семидесяти восьми из них обнаружили и другие предметы. Ни одна из таких фибул не была раскопана вместе с монетой. Как кажется, этот тип фибулы древнее, чем более распространенный номер 51, но, очевидно, нет возможности датировать его точнее, чем IX или началом X века. Изучение взаимного отношения этих двух типов с полной ясностью указывает на их частичное совпадение во времени, ибо в десяти объектах встречаются сразу оба. Известно немало аналогичных случаев «встречи» предметов, которые датируются по-разному, когда их обнаруживают изолированно друг от друга. Сам Шеттелиг выражал удивление по поводу одной такой несовместимой пары: «Древнейший тип, относящийся к IX веку и отличающийся несколько тяжеловатым орнаментом, названный типом Бердаля, происходит из... Клибберсвика на Шетландских островах, причем этот последний археологический пункт оказывается местом поразительной „встречи“ фибулы типа Бердаля с фибулой-трилистником X века»¹⁸. Если фибула начала IX века могла быть погребена вместе с экземпляром X века, то едва ли стоит с доверием относиться к ней как к пред-

мету, свидетельствующему о более ранней дате. Таким образом, датировка на основании совместного обнаружения предметов не бывает особенно точной.

Стилистическая и типологическая эволюция сама по себе не является достоверным критерием датировки. Разумеется, в эпоху викингов происходили изменения типа и стиля, но старые предметы могли еще долго оставаться в употреблении, и обычно скорость этого процесса неизвестна. В разных областях и внутри разных социальных групп она могла быть неодинаковой. Менялась мода, существовали всевозможные стили, и все это можно проследить в течение эпохи, но иногда случается так, что отличающиеся, по всей видимости, стили или манеры, обычно отождествляемые с разными периодами, обнаруживаются вместе. Например, среди образцов резьбы по дереву, найденных в Усеберге, были распознаны работы десяти разных художников, выполненные в трех отличных друг от друга «стилях»¹⁹. Профессора Шетелиг и Линдквист пришли к диаметрально противоположным выводам относительно хронологической последовательности, в которой работали эти художники²⁰, а профессор Арбман недавно заметил, что «возможность установить время работы этих десяти мастеров очень невелика»²¹. Понятно, что подобные стилистические аргументы, не дают прочного хронологического основания для изучения эпохи викингов. Правда, Бертил Альмгрен предположил, что думать о наличии в Усеберге трех различных стилей — заблуждение, а вместо этого их следовало бы рассматривать как разные стороны одного и того же стиля²². Его заманчивые размышления о стилистическом анализе не встретили общего признания скандинавских археологов, но, безусловно, они заслуживают более широкого обсуждения, чем это было до сих пор.

Он утверждает, что стили следует отличать не по мотивам, а по используемому типу изогнутых линий, и что у всех художников из Усеберга система этих линий была одинаковой. Различия связаны отчасти с индивидуальностью художника, а отчасти с выбором разных тем или предметов, но все эти произведения относятся к одной стадии или фазе развития скандинавского искусства. Такая же система изогнутых линий встречается на многих других предметах, относящихся к началу эпохи викингов, и, что примечательно, в их числе бронзовые изделия из Бруа в Халле, на о. Готланд, одно из которых представлено на илл. III. Бертил Альмгрен предполагает, что в отношении этой красивой застёжки особенно важно то, что она выполнена в форме львиной головы с сильно стилизованной птицей в пасти и причудливыми зверями на шее и теле, но вся композиция состоит из изогнутых линий с постоянно меняющимся радиусом, причем к концу каждой линии этот радиус становится наименьшим. Существенно и то, что здесь, по-видимому, имело место сознательное стремление избегать прямых углов, ровных и параллельных линий и для композиции в целом характерна обдуманная асимметрия. Тот же тип изогнутых линий встречается в Усеберге, в чем можно убедиться на илл. IV. Разумеется, есть и отличия, особенно в том, как решается обрамление. В Бруа линии композиции соединяются с ним по касательной, кажется, что они в него перетекают и кромка сливается с узором. В резной панели из Усеберга, приведенной на илл. IV, линии композиции встречаются с круглым обрамлением под острыми углами, и если взгляд следует за линиями птиц, он задерживается на этих окружностях. Другое отличие, конечно же, состоит в том, что в Бруа само обрамление асимметрично, а в Усеберге каждое из них представляет собой круг. Кроме

Илл. IV. Панель от так называемых «Четвертых саней», найденных вместе с кораблем из Усеберга, находится в Музее кораблей Universitetets Oldsaksamling в Осло. См. с. 102. Хакон Шетелиг назвал ее одним из лучших резных произведений, найденных в Усеберге. *Vestfoldskolen* (Osebergfundet III, 1920), p. 101. (Bertil Almgren)

того, как указывает Альмгрен, есть некоторая разница и в самом узоре из изогнутых линий, причем не только между Бруа и Усебергом, но даже между находками из Усеберга. Однако такие расхождения не отменяют сущностного единства этой ранней фазы в развитии стиля викингов. Обоснованность такого стилистического анализа можно проиллюстрировать, применив его к узору, известному в восточной Скандинавии как «Стиль D», который относится к предшествовавшему периоду. В этом стиле, в отличие от образца

из Бруа, используются прямые линии, а кривые обычно бывают правильными, и композиции, как правило, симметричны.

Во время эпохи викингов мода на декоративные стили не раз менялась, что можно увидеть, сопоставив узоры из Усеберга и Бруа с серебряными фибулами из Ямьо на о. Эланд, показанными на илл. VIII. Это пример так называемого стиля Борре, относящегося к середине эпохи викингов. Более поздний стиль искусства викингов представлен руническим камнем из Упланда на илл. I. Изучение эволюции этих и других стилей наряду с факторами, оказавшими на них влияние, является важной частью археологического исследования эпохи викингов, но сделанные на сегодня выводы нельзя назвать ни достаточно согласованными, ни достаточно определенными для того, чтобы заключения на основании стиля приобрели серьезный вес за пределами узкого круга археологов и историков искусства. В любом случае, маловероятно, чтобы достижения в сфере искусства были тесно связаны с политическими или экономическими изменениями, и потому хронологии стилей эпохи викингов суждено навсегда остаться до известной степени относительной; и даже если бы существовала возможность установить последовательность стилей, их хронология едва ли имела бы какое-то отношение к другим эволюционным процессам. Точно так же выявление отдельного внешнего воздействия на некий стиль или на искусство некоего региона (например, в искусстве викингов прослеживается франкское, английское, ирландское, византийское и персидское влияния) — это завораживающее занятие, но по большей части не ведущее к изучению других аспектов исторического периода. Подобные влияния, разумеется, свидетельствуют о контакте с искусством других регионов, но определить их сущность почти никогда невозможно. По-видимому,

в том, что касается политических, экономических и даже личных отношений того времени, эти влияния, по поводу которых все равно не утихают споры, оказываются весьма обманчивыми ориентирами.

Таким образом, изучая стили, установить абсолютную археологическую дату практически никогда не представляется возможным, разве что в очень широких пределах, и такая возможность открывается крайне редко в результате обнаружения предметов, поддающихся датировке. Польза от таких способов датировки, как радиоуглеродный метод, не столь велика, как может показаться на первый взгляд, ибо при весьма значительной погрешности этого метода надеяться можно лишь на то, что он подтвердит принадлежность предмета к началу или концу эпохи викингов, что в большинстве случаев уже и так будет известно²³. Например, была исследована смола кораблей, недавно обнаруженных в Роскилле-фьорде, и при помощи радиоуглеродного метода датирована 910 г., а возможная погрешность составила по веку в каждую сторону²⁴. Таким образом, лучшее, на что здесь можно надеяться,— это датировка в широких временных границах. Мы вправе сказать, что некоторые предметы представляются типичными для начала, середины и конца эпохи викингов, и, вероятно, оправданным будет вести разговор о столетиях, но более точная датировка, чем эта, по всей видимости, невозможна.

Безусловно, хронологические вопросы являются основополагающими для изучения археологии эпохи викингов, но это не единственная забота археологов. Об их интересе к стилистическому развитию декоративного искусства и тем внешним влияниям, которые оно может отражать, уже говорилось выше. Кроме того, археологи изучают эволюцию технологий и характер социальных обычаев, проследить которые можно, в частности, по по-

гребению усопших. Раскопано значительное количество захоронений, и, хотя слишком мало из них было исследовано тщательно, чтобы можно было сделать по-настоящему качественные выводы, кое-какие факты представляются четко установленными. Самый примечательный из них заключается в том, что в этот период для скандинавов был характерен обычай погребения или кремации мертвых в корабле или лодке. Стало быть, найденные в России и Западной Европе захоронения в кораблях и лодках, скорее всего, принадлежали скандинавам. К сожалению, обнаружение заклепок от лодок в могилах, в которых погребен прах после кремации, не обязательно означает, что труп был сожжен в лодке. Если для погребального костра использовалась старая лодочная древесина, в обгорелых остатках вполне могут оказаться заклепки²⁵. Встречаются и другие виды захоронения, которые, как представляется, достаточно хорошо изучены, и среди них могилы с погребальной камерой, вроде представленной на рис. 3. Они обнаруживаются по всей Скандинавии, в Польше, Северной Германии, а также Южной России, и один шведский археолог предположил, что этот тип захоронения пришел в Скандинавию с юго-запада, а затем был принесен скандинавами на юг России²⁶. Это кажется маловероятным: различные типы захоронения в камерах, скорее всего, развивались независимо во всех регионах, изобилующих лесом. По всему ареалу распространения викингов, кроме Исландии, параллельно бытовали как кремация, так и ингумация, и возможно, что обычай погребения в земле явился результатом христианского влияния. Судя по всему, кремация была наиболее распространена и существовала дольше всего в областях вроде Финляндии, находившихся в большом удалении от христианского Запада, но, разумеется, не стоит предполагать, что это христианское влияние было пря-

мым. Само собой, наличие кладбищ с захоронениями в земле не означает, что эту территорию посетил миссионер. Иногда считают, что могилы без погребальной утвари говорят о прямом христианском влиянии, но с той же вероятностью они могут свидетельствовать о бедности покойного или неграмотно проведенных раскопках, и необходимо помнить, что даже христиан иногда хоронили вместе с кое-каким имуществом.

Таким образом, проследить распространение народов или верований, изучая особенности захоронений, довольно сложно. Конечно же, ничуть не проще сделать точные выводы, исходя из содержимого могил. Очевидно, что находки в захоронениях на территории России или Ирландии мечей или фибул скандинавского производства, еще не доказывают того, что люди, погребенные в этих могилах, были скандинавами или имели скандинавских предков. Предметы такого рода могут переходить из рук в руки, нередко оказываясь очень далеко от народа, который их изготовил или пользовался ими первым. Это может показаться ясным как день, но порой, об этом забывают. Некоторые ученые воспринимают обнаружение скандинавских предметов, особенно в России, как доказательство тесных связей со Скандинавией. Самый яркий пример тому — отношение к раскопанному в Чернигове крупному захоронению с погребальной камерой, в котором были найдены два меча, один скандинавский, а второй — скандинавской формы, но декорированный в чуждом стиле. И хотя, кроме этих мечей, ни один из предметов, найденных в могиле, нельзя с какой-либо долей уверенности связать со Скандинавией, но крупный шведский археолог недавно высказал предположение, что захоронение принадлежало человеку скандинавского происхождения²⁷. Такое предположение тем более удивительно, если учесть, что мечи были одним из предметов

скандинавского экспорта, о чем упоминают мусульманские писатели того времени²⁸. В полемике по поводу крупного кладбища эпохи викингов в Гнездове вблизи Смоленска заявление о том, что присутствие в захоронении скандинавских предметов доказывает скандинавские корни усопшего, привело к крайне плачевным последствиям. В Гнездове насчитывается более 3000 могил, а монеты и другие предметы, найденные в них, показывают, что этим кладбищем пользовались в X—XI веках. Многие захоронения были раскопаны в XIX веке, а за последние пятнадцать лет советский археолог Д. А. Авдюшин исследовал еще более сотни²⁹. Среди находок из этого археологического пункта имеются и некоторые предметы скандинавского производства, есть также и другие, скандинавского типа, но, вероятно, изготовленные на Руси. Тот факт, что одна из крупнейших могил представляет собой захоронение в лодке, доказывает, что там было погребено какое-то число скандинавов, есть и еще несколько могил, которые обоснованно можно назвать скандинавскими, но в целом доля скандинавского элемента была сильно преувеличена. Профессор Бронстед, безусловно, ошибается, заявляя, что «по большей части в этих могилах захоронены шведы»³⁰. Реально выявленное скандинавское влияние согласуется с теорией об обществе, в котором господствующее положение занимали воины скандинавского происхождения, впрочем, скоро славянизированные, но, конечно же, обнаруженного скандинавского материала недостаточно, чтобы подтвердить заявление Арбмана о том, что это шведское кладбище, последнее пристанище представителей шведской колонии. Правдоподобнее, лучше бы признать, что это место служило кладбищем для русских*.

* У автора «russians». — Прим. ред.

Контраст между Скандинавией и Россией с их многочисленными захоронениями эпохи викингов и Западной Европой разителен. Несмотря на интенсивную скандинавскую колонизацию и продолжительные военные действия против пришельцев с севера, в Западной Европе могилы викингов чрезвычайно редки. В 1925–1926 гг. группа норвежских ученых составила список скандинавских древностей, известных в то время в Западной Европе, и, хотя в свете современных знаний его следовало бы несколько дополнить, их труд ясно показывает, как мало захоронений викингов было обнаружено на Британских островах и континенте³¹. В Англии и Уэльсе их общее число составило шестнадцать; на острове Мэн — одиннадцать; в Ирландии за пределами Дублина, где открыли большое кладбище, их оказалось четыре; в Шотландии — тринадцать; а на северных и западных островах — около шестидесяти. Что же касается континента, то там зафиксировали только три захоронения. Для Англии необходимо сделать одно важное дополнение — кладбище примерно из шестидесяти курганов, обнаруженное в Инглби в Дербишире³². Предпринимаются различные попытки объяснить столь чрезвычайную редкость на Западе объектов, связанных с викингами. Так, например, высказано предположение о том, что в Англии этих могил так мало из-за того, что у датчан не было принято хоронить своих мертвецов в высоких курганах или с богатым погребальным инвентарем, и потому их захоронения, скорее всего, остаются незамеченными. Это помогает объяснить малочисленность могил в датских областях Англии (менее десяти, согласно норвежскому списку), но это едва ли имеет отношение к территориям, которые были заселены людьми норвежского происхождения. По-видимому, есть другое, более удовлетворительное объяснение — поселенцы быстро отказались

от своих прежних погребальных обычаев, но не из-за того, что они слишком долго сражались вдали от дома, как заявил профессор Шетелиг³³, а потому, что скоро переняли христианские формы захоронения, или как минимум хоронили своих умерших соплеменников на христианских кладбищах. Кое-где на Британских островах мечи, топоры и другие скандинавские предметы были найдены на церковных кладбищах, а на острове Мэн есть несколько очень крупных погребальных курганов викингов, расположенных за пределами погостов. Поскольку по обычаю погосты время от времени расчищались, большинство захоронений эпохи викингов, вероятно всего, было уничтожено уже давным-давно³⁴.

Археологи иногда поддаются искушению связывать свои объекты и находки с исторически известными событиями или местами. В пользу существования некоторых из таких связей говорит несметное количество свидетельств, и нет нужды сомневаться в правомерности отождествления археологических пунктов в Бирке, Хедебю и Каупанге с торговыми центрами, упоминаемыми в источниках IX века. Но далеко не все предложенные археологами отождествления покоятся на столь прочном основании. В качестве примера можно привести выдвинутую недавно гипотезу о том, что группа могил, найденных в Монквермауте, принадлежала жертвам нападения викингов³⁵. В основе ее лежит убежденность в том, что мы располагаем исчерпывающей исторической и археологической информацией, а это явно не так. Эти могилы могли появиться в результате любого другого акта насилия, в котором викинги не принимали участия. Пытаясь увязать исторические и археологические данные, очень легко соблазниться самыми удобными гипотезами и отнестись к ним так, как будто они исключают все прочие возможности, поэтому историки, пользующиеся вещественными

материалами, должны особенно остерегаться подобных обманчивых доводов.

Все эти трудности, ожидающие каждого, кто обращается к археологическим данным, были подчеркнуты не для того, чтобы доказать бесполезность археологии, а чтобы стало понятнее, какой реальной ценностью она обладает. Вне всякого сомнения, археология вносит важный вклад в изучение эпохи викингов, но если не признавать довлеющих над ней ограничений, она может принести больше вреда, чем пользы. К тому же очень важно, чтобы все, кто прямо или косвенно использует археологические свидетельства, признали, что невозможно установить точную историческую дату материальных находок, объектов и даже стилей и технических приемов, а значит, установить прочную связь между археологическими открытиями и историческими событиями очень трудно. С учетом этой важной оговорки по поводу исторической ценности археологии она может дать очень много. Так, она позволяет изучить перемены, происходившие в том или ином месте, например, превращение Хедебю из мелкого торгового центра в город, окруженный тщательно продуманными фортификациями, с водопроводом, подведенным, по крайней мере, к некоторым домам, или развитие оборонительных сооружений Бирки. Исключительной заслугой археологии является открытие сложной системы строений, находившейся внутри крупных датских земляных сооружений, вроде Треллеборга³⁶. Можно вполне плодотворно изучать изменения в застройке подобных объектов как таковые; сложно лишь выявить связь этих процессов между собой, а также с событиями в других местах. Кроме того, археолог способен привлечь внимание к видимым изменениям в благосостоянии разных областей и вправе обоснованно предположить, что многократное увеличение количества захоронений,

найденных в разных частях Скандинавии и относящихся к началу эпохи викингов, указывает на рост численности населения. В некоторых областях действительно можно выявить значительные локальные колебания в численности могил, как, например, в удаленной от берега части Каупанга³⁷. Археолог может также внести ценный вклад в наше понимание этого периода, изучая распределение некоторых легко узнаваемых предметов, вроде рейнской посуды³⁸, мыльного камня из Норвегии³⁹, и, помимо всего прочего, монет⁴⁰. В его арсенале находится также изучение развития технологий и инструментов, в числе которых наиболее примечательны корабли. В этих и других вопросах археология обладает величайшей ценностью, и в данном исследовании мы будем широко на нее опираться, но важно всегда помнить о том, что она оперирует гипотезами. В проверке предположений случай играет не меньшую роль, чем научный метод. Историк эпохи викингов должен остерегаться принятия на веру бездоказательных, а иногда и безосновательных домыслов и использования их таким образом, как будто они являются непреложным фактом, не вызывающим сомнения.

КОРАБЛИ

От кораблей зависели почти все военные операции викингов, и многие из них требовали высокого мастерства в искусстве мореплавания. Корабли и искусство управления ими являлись плодом векового опыта, приобретенного во время плавания по островам, на реках, озерах и во фьордах Скандинавии. Это была идеальная среда для развития таких технологий, поскольку в большинстве районов севера лодки были незаменимы. Без них едва ли можно было обеспечивать свое существование на основной части побережья Норвегии; они требовались не только для сообщения во фьордах и между островами, но и для рыбной ловли; то же верно и в отношении островов Дании и Балтийского моря. Даже в материковой Швеции транспортными путями через леса служили реки и озера, а лодки составляли немаловажную часть снаряжения, о чем свидетельствуют богатые захоронения в кораблях периода Венделя и эпохи викингов. Именно в этой ситуации получили развитие технологии кораблестроения и судовождения, что, в конце концов, привело к появлению замечательных и в высшей степени функциональных судов, которые мы сегодня расплывчато именуем кораблями викингов.

Устройство этих кораблей и историю их развития из сравнительно примитивных лодок возможно изучить

несколько более подробно¹. В нашем распоряжении имеется три основных источника информации: остатки самих судов, современные им изображения на камне или в вышивке и письменные свидетельства, заслуживающие наименьшего доверия. В Скандинавии и вдоль южных берегов Балтийского моря было обнаружено немалое количество кораблей или их частей, относящихся к эпохе викингов и непосредственно предшествовавшим ей векам.

Многие из них намеренно закапывали в могилы, или топили в болоте в качестве своеобразного жертвоприношения. Были обнаружены и другие суда, возможно, потерпевшие крушение в шторме или просто брошенные гнить, когда их починка оказалась невозможной; известно еще о нескольких, которые до сих пор остаются под водой, как, например, скопление из по меньшей мере шести кораблей, затопленных в Роскилле-фьорде у Скулделева². В некоторых случаях дерево вместе с другими органическими материалами сохранилось почти полностью, поэтому суда, найденные в Ньюдаме, южной Дании³, западном берегу Осло-фьорда, Гокстаде и Усеберге, можно изучать во всех деталях. Илл. IV и VI показывают замечательную сохранность дерева у находок из Гокстада и Усеберга. Там, где почвенные условия не благоприятствуют хранению дерева, ценные подробности часто удавалось выяснить в ходе тщательных раскопок. В частности, благодаря фиксации расположения и длины заклепок стала возможной прекрасная и подробная реконструкция судов, вроде найденного в Ладби на о. Фюн (Дания)⁴, или многочисленных лодок, обнаруженных на кладбищах Упланда. Великолепная серия памятных камней, установленных на Готланде между V и XI веками, дает бесценные сведения о кораблях, особенно об их оснастке; один из них, из прихода Альског, изображен на илл. V⁵. Резьба

Илл. V. Резной камень периода викингов из Тьянгвиде в приходе Альског на о. Готланд в настоящее время находится в Государственном историческом музее в Стокгольме. См. с. 64, 114. Руническая надпись гласит, что он был воздвигнут в честь человека по имени Юрульф его братом. Аналогичные мифические сцены встречаются и на других камнях. См. Sune Lindquist, *Gotlands Bildsteine* (KVHAA, 1941–1942 гг.), I, 15–17, II, рисунки 137–138. (Photo ATA)

по камню в материковой Швеции не имеет такой ценности для данной темы, но существуют несколько изображений с кораблями, например, на камне начала эпохи викингов из Спарлэсы в Вестерготланде⁶. Конец этого периода дарит нам одно из наиболее интересных,

но обманчивых свидетельств, а именно ковер из Байе⁷. Темой этого изысканного произведения декоративного искусства является нормандское завоевание Англии, а создано оно было не позже чем через несколько лет после этого события. На нем мы видим множество кораблей в процессе их строительства, во время плавания и вытасненных на берег, и, невзирая на сложность выбранного художником изобразительного средства, он умудрился с большой точностью передать многие детали, создав этот один из самых ценных источников информации о кораблестроении и мореплавании в середине XI века. Письменные сведения о кораблях и мореплавании во многих отношениях дают меньше всего достоверной информации. Это несколько современных упоминаний о кораблях в летописях, житиях святых, письмах и в таких произведениях, как рассказ Оттара о своих путешествиях, сохранившийся в староанглийском переводе «Вселенской истории» Орозия⁸. Из этих и им подобных источников можно кое-что узнать: например, Оттар описывает то, как при изготовлении канатов использовались шкуры тюленей и моржей. Самую красочную и подробную информацию можно найти в скандинавских сагах, которые изобилуют упоминаниями о кораблях; и в самом деле, из них почерпнута основная доля наших познаний из области скандинавских технических терминов, обозначающих части корабля и управление им. Однако что касается периода викингов, сагами как источниками надлежит пользоваться с большой осмотрительностью. Они были написаны для аудитории XIII века или еще более позднего периода, и без специальных знаний саги нельзя использовать как руководство по терминологии и технологии IX и X веков. По той же самой причине и скандинавские правовые кодексы также следует привлекать с осторожностью. Как путеводитель по обы-

чаям времен викингов большего доверия заслуживают поэтические произведения скальдов, вошедшие в саги, но, к несчастью, они настолько туманны и иносказательны, что в состоянии подарить нам лишь очень немногие сведения, хотя и очень важные. Например, это упоминания о полосатых парусах, о перемене галса и о зарифлении парусов. Подобные выражения подтверждают выводы, строящиеся, и, возможно, с достаточным основанием, на сохранившихся материальных свидетельствах самих кораблей и их изображений.

Говоря об этих кораблях и их эволюции, правильнее всего начать с описания того, который является лучшим как по своему техническому совершенству, так и по сохранности. Это корабль, найденный в 1881 г. при раскопках большого погребального кургана в Гокстаде, недалеко от Санде-фьорда, примерно в 50 милях к юго-востоку от Осло⁹. Он был захоронен в траншее, а посередине корабля была сооружена погребальная камера для человека, по видимости обладавшего огромным богатством и влиянием. Вместе с кораблем нашли изрядную часть его оснастки (весла, шкивы, реи и другой рангоут, трап, каркас шатра), которую можно было на нем установить, большое количество ткани и веревок, возможно, бывших некогда парусом, и три маленькие лодки. Надо всем этим был насыпан высокий курган. Корабль и найденные вместе с ним деревянные предметы обязаны своей сохранностью голубой глине, в которой они были погребены; сгнили только те части судна, в частности, нос и ахтерштевни, которые выдавались из слоя голубой глины.

За исключением мачты и палубы, основная часть корабля, изображенного на илл. VI, построена из дуба. Длина его составляет 76 футов 6 дюймов (23,33 м), ширина — 17 футов 6 дюймов (5,25 м), а высота от

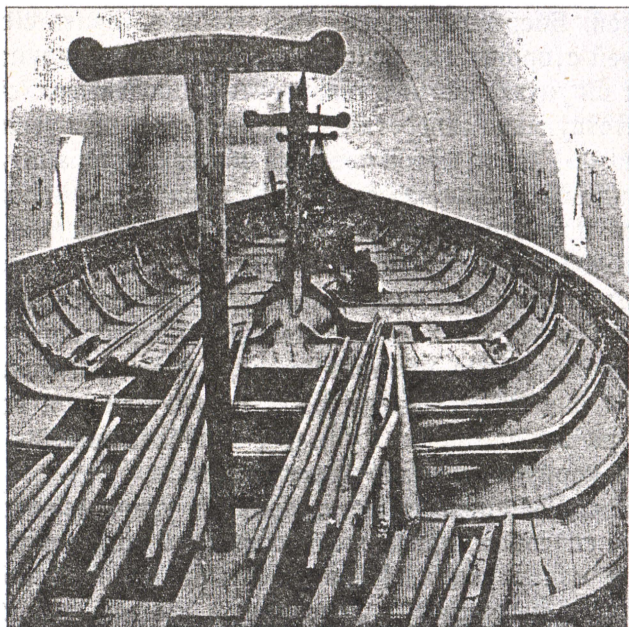
нижней точки киля до поручней посередине корабля чуть менее 6 футов 5 дюймов (1,95 м).

Осадка его составляла три фута, а вес при полной загрузке — около 20 метрических тонн. Его мореходные качества были убедительным образом показаны в 1893 г., когда создали его копию, которая пересекла Атлантический океан менее чем за месяц. Это судно покинуло Норвегию 30 апреля и достигло Ньюфаундленда 27 мая после трудного плавания в штормовых условиях. Описание этого путешествия, оставленное капитаном Магнусом Андерсеном, выявляет помимо всего прочего то, с каким мастерством было разработано это судно и вся его оснастка¹⁰.

Киль состоит из единого бревна длиной в 57 футов 9 дюймов (17,6 м) и толщиной от 14 с половиной (37 см) до шестнадцати с половиной дюймов со стержнями, прикрепленными к килю короткими переходными деталями. Обшивка состоит из шестнадцати поясов* и крепится внакрой, доски соединены заклепками, а щели между ними законопачены смоченной в смоле шерстью животных. Толщина поясов колеблется в зависимости от функции. Нижние девять поясов, подводная часть корпуса, состоят из дюймовых досок (2,6 см), десятый — ватерлиния — из самых толстых, в дюйм и три четверти (4,4 см); толщина следующих трех поясов такая же, как у подводных; четырнадцатый, в котором прорезаны отверстия для весел, толще — в дюйм с четвертью (3,2 см); а верхние два очень тонкие, всего в семь двенадцатых дюйма (1,6 см). Самый верхний пояс усилен тяжелым планширом, размер которого четыре с четвертью на три с половиной дюйма (10,8 на 8,8 см).

Конфигурация той части корпуса, которая находится ниже ватерлинии, обеспечивается девятнадцатью шпан-

* Сплошная полоса на корпусе корабля, образуемая досками.

Илл. VI. Корабль из Гокстада, в настоящее время находится в Музее кораблей Universitetets Oldsaksamling в Осло. См. с. 105–116. Весла на переднем плане, трап и мачта — слева.

Емкости позади мачты, вероятно, служили для пищи и питьевой воды. По обеим сторонам мачты отчетливо видны гнезда для установки рангоутов, ср. с. 113 и рис. 4.

T-образные стойки предназначались для хранения мачты в то время, когда корабль шел на веслах.

См. Harald Åkerlund, *Unda Maris*, 1955–1956, p. 52 и прим. (Ernst Schwitters, Oslo)

гоутами, каждый из которых в отдельности составляет чуть более трех футов (около 1 м), а дополнительную прочность на уровне ватерлинии кораблю придают поперечные балки, большинство которых, в свою очередь, опирается на стойки. Поперек этих балок настилалась палуба. Ниже ватерлинии пояса обшивки подвижно прикреплялись к шпангоутам «канатами» из еловых

корней. Доски вырезались так, чтобы оставить с внутренней стороны, где находились шпангоуты, шпунты; в этих шпунтах, как и в шпангоутах, проделывались соответствующие отверстия, сквозь которые пропускались «канаты». Такой метод крепежа обшивки к шпангоутам, по-видимому, был на севере традиционным и использовался при строительстве большинства скандинавских кораблей эпохи викингов. Его преимущество состояло в том, что корпус можно было сделать одновременно легким и упругим. Более жесткую конструкцию пришлось бы сделать намного толще, а значит, и тяжелее, чтобы она могла выдерживать перегрузки при волнении на море. Кроме того, для кораблевождения гибкость корпуса является преимуществом.

Пояса обшивки выше ватерлинии удерживаются на месте способом, призванным сообщить гибкость и этой части конструкции. Первые четыре из этих поясов крепятся нагелями* к деревянным кницам, присоединенным к поперечным балкам. Два верхних пояса, самых тонких на корабле, точно так же прикреплены нагелями к половинным шпангоутам, соединенным с лежащими непосредственно под ними поясами и плотно входящим в нижнюю часть планшира. У двух верхних поясов и планшира этих подпорок вполовину меньше, чем поперечных балок и книц, а результат — легкость и подвижность судна. Магнус Андерсен сообщил, что при пересечении Атлантического океана копия корабля из Гокстада проявила удивительную гибкость. В открытом море планшир на целых шесть дюймов выгибался наружу по сравнению с исходным положением. Несмотря на это, судно оказалось водонепроницаемым. По словам Андерсена, эта гибкость вкупе с отличной обтекаемостью судна делала его необычайно

* Деревянные гвозди, используемые для крепления шпангоута.

ходким, и нередко оно развивало скорость до 10 узлов, а то и больше.

Такой метод строительства вполне мог установить ограничение для размера изготавливаемых судов. Он требовал очень большой прочности от кия, а ее проще всего было достичь, используя только одно бревно. Следовательно, максимальная длина корабля, построенного таким способом, в значительной мере определялась длиной имеющегося ствола для изготовления кия. Об этом важном моменте необходимо постоянно помнить, когда речь идет о размерах кораблей викингов.

Судно из Гокстада управлялось при помощи кормового руля, укрепленного самым простым образом. Дубовый руль, достигавший в длину 10 футов 9 дюймов (3,3 м), крепился к большой деревянной колоде, приделанной к корпусу снаружи и поддерживаемой дополнительным прочным шпангоутом. Эта колода называлась «бородавкой». Крепеж осуществляли при помощи ивовой лозы, завязанной узлом снаружи и прошивавшей насквозь как руль, так и «бородавку», для того чтобы надежно зафиксировать их на судне. Таким образом, руль был прочно прикреплен к корпусу, но гибкость лозы позволяла смещать его в горизонтальной плоскости при помощи румпеля *hjalm*, который был вставлен в его верхний конец и выдавался внутрь судна. Крепление к планширу не давало рулю вращаться вокруг своей оси. Когда судно вытаскивали на берег или оно шло по мелководью, руль можно было очень быстро поднять, отвязав его от планшира и вращая вокруг оси при помощи веревки, привязанной к нижней части его лопасти. Когда руль стоял на своем месте, он уходил вглубь примерно на 18 дюймов (46 см) ниже кия и представлял собой весьма действенное рулевое приспособление. После своего путешествия через Атлантический океан Магнус Андерсен писал:

«Я много думал об этом и пришел к выводу, что такой руль можно счесть одним из самых решающих доказательств того, что наши предки были опытными и искусными мореплавателями... Согласно моему опыту, на подобном корабле этот руль значительно эффективнее руля, укрепленного на ахтерштевне... Я рад возможности утверждать, что он действовал удовлетворительно во всех отношениях, обладая к тому же тем преимуществом, что никогда не упрямылся, как непременно сделал бы руль, закрепленный на ахтерштевне. В любую погоду управлять кораблем можно было в одиночку, помогая себе лишь небольшим куском линя».

Судно могло двигаться на веслах. У него было шестнадцать пар сделанных из сосны весел, которые были разной длины, чтобы при гребле ударять по воде всем одновременно. Скамеек для гребцов не существовало, и у последних могли быть какие-то съемные сиденья, которыми, очень даже возможно, служили их морские сундуки. Эта особенность подсказывает, что основным способом продвижения гребля не являлась. Разумеется, весла использовались в критические моменты, когда корабль попадал в полосу штиля или когда ему приходилось маневрировать в узких водных пространствах, например, фьордах или гаванях, но, как правило, судно двигалось под парусом: оно и задумано было как парусное судно. Значит, маловероятно, чтобы в долгих путешествиях участвовала команда, включавшая более чем тридцать пять человек. При рукопашной многочисленность могла быть преимуществом, и в средневековой Норвегии полагалось, чтобы на кораблях с морским ополчением находилось по несколько человек у каждого весла, но при пересечении Северного моря команда численностью больше тридцати пяти человек могла сделать управление кораблем чрезвычайно трудным, если не сказать рискованным делом.

Мачта устанавливалась на очень большой дубовый чурбан, называвшийся *kerling*, то есть «старуха» или «старая карга». В длину он достигал 12 футов (3,6 м) и шел вдоль киля, скрепляя четыре шпангоута. Мачта стояла в гнезде, предназначенном для того, чтобы легче было ее поднимать и опускать. Над керлингом находился и пяртнерс мачты, массивный кусок дуба, который лежал на шести поперечных балках, опираясь на них, а также на верхнюю часть самого керлинга. Мачта проходила сквозь пяртнерс и силой ветра прижималась к его прочной передней части. Таким образом сила, с которой ветер дул на парус, сообщалась корпусу. Позади мачты в пяртнерсе имеется большая щель, так что мачту можно поднимать и опускать без того, чтобы ее приходилось вынимать вертикально вверх из ее гнезда. Когда мачта стояла на своем месте, щель закрывалась деревянным клином.

Оснастку корабля и то, как осуществлялось кораблевождение, детально изучил шведский ученый Харальд Акерлунд. Его выводы несколько отличаются от тех, которые сделал профессор Шетелиг и другие исследователи, но в целом предпочтение следует отдать именно им¹¹. Они строятся на тщательном изучении не только корабля из Гокстада, но и мореплавания в целом, и имеют преимущество, объясняя предназначение всего найденного вместе с кораблем морского снаряжения. Таким образом, рассказ об оснастке корабля из Гокстада и технологии мореходства, который следует ниже, базируется на работе Акерлунда. Реконструкция его такелажа показана на рис. 4.

Хотя большая часть мачты была найдена, ее верхушка отсутствовала и поэтому точная высота неизвестна, но она составляла примерно от 37 футов 6 дюймов до 41 фута (11,5–12,5 м). Ее поддерживали ванты, натяжение которых обеспечивалось за счет больших обрубков

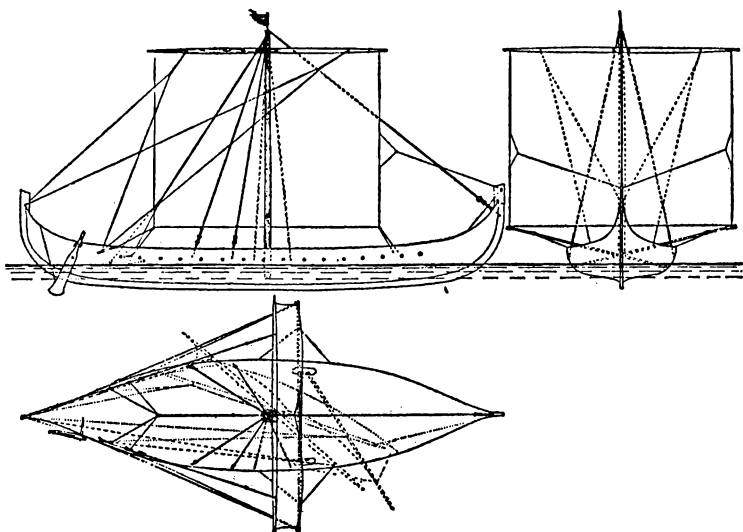

Рис. 4. Реконструкция оснастки корабля из Гокстада.
(Реконструкция Харальда Акерлунда в *Unda Maris*,
1955–1956, р. 81)

дерева, показанных на рис. 4. Дополнительную устойчивость мачте придавал фока-штаг, при том, что функции бакштага выполнял фал, пропущенный через отверстие в верхушке мачты или через прикрепленный к ней чурбак. Парус был один, площадь его составляла примерно 105 квадратных футов (90 кв. м), поднимался он на рее длиной около 37 футов (11,5 м). Более половины этой рей нашли вместе с кораблем, и в середине толщина ее составляет примерно 10 дюймов (25 см). Один из обнаруженных рангоутных деревьев, вероятно, служил как нижней, так и запасной реей. Внутри корабля нашли огромную кучу белой шерстяной материи, к которой было пришито некоторое количество красной ткани, и все это было перемешано с веревками. Наверное, это и был парус, который скорее всего делался из полос грубой шерстяной ткани, назы-

вавшейся *wadmal*. Для прочности ее обычно использовали в два слоя, и часто полосы переплетались, образуя шахматный узор, или же крепость паруса обеспечивалась пришитой к нему веревочной сетью, но оба метода приводили к появлению узора из квадратов, знакомого по резным изображениям на камнях, как на илл. V.

Рея удерживалась на мачте либо при помощи естественно искривленного куска дерева, как на корабле из Усеберга, либо короткой, но очень крепкой веревкой. Нижний край паруса закреплялся шкотами и реей, которую ворочали брасы. При плавании с попутным ветром могла использоваться нижняя рея, но был и другой способ поднятия паруса при слабом бризе, состоявший в применении двух специальных рангоутов, каждый по 26 футов (8 м) в длину, найденных вместе с кораблем. Эти рангоуты вставлялись в гнезда в двух чурбаках, установленных по бокам судна как раз перед мачтой. Эти чурбаки можно увидеть на илл. VI, а способ их использования продемонстрирован на рис. 4. При боковом ветре (т. е. при движении правым или левым галсом) обычно употреблялся только один из этих рангоутов. В этом случае последний вставлялся во второе гнездо в одном или другом чурбаке в зависимости от относительного направления ветра. В каждом из этих чурбаков было по два гнезда с разными створами, и предположение Акерлунда о том, что их использовали для рангоутов, служащих для поднятия паруса, является единственным удовлетворительным объяснением их функции. При плавании в бейдевинд к шкаторине паруса мог прикрепляться булинь — так, как это показано на рис. 4. Корабль из Гокстада не нуждался в бушприте, но пользоваться им в IX веке, разумеется, умели.

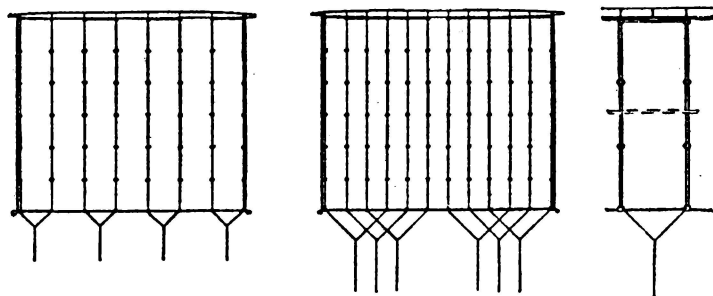
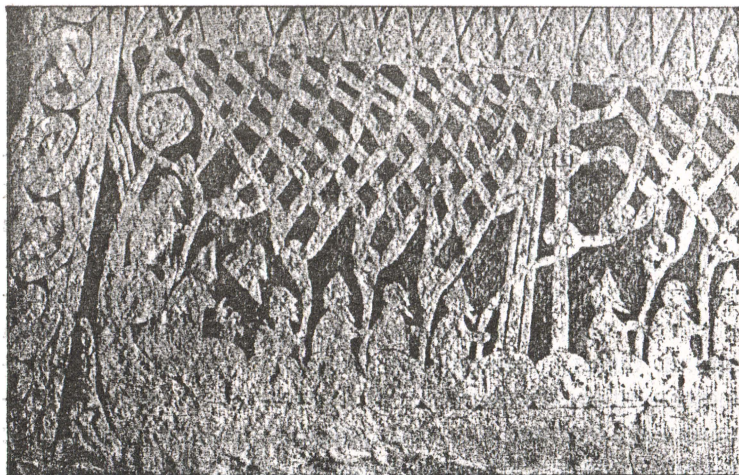
Иногда утверждают, что корабли викингов обычно плавали только при попутном ветре, но устройство

корабля из Гокстада и найденные вместе с ним снасти ясно показывают, что это не так. Он рассчитан таким образом, чтобы прекрасно плавать при боковом ветре или даже в бейдевинд, и такую его способность продемонстрировали его копии. Кроме того, трудно понять, как вообще могли бы плавать викинги, если бы их суда полностью зависели от изменения ветра.

О том, как зарифить паруса корабля из Гокстада, ничего не известно, но памятные камни Готланда и поэзия скальдов дают основание полагать, что такая система существовала и что она была общеизвестна уже в начале эпохи викингов. Акерлунд предположил¹², что, вероятнее всего, паруса укорачивались при помощи системы лееров, пропущенных через петли или кольца паруса так, как это показано на илл. VII.

При натягивании расположенных указанным образом лееров можно было равномерно поднять нижний край паруса, а образующийся в результате узор из веревок, вероятно, был очень похож на тот, который изображают некоторые из отличающихся наибольшей тщательностью резных камней, например, образец на илл. VII. На некоторых готландских камнях, включая находку из Альскога в Тьянгвиде на илл. V, видно, что члены команды держат в руках эти «леера для зарифивания», и существует предположение, что этот способ укорачивания и удлинения паруса мог использоваться при определенных обстоятельствах, таких, как битва или опасная погоня, с целью обеспечения тактических преимуществ за счет быстрого изменения скорости¹³. После того как парус укорачивался таким способом (похоже, что именно с этим значением использовалось выражение *hefla* или *hefla upp*), можно было без труда зафиксировать новый нижний край, привязав шкоты к новым углам.

Якорь от корабля из Гокстада откопали, но вскоре после того, как его железо попало на воздух, оно было

Илл. VII. Деталь крупного резного изображения на камне Смисс I из прихода Стенкирка на о. Готланд, в настоящее время Готландс Форснал, Визби. Эту хитроумную систему лееров можно сравнить с реконструкцией системы зарифивания, выполненной Харальдом Акерлундом в *Unda Maris*, 1955–1956, р. 76. См. с. 114.

(Фотография: Photo ATA; схема: Harald Åkerlund и редактор, *Unda Maris*)

утрачено, остался только дубовый шток примерно 9 футов (2,75 м) в длину. Он был устроен так же, как и лучше сохранившийся якорь, найденный с кораблем в Ладби. Вместе с кораблем обнаружили остатки трех

лодок. Судя по всему, они были очень красивыми, длина их достигала 21,5, 26, и 32 футов (6,6; 8 и 9,75 м) соответственно. Две из них были оснащены мачтами, и все они могли двигаться на веслах.

Во всех своих деталях корабль из Гокстада прекрасно задуман и очень хорошо выполнен. Он был захоронен в середине эпохи викингов, возможно, в конце IX века и, по-видимому, в то время ему было лет пятьдесят. Значит, технологию мореплавания в Скандинавии прекрасно знали еще в самом начале этой эпохи. Один археолог был настолько поражен, что высказал предположение о неверной датировке захоронения в Гокстаде и о том, что оно должно относиться к концу эпохи викингов, но для подобной корректировки нет оснований, и историку не следовало так удивляться. В конце концов, именно появление в ходе эволюции судов, подобных найденному в Гокстаде, сделало возможными набеги викингов в северную Британию в конце VIII века. Уже к концу IX столетия регулярно стали совершаться плавания в Исландию. Таковую самоуверенность викингов легче понять в свете технического совершенства их кораблей.

Для историка важно знать, когда скандинавы разработали технологии мореплавания и кораблестроения. Ответ на этот вопрос, кажется, заключается в том, что хотя паруса стали использоваться в Балтийском море уже в начале VII века, принципиальные шаги вперед были сделаны лишь в VIII. Древнейшим парусным судном, обнаруженным в Скандинавии, является лодка из Аскекара, найденная в 1933 г. недалеко от Готенбурга¹⁴. Ее осторожно выкопали и датировали началом эпохи викингов. Есть два судна, претендующих на еще более древний возраст, но в обоих случаях эти гипотезы не получили серьезного обоснования. Судно из Квалсунда датировано веком раньше, чем лодка из Аске-

кара, но нет возможности доказать, что у него когда-либо была мачта¹⁵. Оно явным образом знаменует собой шаг вперед по сравнению с кораблем из Ньюдама, и вполне возможно, что парус у него имелся, но положительно ничто не говорит о том, что это так и было. Сильнейшим аргументом в пользу того, что судно все же было парусником, является его руль, предназначенный, по видимости, для управления и под парусом, и на веслах, но этого доказательства едва ли достаточно, чтобы лишить силы нашу хронологию. Другим претендентом является судно, найденное в Гальтабеке около Варберга в юго-западной Швеции¹⁶. Этот корабль, определенно оснащенный парусом, был первоначально отнесен к VI веку, но эта версия подверглась такой серьезной критике, что не устояла¹⁷. Судно из Гальтабека следует датировать временем после окончания эпохи викингов. Таким образом, лодка из Аскекара, без всякого сомнения, остается древнейшим парусным судном, найденным в Скандинавии. Основанная на этом факте хронология эволюции мореходных технологий в Скандинавии подтверждается резными камнями Готланда и материковой Швеции. На Готланде имеется несколько изображений парусных суденышек на камнях VII века, но на них паруса всегда малы в сравнении с лодкой¹⁸. Только в VIII веке паруса становятся больше, и на более поздних камнях они иногда действительно очень велики. Что же касается материковой Швеции, то древнейшие резные изображения парусных судов там не древнее самой лодки из Аскекара. Кажется вероятным, что попытки оснастить корабли парусами предпринимались в Балтийском море очень рано, возможно, даже до VII века, но настоящие парусные корабли были изобретены только накануне эпохи викингов, и, возможно, это впервые произошло именно в сравнительно безопасных водах Балтийского моря.

Техническое совершенство корабля из Гокстада является плодом долгой череды проб и ошибок, благодаря которой парусные суда впервые стали пригодными для открытого моря за век до его собственной постройки или даже еще раньше.

Значение этого вывода трудно переоценить. Вся активность викингов, как военная, так и торговая, зависела от надежности их парусных судов, и без них длинные путешествия через моря были бы невозможны. Корабли обеспечивали этим бандам грабителей колоссальное преимущество — внезапность и возможность быстрого отступления. Одной из главных причин того, что набеги викингов начались именно в VIII веке, было то, что только в этом веке их уровень технического развития дал такую возможность. Путешествия, в IX веке ставшие уже привычными, в первой половине VIII столетия были бы немыслимы. Как написал в 793 г. Алкуин, впервые услышав о налете на Линдисфарн: «Уже почти 350 лет мы и наши отцы живем в этой прекрасной стране, и никто прежде в Британии не испытывал такого ужаса, какой ныне мы терпим от этого языческого рода, и никто и не помышлял о том, чтобы с моря можно было совершить подобное нападение».

Мы описали корабль из Гокстада, потому что он лучший из тех, что сохранились. Многие другие выказывают схожие конструктивные детали, например, суда из Усеберга, Туне и Сторхаугена¹⁹. У всех этих судов обшивка привязана к каркасу — традиционный для севера строительный метод, которому и до эпохи викингов имеется множество примеров, и особое место среди них занимает корабль IV века из Ньюдама. Насколько известно, этот метод применялся при строительстве всех крупных судов периода викингов. К другой технологии, в соответствии с которой обшивка крепилась

к шпангоутам заклепками и нагелями, в эпоху викингов прибегали только при строительстве более мелких лодок, вроде найденных вместе с кораблем из Гокстада. Самая большая из тех, при строительстве которых использовалось подобное жесткое крепление, это лодка из Аскекара, длина которой достигает 57,5 фута (16 м). Но и в этом случае нагели применены так, чтобы придать всей конструкции некоторую гибкость. Шпангоуты не прикрепляются к каждому поясу, а иногда между поясами, зафиксированными нагелями, остается до трех незакрепленных. Еще примечательнее тот факт, что третий и пятый пояса соединены только с двумя шпангоутами с каждой стороны. Результатом столь беспорядочного крепежа была, конечно, та же конструктивная гибкость, которая в более крупных кораблях обеспечивалась за счет веревочного соединения шпангоута с поясами обшивки. Строительный метод, воплощенный в лодке из Аскекара, проще того способа, по которому выполнен корабль из Гокстада, но явно принадлежит к той же самой традиции, хотя и был бы абсолютно неприменим к более крупным судам, предназначенным для плавания в Северном море. То есть у нас фактически нет оснований полагать, что способ сборки корпуса у корабля из Гокстада был нетипичен для крупных морских кораблей эпохи викингов.

Отказались от этой системы крепежа гибкими канатами при строительстве больших судов только после завершения эпохи викингов, и это изменение, возможно, было отчасти вызвано введением пиленой доски. Пока доски выстругивались при помощи тесла, как это показано на ковре из Байе, было несложно оставить шпунты, через которые можно было пропустить канаты. С введением пиленой доски это перестало быть таким простым делом. В результате появилась

тенденция к использованию неподвижных соединений вроде заклепок и нагелей, и вся конструкция сделалась гораздо более жесткой и тяжелой. В кораблях, подобных найденному в Фальстербо и относящемуся к началу XIII века, шпангоуты расположены ближе друг к другу, чем у судов эпохи викингов, и каждый пояс обшивки прикреплен нагелями ко всем шпангоутам. Похоже, что так называемые корабли викингов, найденные вдоль южного берега Балтийского моря, например, около Данцига, в которых заклепки и нагели употребляются именно таким образом, принадлежат к XI или, еще вероятнее, к XII веку²⁰.

Размер судов, построенных по образцу корабля из Гокстада, до определенной степени ограничивался длиной бревна, из которого изготовляли киль. Из-за подвижности такой конструкции на киль ложилась большая нагрузка, и трудно поверить в возможность строительства по этой технологии надежного морского судна с килем из нескольких кусков дерева. Обычно кили делались из дуба, и самый длинный из известных нам достигает 20 метров: маловероятно, чтобы в Скандинавии было много дубов, способных предложить для строительства прямой ствол намного выше этого. Когда в 1892 г. изготавливалась копия корабля из Гокстада, для киля пришлось импортировать канадский дуб, поскольку в Норвегии найти подходящее дерево не удалось. Следовательно, очень маловероятно, чтобы в IX–X веках морские корабли могли быть намного длиннее найденного в Гокстаде.

Это конструктивное ограничение размера морских судов викингов часто упускается из виду, и обычно предполагается, что парусные суда, обычно использовавшиеся викингами для своих заморских экспедиций, были значительно больше корабля из Гокстада. Одна из причин состоит в том, что в средневековой Норве-

гии суда с морским ополчением обычно имели от 20 до 25 пар весел. Они определенно были длиннее гокстадской находки. Даже если сократить расстояние между отверстиями для весел до минимально возможного, скажем, до трех футов, корабль с двадцатью парами весел явно будет длиннее корабля, найденного в Гокстаде, у которого было шестнадцать пар весел на расстоянии 38,5 дюйма друг от друга. Однако совершенно ошибочно полагать, что раз в XIII веке такие большие корабли могли производиться во множестве, то викинги в IX–X веках использовали в своих грабительских походах суда такого же размера. Более того, суда с морским ополчением обычно предназначались для плавания во внутренних водах, а не для экспедиций через Северное море.

Кораблям, выполнявшим оборонительные функции или плававшим в относительно спокойных водах фьордов, шхер и островов Скандинавии, большие размеры были позволительны, они ведь не нуждались в такой прочности, как те, что предназначались для Северного моря и вод за его пределами, и им не приходилось подолгу выдерживать нагрузку открытого моря. В кораблях, служивших для обороны или боев, над мореходными качествами вполне могли возобладать другие соображения. Иллюстрацией к вышесказанному являются суда, построенные Альфредом для защиты Англии в IX веке. Говоря словами «Англосаксонской хроники», они были «почти в два раза длиннее прочих... они были и быстрее, и прочнее, а также выше остальных. Их строили и не по фризскому, и не по датскому образцу, но, как казалось ему самому (Альфреду), от них могло быть больше пользы»²¹. У кораблей, входивших во флот датских королей Англии в начале XI века, точно так же могло быть около шестидесяти весел, но их предшественниками являлись, скорее, суда Альфреда, нежели

викингов. В бою большие и высокие корабли получали преимущество, и именно по этой причине в 1182 г. король Сверрир Норвежский решил увеличить свое судно *Mariasuden*, после того как уже были заложены киль и девять поясов²². Это решение вызвало ужас: такое удлинение подразумевало вставку дополнительной центральной секции в нижние бревна корабля, что делало его очень непрочным. Когда корабль был спущен на воду, некоторые соединения на днище разошлись, и его пришлось залатывать. Но решение об увеличении корабля не было таким уж неразумным. Король знал, что делал: больший размер корабля обеспечивал ему преимущество в битве, и наградой ему была победа.

В XIII веке общепринятым стало различие между морскими судами, *hafskip*, и другими, например, боевыми, *langskip*, или торговыми кораблями, курсировавшими по Балтийскому морю, *austfararknarr*. Уже тогда поняли, что путешествие в Исландию, на Фарерские острова и даже в Англию нельзя совершать на *лангскипе*, поскольку море там слишком бурное. Наиболее подходящий для таких плаваний корабль назывался *knarr*, в XII веке и впоследствии этот термин использовался для торговых судов, но в эпоху викингов его значение не было столь узким. Именно на таких кораблях викинги прибыли в Британию и достигли Исландии и Фарерских островов. Можно допустить, что в эпоху викингов, как и в XII веке, *кнорр*, имея более высокий надводный борт и будучи короче и, вероятно, шире, обладал лучшими мореходными качествами, чем *лангскип* — «длинный корабль»²³. Размер боевых кораблей, использовавшихся в скандинавских водах, будь то в XIII или X веке, ничего не говорит нам о размере судов, на которых совершали свои морские экспедиции викинги.

В любом случае по поводу размера боевых кораблей периода викингов существует некоторая неясность. В скандинавских сагах упоминаются разные типы или, по крайней мере, названия судов, и, должно быть, некоторые из этих терминов действительно были в ходу в IX–X веках. Слово *skeið* заимствовано в староанглийский как *scegð*; а *snekkja* встречается во французском как *esnèque*, то есть «пиратское судно»²⁴. О различиях между этими видами кораблей, если таковые имелись, и их размерах неизвестно ничего. Ни одно из сообщений саг о размерах большинства кораблей викингов не представляет ценности, так как все они, наверное, больше обязаны ситуации, современной автору саги, нежели безупречной памяти о прошлом. Однако в сагах несколько раз упоминаются корабли, о которых говорится, что они были действительно очень большими, и нередко эти сведения признаются достойными доверия. За период между 955 г., датой первого упоминания, и серединой XIII века можно найти семнадцать сообщений о кораблях с тридцатью парами весел или даже больше²⁵. Конечно же, заявлять о том, что постройка столь крупных кораблей была невозможна, нельзя. Технические ограничения размера морских судов не соблюдались, и возможно, хотя и маловероятно, что Кнут на самом деле построил корабль с шестьюдесятью парами весел. Однако есть явный признак того, что размер этих древних кораблей был преувеличен. Это долгий интервал между 1061 и 1182 гг., в течение которого мы не находим ни одного упоминания о корабле такого размера. Известно о семи таких судах, упоминаемых между 995 и 1061 гг. и десяти — с 1182 по 1262 г., но в промежутке между этими двумя периодами ни об одном таком корабле не сообщается. Это подозрительно. Не может быть сомнения в том, что в конце XII века строились корабли с шестьюдесятью и

более веслами; имеющиеся источники более или менее современны им, и у нас нет оснований, чтобы им не доверять. Тот факт, что до 1182 г., то есть в течение ста с лишним лет о таких больших кораблях нет никаких сведений, позволяет предположить, что таковых и не было, и об этом все знали. Однако в начале XI века общеизвестные факты не обладали особой силой, что могло дать место безудержной работе романтического воображения с его преувеличениями. Если действительно в начале XI века строились очень большие корабли, то трудно понять, почему за 120 лет после 1061 г. не было произведено ни одного. Правда, Снорри Стурлусон, писавший в первой половине XIII века, утверждает, что помост, на котором был построен «Длинный змей» Олафа Трюггвассона, еще можно было видеть в его время. В таком случае его длину можно было точно оценить, и, по-видимому, она не отличалась от предполагаемого размера судна с тридцатью четырьмя парами весел. Это звучит очень убедительно, но предание такого рода может покоиться на ложных основаниях. То, что Снорри было известно об очень длинном помосте, который традиционно связывался с «Длинным змеем», не вызывает сомнений. Конечно же, к концу XII века потребность в длинных помостах уже появилась, и было бы неудивительно, если бы местная традиция, утратив память об истинных обстоятельствах, связала бы такой помост с легендарным судном. На самом деле, подобные доказательства не в состоянии развеять серьезных сомнений по поводу размера этих ранних «кораблей-драконов».

Во всяком случае, в то время существовали технические ограничения, влиявшие на размер морских судов, и практически невероятно, чтобы последние когда-нибудь значительно превосходили, если такое вообще могло быть, корабль из Гокстада с его тридцатью двумя

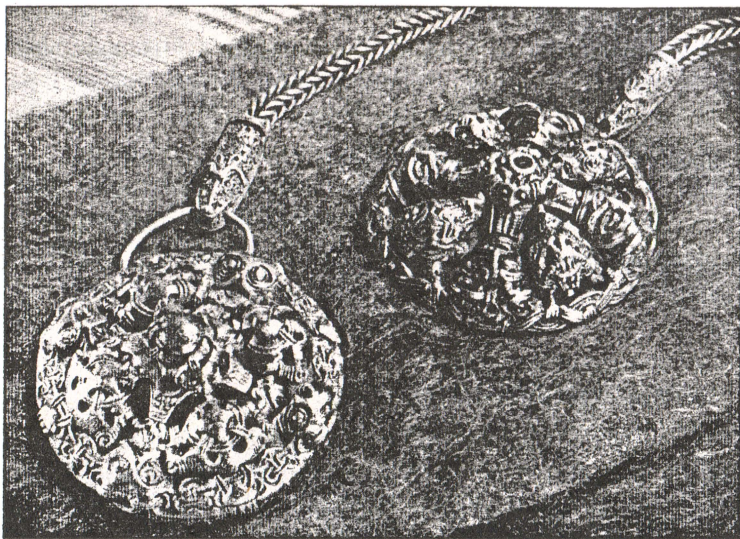
веслами. «Англосаксонская хроника» за 896 г. поддерживает этот вывод. Когда Альфред приказал строить большие корабли для защиты Англии на море, они, как сообщает хроника, почти в два раза превосходили корабли нападавших. По словам хроники, они были «почти в два раза длиннее прочих... У иных было шестьдесят весел, а у иных — больше». Это предполагает, что количество весел у пиратских кораблей было немногим больше тридцати, а кое-какие суденышки, использовавшиеся викингами, по всей вероятности, были гораздо меньше. Те суденышки, на которых в 895 г. датчане поднялись на 20 миль выше Лондона по реке Ли, скорее всего, были похожи на лодки, найденные вместе с кораблем из Гокстада, а не на сам корабль. В 861 г. какое-то количество кораблей было переведено из Сены в реку Эпт, отделенную от нее расстоянием в две мили (3 км), чтобы замкнуть кольцо вокруг враждебной группировки викингов на острове Жефосс в Сене²⁶. Судя по вышесказанному, это, скорее всего, были совсем маленькие гребные лодки, а не корабли с двадцатью веслами или более. Вполне возможно, что по численности маленькие суденышки значительно превосходили крупные и вследствие этого являлись основной силой флота викингов. Для большинства норвежских захоронений в кораблях были использованы суда менее 33 футов (10 м) в длину²⁷. Разумеется, маловероятно, чтобы самые большие суда использовались для погребения, прежде чем окончательно выходили из строя, как корабль из Усеберга, но тот факт, что среди множества норвежских захоронений этого типа было найдено лишь пять судов больше 66 футов (20 м), означает, что едва ли большинство кораблей викингов по своему размеру могло сравниться с гокстадским.

Суда, на которых плавали викинги, и сами по себе поражают, но особенно благодарная тема для историка

этой эпохи — изучение их принципа, конструкции и того, как ими управляли. Мы видим, что скандинавы периода викингов достигли мастерства в создании и использовании парусных кораблей и обладание этими хитроумно устроенными кораблями являлось одним из главнейших их технических преимуществ и в мирное время, и на войне. Фактически как раз развитие этих кораблей и определило возможность и выгоду широкой активности скандинавов. Кроме того, имеющиеся факты предполагают, что суда, на которых скандинавы отправлялись в далекие морские путешествия, скорее всего, не превосходили размером корабль из Гокстада с его командой менее сорока человек, а многие лодки были и того меньше. Скандинавские достижения и без того достаточно впечатляющи, так что нет нужды поддаваться неразумному легковерию.

КЛАДЫ

Серебро в Скандинавии эпохи викингов было предметом страсти. Где бы ни оказывались датчане, норвежцы или шведы в то время, они высоко ценили этот драгоценный металл, и приобретение его являлось одной из главных целей скандинавов, были ли они пиратами, купцами или наемниками. Зачастую у них бывали и другие желания, поскольку многие нуждались в земле, чтобы на ней осесть, а другие искали приключений и возможности стяжать славу, но все были рады любой возможности захватить или отобрать серебро. Именно за мусульманским серебром скандинавские купцы пускались на Волгу, и именно серебром платили скандинавским наемникам за их службу английские короли и византийские императоры. Для некоторых приобретение серебра для того, чтобы копить его или носить в виде украшений, было самоцелью, другие же видели в нем средство получить другие необходимые вещи — еду, вино или верность. Некоторые искусно превращали его в прекрасные предметы, вроде брошей на илл. VIII, в то время как другие, мало заботясь о мастерстве исполнения и художественности, интересовались лишь весом металла и рубили свое серебро на куски.

Илл. VIII. Серебряные броши, обнаруженные в серебряном кладе в Ямь в приходе Гардслес, Эланд, в настоящее время находятся в Государственном историческом музее, Стокгольм. См. с. 92. Клад содержал также 5 спиральных колец, см. *Fornvännen*, 1908, p 275. (*Bertil Almgren*)

Стремление скандинавов потешить свое сребролюбие, с какой бы стороны на это ни смотреть, увенчалось удивительным успехом. В наше время удалось раскопать и зафиксировать лишь ничтожную часть бывших накоплений, но найденного достаточно, чтобы у нас не осталось никаких сомнений по поводу богатства Скандинавии викингов. Обнаружено более тысячи кладов золота и серебра, и хотя, как видно из карты их распространения на с. 159, они концентрировались по большей части на островах, вдоль побережий и внутренних водных путей, лишь немногие из обитаемых в то время областей Скандинавии не дали нам каких-нибудь сокровищ. Золота было найдено немного, основ-

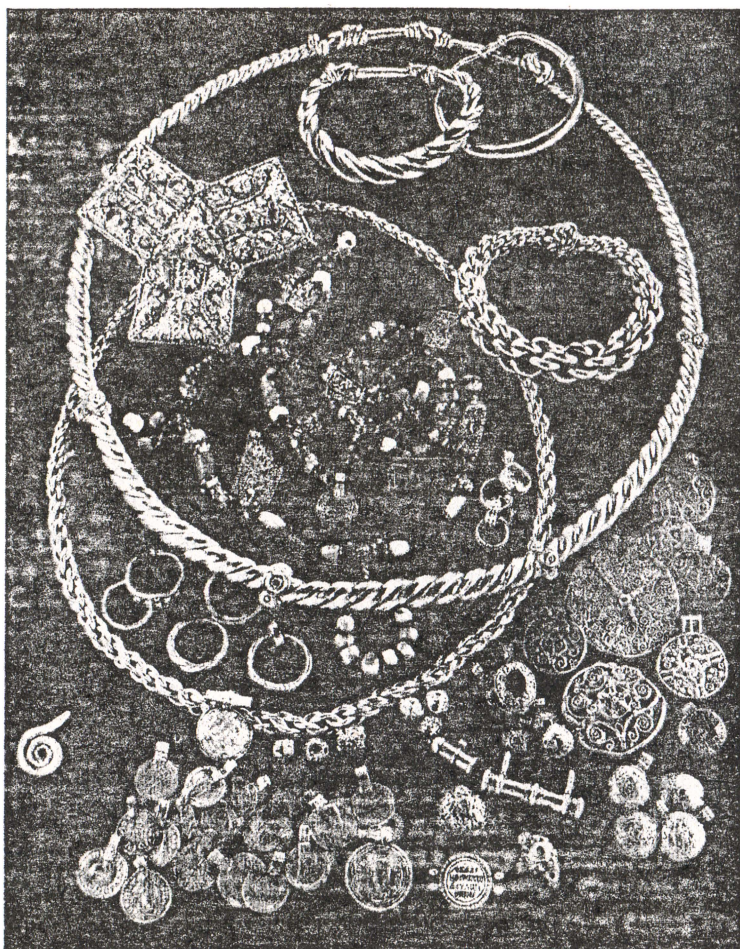
ная часть — это серебро в форме украшений, монет и слитков. Получить представление о размерах сокровищ можно из недавно опубликованного анализа серебряных кладов, найденных на Готланде до 1946 г.¹ Они содержали более 570 украшений, многие из которых были местного производства, а также 489 фрагментов украшений и в общей сложности более 2300 отдельных кусочков серебра в форме брусочков, полос и колец, 93 500 монет и 16 600 обломков монет, причем все они, кроме трех, были серебряными. Многие клады невелики и содержали лишь несколько монет или одно-два украшения, но есть и крупные, а отдельные можно назвать по-настоящему большими. Три из готландских кладов весили более 15 фунтов (7 кг) каждый², а в одном, найденном в 1936 г. в Стора Велинге, лежал браслет и 2673 арабские монеты, общий вес клада составил более 17,5 фунта (7,952 кг). В отличие от него клад, обнаруженный в 1903 г. в Азарве, содержал всего две арабские монеты (от одной из них остался лишь фрагмент), а основная часть извлеченного из него серебра общим весом в 15,5 фунта включала массивные украшения. Это, конечно, необычайно крупные клады, и в том, что касается серебряных находок, Готланд богаче любой другой области Скандинавии, поскольку именно там было сделано более половины всех известных находок, но похожие хранилища обнаружили и в других местах. На маленьком датском острове Фальстер выкопали пять кладов, один из которых состоял из 14 фунтов (6,5 кг) серебра, а находка из Эспинге посередине полуострова Сконе была тяжелее любой из готландских и весила 19 фунтов (8,75 кг), в ней было более 8000 монет³.

В эпоху викингов в Скандинавии не велась разработка каких-либо собственных месторождений серебра, и, если не считать тех обнаруживающихся время от

времени серебряных предметов, которые были закопаны в более ранний период, все серебро викингов было привозным. Источники серебряных денег исследовать нетрудно, ибо монеты обычно несут на себе имя выпустившего их правителя, а нередко и монетного двора, на котором были изготовлены. Можно доказать, что основным источником такого серебра в IX и X веках был мусульманский мир. Эти арабские монеты, иногда называемые куфическими из-за надписи на них, поскольку местом чеканки был город Куфа в Месопотамии, являются материалом особой важности, ибо на них обычно имеется дата чеканки. Большая часть из 85 000 монет, найденных до настоящего времени в Скандинавии, была выпущена мусульманскими правителями, и лишь несколько — их предшественниками, и в отношении практически всех несложно доказать, что они были ввезены в Скандинавию в IX–X веках⁴. Имеется также немалое количество западноевропейских монет, включая 70 000 произведенных на германских монетных дворах, и более 40 000 ввезенных из Англии в основном в конце X–XI веков⁵. Происхождение нечеканного серебра зачастую неизвестно. Многие из найденных украшений скандинавского производства не дают ключа к источнику металла, из которого они были сделаны. Однако значительное количество этих изделий, вероятно, было изготовлено в приволжских районах России и, вполне возможно, из мусульманского серебра, а некоторые другие предметы происходят из стран, куда менее далеких, чем мусульманские земли. Имеется ряд предметов, явно изготовленных франкскими, английскими или ирландскими ремесленниками, но у нас очень мало сомнений в том, что огромная масса серебра, ввезенного в Скандинавию в IX–X веках, происходит с исламских территорий к югу и востоку от Кавказа и Каспийского моря.

На самом деле скандинавский материал невозможно правильно осмыслить, если изучать его не в параллели с находками, сделанными в России. Некоторые русские клады огромны. Самый большой из всех был обнаружен на реке Ловать вблизи Великих Лук, примерно в 170 милях от Новгорода, и, по сообщениям, вес его составил 100 кг, но, к несчастью, он был почти полностью утрачен, за исключением нескольких монет⁶. На самом деле эту находку можно было бы считать выдумкой, если бы в 1868 г. в Муроме на реке Оке не был найден клад весом примерно в 88 фунтов (40 кг), в котором содержалось 11 077 куфических монет, главным образом IX и начала X веков, а также фрагменты монет общим весом около 12 фунтов⁷.

Хотя богатство викингов в основном состояло из серебра, золотом они тоже не брезговали, и в разных частях Скандинавии было найдено более 400 золотых предметов этого периода⁸. Одно из самых интересных открытий, представленное на илл. IX, сделали в 1834 г. в Хоне, примерно в 35 милях к юго-западу от Осло⁹. В этом кладе было двадцать монет, причем все они были переделаны в украшения; судя по дате на самой новой из монет, закопали их 852 г., но, скорее всего, немногим позже, ибо ни этот экземпляр, ни следующий по старшинству — динар, отчеканенный в 234 г. по хиджре (между августом 848 и июлем 849 г.) — не находились в длительном употреблении. Клад замечателен не только своей древностью (большинство золотых находок, по-видимому, относится к концу эпохи викингов), но и тем, что по своей величине он намного превосходит прочие. В нем было 5,5 фунта (2,5 кг) золота, а следующий за ним по объему датский клад из Вестер Ведстеда недалеко от Рибе весил лишь одну треть от этого веса (749 г)¹⁰. Клад из Хона показывает, что в начале эпохи викингов по крайней мере некоторое

Илл. IX. Золотой клад из Хона, приход Эйкер, Бускеруд, в настоящее время находится в Universitetets Oldsaksamling в Осло. Клад весил 5,5 фунта (2,549 кг). Диаметр самого большого кольца составляет 10 дюймов (26 см), а вес — 2,5 фунта (1,106 кг). Бусины изготовлены из зеленого, синего, белого и желтого стекла.
(Askal Liestol u Universitetets Oldsaksamling, Осло)

количество золота попадало в Скандинавию из Западной Европы; самая поразительная вещь, фибула-трилистник, была изготовлена в каролингской ремесленной мастерской, таково же происхождение и некоторых золотых монет. На мысль о ввозе золота с Запада наводит заметное франкское влияние, отпечаток которого несут на себе древние золотые изделия, найденные на Готланде. Однако Запад не был единственным источником этого металла. Какая-то его часть должна была происходить из кладов, закопанных веком раньше, в период золотого века Балтики. Даже в наше время на двух балтийских островах, Готланде и Эланде, было найдено более 500 золотых монет, зарытых в V–VI веках, и, скорее всего, подобные находки совершались и во времена викингов¹¹. Кроме того, весьма вероятно, что часть золота попадала в Скандинавию теми же путями, что и мусульманское серебро. В кладе из Хона было девять золотых динаров, которые вполне могли быть ввезены через Русь. Некоторые ученые отрицают, что их путь с Востока был столь прямым, заявляя, что вместе с другими монетами они попали в Хоне с Запада. Единственным основанием для этого, видимо, служит то, что куфические и византийские золотые монеты встречаются по преимуществу в Норвегии, а не в Швеции и Дании. Норвежский нумизмат Ханс Холст утверждает, что «военные экспедиции или мирные торговые путешествия на Восток должны были оставить в шведских и датских кладах не менее заметные следы византийского и куфического золота»¹². С его точки зрения, скопление подобных монет в Норвегии доказывает, что они попали в Скандинавию с Запада. Этот довод выглядел бы более приемлемым, если бы на востоке Скандинавии золото всех видов встречалось реже, чем на западе,— но это не так. Пусть Готланд может похвастаться лишь тремя золотыми монетами,

но зато на нем найдено более 130 разнообразных золотых предметов.

Материковая Швеция дала около 100 золотых изделий, а Норвегия и Дания примерно по 70 каждая. Фактически получается, что в эпоху викингов золото распределялось во многом так же, как и серебро, причем самым богатым снова оказывается Готланд¹³. Норвегия относительно богаче золотом, чем серебром, но это в значительной мере связано с кладом из Хона. Таким образом, остается объяснить, почему золотые монеты находят в Норвегии, а не в других местах Скандинавии, в то время как изделия из того же металла, по-видимому, распределяются более равномерно. Относительное изобилие золотых монет в Норвегии (из сорока, найденных в Скандинавии, на долю Норвегии приходится тридцать три) кажется не таким удивительным, если осознать, что тридцать из них принадлежат всего к двумкладам, в Хона и Стремшауге¹⁴. Их редкость на севере объясняется не тем, что ввоз из Западной Европы предназначался одной Норвегии, а тем, что повсеместный дефицит золота делал его слишком ценным для того, чтобы, подобно серебру, использовать его при купле-продаже. Как правило, любые золотые монеты, достигавшие Скандинавии, либо закапывали там, либо превращали в украшения, или плющили в листы, предназначенные для золочения других предметов, или вытягивали в тонкие нити, служившие для вышивки по ткани и коже. К ним можно было приладить петли, чтобы носить их в качестве украшений, как это сделали в Хона; точно так же поступали и с серебряными монетами, но, должно быть, искушение переработать золото было просто неодолимым. Таким образом, редкость золотых монет, откуда бы они ни привозились, неудивительна, и по распределению монет едва ли можно много узнать об их происхожде-

нии, особенно если учесть, что 75 процентов имеющихся монет найдены всего в двух кладах.

Однако есть веские причины полагать, что куфические монеты попали в Хон не через Западную Европу. Самая новая из них была отчеканена в 848–849 гг. в туркестанском Мерве. Если бы эти монеты пришли в Скандинавию через Каролингскую империю, тот факт, что новейшая из них прибыла из столь удаленной части мусульманского мира, был бы поразительным. Но Мерв находился в той части Халифата, из которой в IX веке в Скандинавию поступало серебро, и если из того же региона были ввезены и эти золотые динары, то сам факт того, что новейшая из них была отчеканена в Мерве, уже не должен восприниматься с удивлением. Куфические серебряные монеты, зарытые примерно в это же самое время в Швеции, без сомнения, достигли Скандинавии по русским рекам, и их внешний вид очень напоминает куфическую составляющую клада из Хона, ибо новейшие экземпляры в этих шведских кладах также прибыли из северо-восточных областей мусульманского мира¹⁵. Время чеканки самых поздних монет, по крайней мере из четырех кладов, найденных в различных частях Швеции, определяется между 856 и 864 гг.; и каждый раз оказывается, что эти образцы отчеканены в северо-восточных районах Халифата, а в двух случаях местом их изготовления является Мерв¹⁶. Значение подобных характеристик будет рассмотрено ниже, но аналогия между куфическим золотом из Хона и куфическим серебром шведских кладов того же периода предполагает, что все эти монеты попали в Скандинавию одним и тем же путем. Не все золото, ввезенное в Скандинавию, пришло через Западную Европу: клад, найденный в Хона, приобрел свой окончательный вид уже в Норвегии, а не в Каролингской империи.

Источником золотых и серебряных сокровищ эпохи викингов являются захоронения, клады и случайные находки. Роль захоронений здесь незначительна, ибо серебро было слишком дорогим, чтобы широко применяться в качестве погребальной утвари. В некоторых захоронениях оно присутствует в ничтожных количествах, например, в могиле, изображенной на рис. 3, был обнаружен серебряный дирхем, выбитый в начале X века, но такую находку нельзя назвать заурядной; монеты содержались едва ли в каждой десятой из могил, раскопанных в Бирке, причем многие из них представляли собой лишь обломки¹⁷. В захоронениях могло в изобилии присутствовать железо, оружие и такие скоропортящиеся вещи, как пища и ткани, а серебро встречалось редко, да и то в мизерных количествах. Использовать больше значило бы искушать разорителей могил.

Клады являются гораздо более важным источником серебра эпохи викингов. Обычай закапывать сокровища или прятать ценности в каком-то тайнике не является специфической особенностью Скандинавии, он знаком всему цивилизованному и нецивилизованному миру. Люди во все времена хотели уберечь свое имущество и драгоценности от алчности других. В эпоху викингов, отличавшуюся от нынешнего столетия большей простотой, лучшее средство достижения этой цели часто заключалось в том, чтобы спрятать их. В ходу были самые разнообразные тайники — насыпи, канавы, полевые укрепления, разрушенные строения, могильные холмы, а также отверстия в земле. Один предприимчивый житель Готланда даже дошел до того, что спрятал свое богатство в свежей могиле¹⁸. Если владельцу таких зарытых сокровищ не удавалось воспользоваться ими, но он хорошо хранил свою тайну, клад мог лежать на месте веками — до тех пор, пока его не найдут по

воле случая. В Скандинавии случайные находки сокровищ эпохи викингов нередки, клады обнаруживают в ходе сельскохозяйственных работ, таких, как пахота, уборка картофеля, осушение, или когда выкапывают котлованы под фундамент для строительства, при прокладке дорог, или при разработке карьеров. Один серебряный клад весом в 4 фунта был открыт на Готланде в 1739 г. собакой, пытавшейся спрятать кость¹⁹, а огромный клад из Стора Велинге нашли в 1936 г., совсем недавно, два маленьких мальчика, игравшие в карьере²⁰. Случается, что ценности обнаруживают в горшке, но, по-видимому, для этой цели нередко использовалась кожаная или матерчатая сума, а от них редко остается хоть какой-то след. Иногда клад состоял из единственного драгоценного предмета, броши или браслета, и к 1946 г. на Готланде было зафиксировано по меньшей мере 312 таких нечаянных находок, относящихся к эпохе викингов²¹. К единичным или случайно обнаруженным предметам подобного рода нельзя относиться так же, как ккладам, ибо вероятность того, что они были утеряны или спрятаны в более позднее время, значительно выше, чем когда речь идет о сознательно устроенных тайниках. Даже клад может быть закопан много лет спустя после эпохи, на которую указывают стиль и датировка его содержимого, но обычно тот факт, что в нем присутствуют несколько предметов, позволяет с гораздо большей степенью вероятности судить о времени его захоронения, чем это можно было бы сделать по единичной, пусть и поддающейся датировке вещи. Если какую-то вещь спрятали позже того периода, на который указывает ее стиль, то, возможно, дело в том, что ее просто закопали или потеряли после того периода, на который указывает ее стиль. Путешественники и антиквары стали причиной перемещения многих древних ценностей, и поэтому то, что в

Скандинавии находят персидские и кельтские украшения VIII века, не следует рассматривать как само по себе достаточное свидетельство контактов с этими областями до эпохи викингов. С другой стороны, известны случаи, когда клады непреднамеренно разрушались, например при вспашке земли, и затем предметы из них время от времени обнаруживались как единичные находки.

Сообщения о новых находках появляются каждый год. На одном острове Готланд за десять лет с 1946 г. было откопано по меньшей мере четырнадцать кладов, в которых содержалось более 4200 целых и фрагментарных монет, а также украшения и серебряный лом^{22*}. Готланд действительно изобилует такими драгоценностями, но подобные находки ежегодно совершаются и в других частях Скандинавии²³.

Сокровища, откопанные и описанные в наше время, составляют лишь малую долю всего того, что некогда было спрятано таким образом. Многие остаются скрытыми в земле и, может статься, будет найдено в будущем; но, по всей вероятности, отнюдь немалое количество ценных предметов было откопано и разошлось без того, чтобы мы о них что-либо узнали. В средние века находка зарытых богатств, скорее всего, была делом столь же обычным, как и сейчас. Порой оказывалось, что обнаруженные таким образом предметы прятали повторно; например, небольшой клад из Бладинге в Смоланде содержал десять германских монет XI века наряду с шестью образцами XVI столетия и, вероятно, являлся примером повторного захоронения как минимум части тайника, раскрытого в XVI веке²⁴. Разу-

* Раздробленные серебряные украшения и другие предметы, разной исходной формы. Возможно, это делалось для того, чтобы получить определенное по весу количество металла.

меется, оценить количество откопанных кладов так же невозможно, как и сказать, сколько их еще ожидает своего часа, но те цифры, которые нам известны, а также непрекращающиеся новые находки наводят на мысль о том, что в наших силах изучить лишь ничтожную часть всех тех драгоценностей, которые были погребены в земле Скандинавии в конце эпохи викингов. А это большое, хотя и неизвестное количество, в свою очередь, представляет собой малую долю общей суммы, вращавшейся в Скандинавии эпохи викингов, ибо в XII веке под спудом оставались лишь те клады, которые не удалось откопать их владельцам. Таким образом, хотя подсчитать общий вес серебра, имевшего хождение в эпоху викингов, нет возможности, этот объем, скорее всего, был колоссальным. Это был настоящий серебряный век Скандинавии.

Большой удачей для историков является то, что такое значительное количество серебра было найдено в форме монет, ибо изучение украшений и серебряного лома²⁵, хотя это тоже интересное и благодарное занятие, редко увенчивается такими определенными выводами, как те, что можно обоснованно построить на свидетельствах нумизматики. Фактически именно монеты обеспечивают изучению материала, полученного из кладов, единственно надежную хронологическую базу. Для иллюстрации общего характера той информации, которую в состоянии предоставить монеты, можно привести два примера: во-первых, найденный в Упланде клад IX века, содержащий только куфические деньги, а во-вторых, хранилище серебряного лома и монет из различных областей Западной Европы и мусульманского мира, зарытых примерно двумя веками позже на Готланде.

В 1873 г. в Фитьяре, в Упланде, был открыт клад, включавший 117 целых и 22 фрагментарные монеты²⁶.

В общей сложности в нем присутствовало 136 образцов из различных частей мусульманского мира, а дата их чеканки варьировалась от 631 до 863 г. Самая древняя из них относится к домусульманскому периоду. Это драхма, выбитая сасанидским царем Хосровом II. Другая монета похожа на нее, но имеет надпись на двух языках, пехлевийском и арабском, что доказывает, что выпущена она была после арабского завоевания этого царства в 641 г. Все остальные принадлежат к VIII–IX векам. Девять были отчеканены между 705 и 746 гг. для омейядских халифов на различных монетных дворах, расположенных на территории между Дамаском и Исфаханом, а восемьдесят шесть изготовили в 751–853 гг. по приказу их преемников, халифов династии Аббасидов. Эти аббасидские образцы были отчеканены в различных частях Халифата, включая Египет и Африку, но большинство изготовили в центральных областях, тридцать пять — в Багдаде, а двадцать четыре — в *Мухаммидиджи*, важном городе к югу от Каспийского моря. Есть и монета, отчеканенная в 777 г. для омейядского халифа Испании в Кордове. Все остальные монеты, поддающиеся расшифровке, были выпущены тахиридскими правителями Хорасана. В 882 г. Тахир I провозгласил себя независимым правителем Хорасана, провинции, наместником которой его ранее назначил халиф. Он умер в том же году, но его сын наследовал ему как фактически независимый правитель Хорасана и Средней Азии, лишь номинально признающий сюзеренитет багдадских халифов, и его династия просуществовала примерно до 873 г. Около четырнадцати монет клада из Фитьяра были выпущены между 821 и 864 гг. представителями этой династии в таких местах, как Бухара, Мерв, Самарканд и Ташкент. Следовательно, его позднейшие экземпляры происходили не из центра Аббасидского халифата, а из

его мятежных северо-восточных провинций. В этом находка из Фитьяра подобна другим скандинавскимкладам IX века, включая, как уже говорилось, и тот, что нашли в Хоне²⁷.

Весьма важно установить место чеканки самых поздних монет клада, ибо таким образом можно узнать, из какой области их вывезли²⁸. В этот период монеты Халифата были законным платежным средством на всей его территории, независимо от того, где их отчеканили. В любой части мусульманского мира среди серебра, имевшего там хождение, наряду с деньгами местной чеканки могла встретиться продукция монетных дворов самых отдаленных провинций. В Самарканде можно было обнаружить монеты из Дамаска точно так же, как в Багдаде — расплатиться деньгами из Ташкента. Стало быть, невероятная мешанина куфических монет в шведских кладах неудивительна; какой бы район или регионы ни были их источником, они, вероятнее всего, с самого начала не отличались единообразием. Что же касается монет, изготовленных в том самом регионе или регионах, откуда их ввозили, то они, скорее всего, должны были быть новее прочих, отчеканенных в других частях Халифата. Тот факт, что самые поздние монеты шведских кладов середины IX века, вроде найденного в Фитьяре, были выбиты Тахиридами в таких местах, как Мерв, Самарканд и Ташкент, предполагает, что в конечном счете именно из этого региона поступало на север серебро. Стало быть, оно, вероятно, достигало Скандинавии по караванному пути, соединявшему Хиву (юг Аральского моря) с Булгаром на Волге.

Этот клад IX века из материковой Швеции можно сопоставить с другим, закопанным двумя веками позже на Готланде. Он был найден в 1952 г. под большим камнем в месте, называемом Гандарве, и содер-

жал небольшое количество (167 г) серебряного лома, не представляющего особого интереса, и 693 целые и фрагментарные монеты²⁹. Образцы, представленные в этом кладе, прибыли из самых разных районов мира. Пятнадцать из них происходят из Халифата, включая 3 копии, 432 — из Германии, 2 — из Чехии, 212 — из Англии, 2 — из Дублина, 9 — из Дании, там же обнаружена двадцать одна копия англосаксонских монет, вероятно, скандинавской чеканки. Немногие куфические монеты до крайности разнообразны. Самый ранний образец — это фрагмент монеты, либо выпущенной Хосровом II в VII веке, либо воспроизведенной уже после арабского завоевания, а позднейшие отчеканили между 996 и 1003 г. в Ираке, вероятно, в Мосуле, при династии Укайлидов. Здесь, как и в Фитьяре, большинство монет принадлежит аббасидским халифам; пять или шесть были выбиты в 772–938 г. в Басре и Аль-Рахбахе. Тахиридские монеты отсутствуют, но их место занято двумя другими, изготовленными в 909 и 938 г. в Ташкенте и Самарканде Саманидами, представителями династии, воцарившейся над теми же землями, которыми правил Тахир I. Германские и английские монеты в Гандарве также очень разнообразны. Они представляют большинство германских монетных дворов, действовавших в первой половине XI века, а английские серебряные деньги, выпущенные между 979 и 1046 г., берут свое начало с тридцати пяти монетных дворов. Тридцать монет, которые, по-видимому, были изготовлены в Скандинавии, свидетельствуют в основном о сильном английском влиянии, а два из датских образчиков, напротив, говорят о воздействии Византии. Время, когда был закопан клад, подсказывают германские и английские монеты. Позднейшие германские экземпляры отчеканили в Меце и Трире в 1047 г. или чуть позже, а самые свежие из английских

относятся к типу, который был выпущен между 1046 и 1049 гг. Отсутствие английских монет следующего выпуска и часто встречающихся в Скандинавии денег, изготовленных в Майнце и Корвее в 1051 г., наводит на мысль о том, что клад этот был закопан между 1047 и 1050 гг.

Толкование подобных находок зависит прежде всего от идентификации самих монет — когда, кем и где они были выпущены. Правителя, выпустившего их, обычно легко установить, хотя иногда и возникают сомнения, особенно в случае варварских копий, да и монетный двор нередко бывает указан. Основная сложность связана с определением даты выпуска западноевропейских монет. Арабские, к счастью, обычно сообщают дату своей чеканки по *хиджре*, а за начальную точку в этой системе летосчисления принимается дата ухода Мухаммеда из Мекки в Медину, что, по христианским подсчетам, произошло в 622 г.; но серебряные деньги из Западной Европы не дают столь четкий ответ. Очень долгое время эти христианские монеты можно было датировать лишь приблизительно, по времени правления того, кто их чеканил. Например, позднейшие английские образцы из Гандарве принадлежат Эдуарду Исповеднику, а, следовательно, должны относиться к 1042–1065 гг. К счастью для исследователя эпохи викингов, проведенная за последнее время работа перевернула наши познания об английской денежной системе, и теперь появилась возможность датировать многие из этих монет гораздо более узким временным интервалом. Фактически доказано, что в конце правления Эдгара, вероятно в 973 г., в Англии произвели важную реформу, и с этого момента через правильные промежутки времени, сначала в шесть лет, а затем в три года, стали выпускаться монеты нового образца, то есть с другим изображением³⁰. Конечно, о

существовании различных типов монет было известно уже давно; новым здесь является вывод о том, что они появлялись в четкой последовательности. Так, например, было показано, что монеты Эдуарда Исповедника с оттисками десяти типов выпускались через равные интервалы длиной примерно в три года. Эти регулярные смены изображения не означают, что ассортимент старых монет, имевших хождение, просто увеличивался за счет прибавления новых. Перемена была куда более радикальной; устаревшие деньги изымались из обращения и перечекивались. Очевидно, что был и период, когда одновременно циркулировали и новые и старые монеты, но ясно, что основную часть времени, начиная с конца правления Эдгара, законным платежным средством в Англии являлись монеты только одного образца. Необходимым условием такой регулярной перечековки было наличие большого количества монетных дворов, и сейчас доказано, что одним из важных итогов реформы Эдгара было то, что с этих пор лишь немногие части страны, вроде таких малонаселенных областей, как Фенз и Уилд, были удалены от ближайшего монетного двора более чем на пятнадцать миль³¹.

Английские клады, содержащие послереформенные монеты, показывают, насколько действенным был контроль. Раскрыто по меньшей мере тринадцать тайников с монетами, которые, судя по датам на самых поздних экземплярах в каждом из них, были закопаны примерно между 975 и 1042 гг. на землях, находившихся тогда под властью английских королей³². Ни в одном из этих кладов не присутствует больше двух типов изображения, а в восьми содержатся монеты лишь одной разновидности. Если бы смена старых монет на новые была эффективной лишь отчасти и в обращении оставались деньги прежнего образца, можно было бы

обоснованно ожидать, что клады этого периода будут более разнообразными. Для столь строгого контроля имелись веские причины, не последней из которых была выгода Короны. Согласно переписи, произведенной Вильгельмом Завоевателем, так называемой «Книге Страшного суда», в середине XI века каждый из семи монетчиков Херефорда уплачивал по 38 шиллингов всякий раз, когда менял штампы³³. Более того, существовал старый английский обычай время от времени менять весовые стандарты; пенни стандартного веса был введен только после норманнского завоевания, и именно он получил отличительное название «стерлинг»³⁴. Существовали разные способы подчинить эти колебания выгоде английского правительства. С этой целью, например, можно было менять объем денежных средств, находившихся в обращении, что обеспечивало короне прибыль. После нормандского завоевания короли вознаградили себя за утрату доходов, которую причинила стандартизация веса монет, введя новый налог, называвшийся «*monetagium*».

После того как была установлена вышеуказанная последовательность в смене изображений на английских монетах после 973 г., стало возможным датировать их гораздо точнее, чем раньше. Время выпуска позднейших образцов в кладе можно определить с точностью до шести лет, а в Гандарве самые новые английские экземпляры определенно относятся к 1046–1048 гг. Теперь появилась возможность изучить хронологическую структуру кладов, содержащих английские монеты, намного точнее, чем в то время, когда датировка оставалась приблизительной в пределах периода правления отдельного короля. Например, все 212 английских монет, найденных в Гандарве, можно датировать по их изображению, и, по-видимому, состав этого клада будет выглядеть так³⁵:

Изображение	Приблизительная датировка монет каждого типа	Количество монет каждого типа
<i>Этельред, 978–1016</i>		
Первая рука	979–985	1
Вторая рука	985–991	1
Распятие	991–997	13
Длинный крест	997–1003	29
Шлем в ореоле лучей	1003–1009	9
Маленький крест	1009–1016	19
<i>Кнут, 1016–1035</i>		
Четырехлистник	1017–1023	36
Заостренный шлем	1023–1029	55
Короткий крест	1029–1035	27
<i>Междоцарствие</i>		
Драгоценный крест	1035–1037	7
<i>Харальд I, 1037–1040</i>		
Геральдическая лилия	1037–1040	5
<i>Хартакнут, 1040–1042</i>		
Лапа и скипетр	1040–1042	3
<i>Эдуард Исповедник, 1042–1066</i>		
Символ мира	1042–1044	3
Ореол лучей	1044–1046	2
Трилистник, монета четырехугольная	1046–1048	2
Всего		212

Более половины английских монет в этом кладе отчеканили после 1023 г., то есть после последней выплаты дани датчанам, которая, согласно «Англосаксонской хронике», произошла в 1018 г. Удивляться тому, что английское серебро попадало в Скандинавию еще долгие годы после этого, не следует, ибо и Кнут и его

сыновья пользовались услугами скандинавских наемников, получавших в уплату за свою службу деньги, для сбора которых в Англии существовал специальный налог — войсковой, или «*heregeld*». Эдуард Исповедник продолжал взимать этот налог вплоть до 1051 г., когда на родину был отослан последний из его скандинавских солдат³⁶. Клады, подобные найденному в Гандарве,— это прекрасное напоминание о том, что не все английские монеты, обнаруженные в Скандинавии, представляют собой дань, отобранную грабителями; многие из них были частью жалованья воинов, служивших английским королям. Связь между *heregeld'ом* и присутствием английских денег в Скандинавии в высшей степени тесна. С исчезновением этого налога количество английских монет в тамошних кладах резко падает, а после 1051 г. они просачиваются в Скандинавию лишь тонкой струйкой³⁷.

Англичане не только изымали из обращения свои собственные старые монеты, но также перечеканивали любые деньги, какие только могли ввозиться из-за рубежа. Еще задолго до реформ Эдгара Англия проводила политику, направленную на то, чтобы не допустить хождения иностранного серебра, и редкость чужеземных монет в английских кладах говорит об успехе предпринятых для этого мер. На Британских островах встречаются иностранные монеты X—XI веков, но не в тех областях, на которые распространялась власть английских королей³⁸. В силу того, что привозное серебро не было в Англии законным платежным средством и англичане проводили очень действенный валютный контроль, английские клады не в состоянии предоставить надежной информации о том месте, откуда поступало серебро, из которого в этой стране делались монеты. Так, отсутствие в находках X века из Уэссекса и Мерсии куфических монет нельзя считать доказатель-

ством того, что таковые не ввозились в страну. На самом деле, в силу некоторых соображений, о которых речь пойдет ниже, можно полагать, с долей вероятности, что в конце IX — начале X века куфическое серебро попадало в Англию, но там подвергалось перечеканке³⁹. По-видимому, единственную надежду установить источник металла, использованного при производстве английских монет X века, дает спектроскопия в гамма-лучах⁴⁰.

Денежные системы других европейских стран не знали столь тщательного контроля, как в Англии, не были они и настолько централизованными; но современные исследования позволяют датировать многие выпуски европейских монет с гораздо большей точностью, чем это было возможно в прошлом. Пример тому — разработки, благодаря которым были с относительно небольшой погрешностью датированы самые поздние германские монеты из клада, найденного в Гандарве.

Идентификация и датировка монет эпохи викингов, будь они арабскими, германскими, английскими или скандинавскими, является необходимым основанием для изучения скандинавского материала. Предстоит сделать еще очень многое, но и сейчас известно достаточно, чтобы показать, как велико значение нумизматических свидетельств для осмысления этого периода⁴¹. Некоторые характеристики этого материала уже ясны и должны учитываться в любых рассуждениях о процессах, развивавшихся в то время. В дальнейшем, разумеется, будет проведен гораздо более тонкий анализ распределения монет и возможных кладов, но маловероятно, чтобы при этом исказились основные контуры той картины, которую можно наблюдать уже сейчас. Конечно, будут и свежие находки, но они, скорее всего, не опровергнут основополагающих гипотез, ибо, исходя

из прежнего опыта, новые клады, как правило, вписываются в уже заданные рамки.

Одной из самых интересных и примечательных особенностей скандинавского материала является редкость европейских серебряных денег IX века. Это был век нападений на Западную Европу, значительные области которой уже давно были знакомы с монетой. Согласно хроникам того времени, нападавшие требовали в качестве дани огромные суммы, а к тому же еще захватывали немалую добычу. Сообщается, что в 845 г. Карл Лысый отдал викингам серебра на сумму в 7000 фунтов за то, чтобы они оставили долину Сены; в течение 861 г. франки платили им дважды. Сначала по сведениям хроник — 5000 фунтов серебром, а затем — 6000 фунтов серебром и золотом; в 877 г. от норманнов с Сены удалось откупиться при помощи 5000 фунтов серебром. Это лишь несколько выплат, отмеченных франкскими источниками того времени, и, по подсчетам, общий итог за этот период составил 685 фунтов золота и 43 042 фунта серебра. Сообщения хроник могут быть и преувеличенными, но нет сомнения, что скандинавам в то время передавались изрядные суммы⁴². Подобное происходило и в Англии, хотя английская хроника не передает таких подробностей. В 865 г. жители Кента заключили мир с нападавшими и обещали им дань, «но разбойники ускользнули и продолжили свои набеги», потому что «знали, что грабеж исподтишка принесет им больше денег, чем мир»⁴³. В свете этих источников непонятна редкость английских и франкских монет IX века в Скандинавии. Во всей Скандинавии их найдено только 125, причем они поделены примерно между пятьюдесятью объектами раскопок, в числе которых немало кладов гораздо более позднего периода⁴⁴. Одно из объяснений редкости английских и франкских монет в то самое время, когда, по всем

сведениям, викинги получали крупные суммы, состоит в том, что первые искатели наживы не имели привычки к деньгам и поэтому быстро пускали каждую оказавшуюся у них в руках монету на украшения или слитки. Это звучит неубедительно. Если викингов интересовал лишь вес металла, то едва ли для них имело значение, в монетах или в слитках находится их серебро.

В любом случае, у нас в изобилии есть свидетельства, предполагающие, что жившие в IX веке скандинавы не испытывали отвращения к монете. В то время как западноевропейские монеты IX века встречаются в Скандинавии редко, арабских там много. Правда, их находят преимущественно на Готланде и в восточной Швеции, а не в Норвегии и Дании, но обращение готландцев и шведов с попавшими к ним в руки монетами дает хотя бы намек на то, каким могло быть отношение к ним у датчан и норвежцев. Если шведы употребляли и хранили куфическое серебро, то кажется естественным, чтобы в это же самое время датчане и норвежцы поступали таким же образом с оказавшимися в их распоряжении франкскими и английскими деньгами. Действительно, в западной Скандинавии известно несколько кладов куфических монет IX века; их относительная малочисленность в Норвегии и Дании по сравнению с восточной Скандинавией объясняется не обычаем переплавлять монеты, а тем фактом, что в то время они достигали западной Скандинавии в очень небольшом количестве⁴⁵. Лишь в конце IX века их объемы возросли. Объяснение такой же редкости европейских монет в это же самое время должно быть аналогичным — в Скандинавию их попадало очень мало. Фактически малочисленность английских и франкских монет вызывает удивление лишь в том случае, если предположить, что викинги приво-

зили собранную ими дань обратно в Скандинавию. Однако есть основание думать, что грабители не забирали своих трофеев домой, а использовали их как средства, необходимые для того, чтобы обосноваться на новом месте. «Англосаксонская хроника» описывает, как в 896 г. распалась армия Хастинга: «Датская армия разделилась, одна часть направилась в Восточную Англию, а другая в Нортумбрию; а те, у кого не было денег, добыли себе корабли и поплыли на юг через море к Сене». Смысл ясен — у тех, кто поселился в Восточной Англии и в Нортумбрии, деньги были; именно для того, чтобы их приобрести, они и вступили в грабительские отряды, а, получив желаемое, не вернулись в Данию, а основали колонии. Если посмотреть на набеги викингов с этой точки зрения, то есть как на прелюдию к созданию поселений, противоречие между сведениями хроник и содержимым кладов больше не будет казаться неразрешимым.

Изучение распределения монет в целом интересно и плодотворно, но нумизматические данные оказываются наиболее ценными, когда серебряные деньги находят, а затем и изучают в составе кладов. К несчастью, многие из последних были разьединены, ибо еще относительно недавно внимание уделялось не столько им самим, сколько отдельным монетам, и музеи были готовы обменивать или продавать свои образцы, не фиксируя должным образом первоначальный состав кладов, из которых они происходили. Однако в тех случаях, когда структура клада известна, либо потому, что ее тщательным образом зафиксировали, либо, что чаще, благодаря тому, что клад остался в целостности и сохранности, изучение клада дает гораздо больше, чем может дать изучение разрозненных монет. Прежде всего даже тогда, когда тот или иной экземпляр поддается датировке, это позволяет установить лишь одну

временную границу; монета, найденная случайно, могла быть утеряна в любой момент, начиная со времени своего выпуска, и, даже если ее обнаруживают в могиле, пределы хронологической погрешности остаются широкими. Однако во многих случаях можно определить достаточно узкий промежуток времени, в течение которого зарыли конкретный клад. Например, важно отметить, что некоторые из выкопанных в Скандинавии европейских монет, явно принадлежащих к IX веку, содержались в тайниках XI века⁴⁶. Более того, клады нередко прекрасно отражают общий характер монет, находившихся в обращении на момент их захоронения, и, сравнивая клады разных периодов, можно изучить изменения монетного ассортимента в данном регионе, точно так же, как, сопоставляя клады из разных областей, можно выявить пути, по которым перемещались монеты. Таким образом, для исследователей эпохи викингов те сведения, которые можно получить при изучении кладов, обладают колоссальным значением.

Клады ценны прежде всего потому, что дату их захоронения можно определить в достаточно узких рамках. Одна временная граница очевидна: хранилище не может быть древнее позднейшей из своих монет. Другая зависит от того, сколько времени находилась в обращении эта самая новая монета. Иногда признаки износа или их отсутствие могут наводить на размышления, как в кладе из Хона, но они никогда не бывают слишком надежным критерием. Монета могла храниться долгое время, почти не истираясь, или же претерпеть грубое обращение и очень быстро оказаться поврежденной. К счастью, нет нужды полагаться на столь зыбкие и неточные ориентиры, поскольку имеются веские основания полагать, что клады эпохи викингов обычно закапывались вскоре после даты выпуска их

позднейших монет. В двух словах, в пользу этого говорит то, что клад обычно отражает набор монет, имевших хождение в той или иной области в момент его захоронения, и потому его позднейший образец, скорее всего, одновременно является и самой новой монетой, какую можно было в него положить. Поскольку похоже, что монеты попадали в Скандинавию довольно быстро после своей чеканки, самая поздняя дата выпуска монеты в кладе обычно является надежным указанием на время его захоронения.

Об этой «отражающей способности» большинства кладов говорит разительное сходство находок из одного и того же района, последние монеты в которых относятся к одному и тому же периоду. Проведенный профессором Болином анализ пяти найденных в России куфических кладов, последние монеты которых относились к 850–875 гг., показал, что во всех пяти соотношение монет одного возраста или выбитых в одних и тех же регионах Халифата оказалось очень похожим⁴⁷. На рисунках 13 *а* и *б* показан временной состав двух из этих кладов, один из которых очень велик и содержит более 200 монет, а другой скромнен — в нем только 32 монеты. Однако можно видеть, что их характеристики очень схожи, и на рисунке 13 *в* они очень близко подходят к общей кривой для всех пяти кладов. Сходство кривых на этих графиках означает, что временной состав всех этих кладов практически одинаков и каждый из них может выступать в качестве образца для остальных. Единственное достойное объяснение подобных аналогий заключается в том, что содержимое для всех этих тайников было почерпнуто из общего ассортимента монет, доступных для этой цели в России в тот период, когда они были закопаны, а, следовательно, все они отражают именно этот монетный ряд.

Это не является исключительной особенностью русских кладов. То же самое явление можно наблюдать в кладах из других регионов. На рисунке 14 а, выполненном на основе анализа профессора Болина⁴⁸, показан состав клада из Фитьяра в Упланде, последняя дата в котором соответствует 863–864 г.; бросается в глаза сходство его хронологического состава с четырьмя другими шведскими кладами (см. рис. 14 б), позднейшие монеты в которых относились к периоду 857–868 г. И такие же параллели между кладами прослеживаются не только в IX веке; можно было бы привести примеры из других периодов, и все они говорят в пользу того, что клады, как правило, воспроизводят монетный ассортимент своего времени. «Отражающую способность» скандинавских кладов в конце X–XI веке, когда монеты ввозились из многих областей, демонстрирует еще и то, что ни один из них не состоит из монет только одного района. Все они смешанные и тем самым свидетельствуют о том, что вошедшие в них «доступные» монеты были широко распространены, а значит, на самом деле, доступны для захоронения. То же самое можно наблюдать на примере византийских монет. К 1946 г. на Готланде было найдено всего 410 таких монет, но они были растворены в монетном материале острова и присутствовали в восьмидесяти трех кладах⁴⁹. Лишь один из них был большим — клад из Оксарве, в котором нашли девяносто восемь из этих византийских солидов плюс еще шесть фрагментов⁵⁰; почти все остальные встречаются небольшими группами по две-три монеты. Конечно, раз имеются клады вроде найденного в Оксарве, монеты в котором принадлежат исключительно к одному виду, было бы совершенно ошибочно предполагать, что абсолютно любой клад отражает денежный ассортимент своего времени, но большинство из них, по-видимому, все же гово-

рит об общем характере серебра, имевшего хождение в период их захоронения.

Итак, чтобы датировать клад, необходимо узнать, сколько времени потребовалось монетам для того, чтобы достичь места его захоронения. Когда речь идет о кладах, где найдены лишь куфические монеты, мы не в силах сказать, насколько продолжительным мог быть этот срок, но в середине X века наблюдаются признаки того, что он, скорее всего, был не слишком большим. Самые поздние клады с куфическими монетами на территории Дании были найдены в Бовлунде и Рердале в Ютландии, и последние монеты в них датируются соответственно 942–954 и 961–970 гг.⁵¹ Поскольку примерно после 950 г. в датских кладах начинают регулярно встречаться германские деньги⁵², кажется маловероятным, чтобы их новейшие монеты достигли Ютландии спустя долгое время после даты своего выпуска. В Швеции последний клад с куфическими монетами содержит деньги 969–970 гг., и аналогично германским они едва ли мешкали в своем движении на север, поскольку после этого года все более растущую роль в шведских находках играют другие иностранные монеты⁵³.

Когда в кладах представлены монеты из нескольких областей, можно сравнить даты самых поздних экземпляров из каждой, и во многих случаях они очень хорошо совпадают. Подобное совпадение можно рассмотреть на примере двух кладов, которые уже упоминались выше: в Хоне самая поздняя куфическая монета датировалась 848–849 гг., а новейшая из византийских монет была выпущена примерно в 852 г.; в Гандарве самые поздние германская и английская монеты относились примерно к одному времени. Подобных случаев известно немало, как можно видеть из следующего списка датских кладов середины X века⁵⁴:

Название клада	Количество монет	Дата самых поздних монет		
		Куфические	Германские	Английские
Терслев	1751	940–944	936–962	949–952
Ре, Борнхольм	36	954	936–973	—
Юндевал, Южная Ютландия	146	954–955	936–973	946–955
Гравлев	263	952	936–973	—
Сейро	143	942	953–965	946–955
Аальборг Клостермарк	43	970	—	958–975
Таруп	112	965	962–973	—
Бодstrup	124	967	976–982	—
Конгенс Удмарк	124	968	965–991	—

Обычно совпадение в датировке самых поздних монет, обращавшихся в Скандинавии и происходивших из регионов, отделенных от нее большими расстояниями предполагает, что все они должны были достигать ее довольно быстро. Следовательно, нет оснований сомневаться в том, что, вероятнее всего, в большинстве случаев самая поздняя монета клада попадала в него не более чем через три года после своего выпуска, а в XI веке этот разрыв бывал даже короче.

Клады закапывались ради безопасности, и в ожидании современных археологов остались лежать лишь те, которые не были вырыты своими хозяевами. Скорее всего, они оказались забытыми в тяжелые времена, и, как представляется, обычно рост кладов и местные неурядицы шли рука об руку. Возможно даже, что люди охотнее всего закапывали свои сокровища тогда, когда возникала угроза войны или поблизости оказывались грабители. В том, что касается исторического периода, эта связь между тяжелыми временами и кладами хоро-

шо установлена, и лучшим объяснением для увеличения числа кладов в отдельные периоды, по-видимому, является то, что эти эпохи были отмечены особенными тревожными событиями. Давно признано, что многие норвежские клады относятся к беспокойным временам Олафа Трюггвасона (ум. 1000 г.), Олафа Святого (ум. 1030 г.) и Харальда Сурового (1046–1066 гг.), тогда как более безмятежный период правления Магнуса Доброго (1035–1047 гг.) оставил после себя лишь единицы⁵⁵. Подобным же образом, в Дании известно немало кладов, которые можно датировать 1050–1065 гг., когда шла ожесточенная борьба между Харальдом и Свенном Эстридсенем⁵⁶. То же самое можно сказать и об Англии: правление Эдгара дало очень мало кладов, а пятилетний период между 1065 и 1070 гг., ознаменовавшийся нормандским завоеванием, оставил их больше, чем предыдущие пятьдесят лет⁵⁷. Общая связь между беспокойными временами и забытыми в земле сокровищами ясна, и хотя многие из них могли остаться не востребованными и по другим причинам, если обнаруживается относительно большое количество кладов, принадлежащих к четко очерченному региону и периоду истории, это можно считать признаком смутного времени. Таким образом тот факт, что находят множество кладов одного периода, говорит не столько о благополучии, сколько о напряженности ситуации. Не исключено, что другие моменты истории были богаче, но и потери тогда были меньшими. Точно так же некоторые области, возможно, были особенно уязвимыми для нападений, почему и дают сравнительно больше кладов, чем хорошо защищенные регионы⁵⁸. Это может отчасти объяснять тяготение кладов к побережьям и территориям вдоль внутренних водных путей Скандинавии, но не следует забывать о том, что в тех же самых местах проживала и основная масса населения.

Надежной приметой населенных в то время областей Швеции служат рунические камни, в большинстве своем XI века, а в том, что распределение последних очень тесно связано с местами скопления кладов, можно убедиться, сопоставив рис. 2 и 5.

Тот факт, что в тяжелые времена в земле оставалось большее количество кладов, чем в спокойные периоды, означает, что многочисленность находок одного времени может говорить о наступлении нелегкой поры. Ни в одной области Скандинавии клады не подвергались столь систематическому изучению, как на Готланде, и было показано, что хотя на каждое десятилетие между 840 и 1100 гг. приходится самое меньшее по два захоронения, наблюдаются периоды, когда они становятся особенно частыми. Таково десятилетие после 860 г., а в середине X века можно наблюдать даже еще более яркий пример. В течение 940–949 гг. забытыми остались, по крайней мере, девять кладов, содержащих более двадцати пяти монет, а следующее десятилетие дало в два раза больше⁵⁹. После этого количество кладов снижается вплоть до конца века, когда наблюдается заметный подъем, и в первой половине XI века их закапывают гораздо больше, чем в любое другое время, из чего становится ясным, что для Готланда тогда наступили скверные времена. Датские клады исследовал д-р Сковманд. Согласно его анализу, в Дании периоды особенно активного захоронения сокровищ не совпадали с теми, которые были выявлены на Готланде. Несомненно, в Дании клады чаще всего относятся к концу X и середине XI века, причем особенно выделяется период 1050–1065 гг.⁶⁰ Это может означать, что середина X и первые годы XI века, то есть те самые периоды, на которые, судя по столь ясным указаниям готландского материала, приходится максимальное количество кладов, а значит, предположительно и

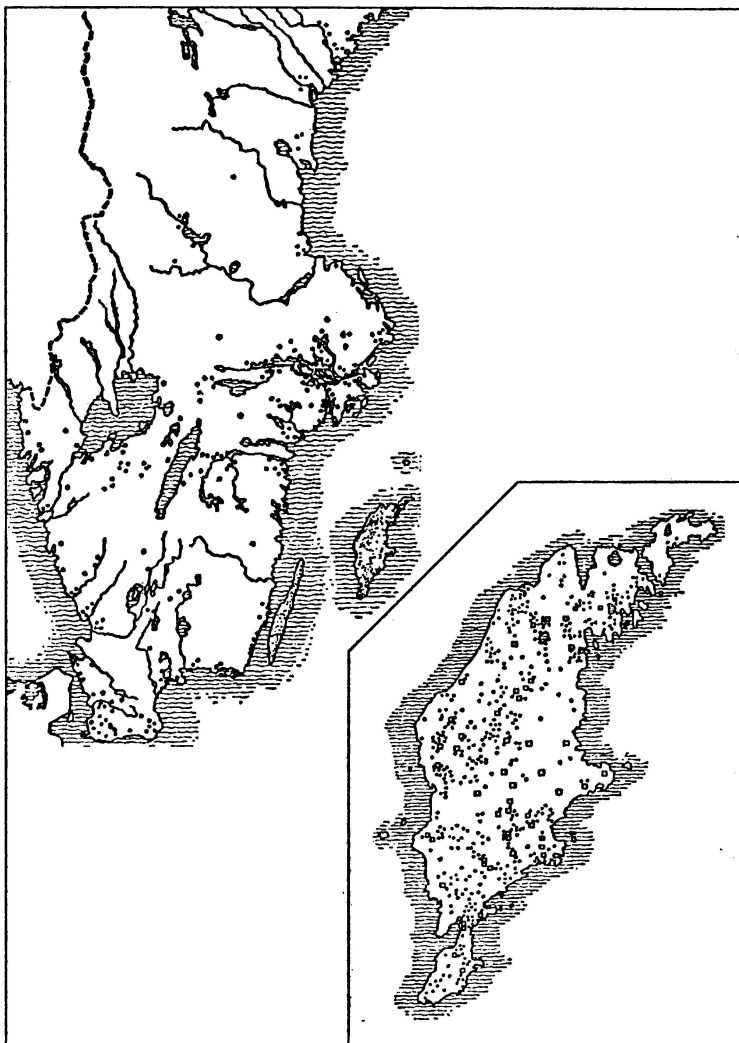

Рис. 5. Карта размещения шведских кладов эпохи викингов, на основе карты, подготовленной профессором Мортенем Стенбергером для Государственного исторического музея Стокгольма. На увеличенной карте Готланда квадратами отмечены золотые клады

неурядицы, в Дании были относительно спокойными. Отдельные скопления кладов очень невелики. Так, например, в шведской провинции Смоланд их найдено очень мало, но три из них, по-видимому, были закопаны примерно в 1070 г., что заставляет заподозрить в это время какие-то сложности местного порядка⁶¹. И впрямь возможно, что тщательная работа, которая в настоящее время проводится со скандинавскими кладами, в конце концов позволит установить хронологию беспокойных времен для большей части эпохи викингов.

За чрезвычайно редким исключением, скандинавский монетный материал с начала до середины X века является в основном куфическим. О малочисленности западноевропейских монет в то время уже упоминалось, а византийские встречаются еще реже⁶². Самые многочисленные некуфические монеты, имеющие пехлевийскую легенду, были отчеканены сассанидскими правителями Персии и завезены вместе с мусульманским серебром.

Разумеется, присутствие пехлевийских денег в Скандинавии не означает, что контакты между Балтикой и Персией имели место еще в VII веке. Фактически поток мусульманского серебра хлынул в Скандинавию только в начале IX века. Известно несколько кладов, которые действительно оказываются очень древними, и в двух из них самые поздние монеты датируются 780 и 793 гг.⁶³; но эти клады невелики, и им не следует придавать большого значения. Судя по русским захоронениям начала IX века, большая часть монет, имевших хождение в то время, относилась к 760–800 гг., и в этот период особенно велик риск появления небольших кладов с обманчиво древними самыми поздними экземплярами⁶⁴. К началу IX века мусульманское серебро, безусловно, было доступно как на Руси, так и в

Скандинавии. Вероятно, количество его было небольшим, и средний размер готландских кладов первой половины IX века очень мал. Монеты, циркулировавшие в Скандинавии, были очень похожи на те, которые в то же самое время обращались на Руси. Профессор Болин убедительно показал, что состав русских и шведских кладов в третьей четверти IX века почти идентичен⁶⁵. Их хронологический состав можно сравнить по рисункам 13 в и 14 б. Клады этих двух групп очень близки и по происхождению своих монет, например, 56,3 процента монет из Руси были отчеканены на монетных дворах Ирака, в то время как из тех же мест происходят 54,1 процента монет, найденных в Швеции, а соотношение серебра из других областей также почти совпадает. Ясно, что монеты, употреблявшиеся в то время в Швеции и, следовательно, попадавшие в клады, по своему возрасту и происхождению были такими же, как на Руси. Ассортимент монет в обеих областях в то время был идентичным. Однако это не означает, что именно русский монетный арсенал явился источником содержимого шведских кладов. Если бы серебро сначала вывозилось из Халифата на Русь, а затем в Швецию, то можно было бы ожидать значительных различий между монетами, обращавшимися в этих двух областях. В этом случае сходство между шведским и русским материалом могло бы сохраняться лишь при том условии, что денежные поступления из Халифата на Русь были идентичны поставкам из Руси в Скандинавию. Во всяком случае, не похоже, чтобы содержимое русских кладов на рис. 13 в ввозилось на Русь теми же маршрутами, что и современные им шведские сокровища. На регионы Халифата, служившие поставщиками серебра, указывает не только максимальное количество их продукции в кладе, но и последние монеты, которые, будучи отчеканенными вблизи такого

региона-экспортера или в нем самом, скорее всего, были новее, чем экземпляры, прибывшие из более отдаленных мест⁶⁶. Профессор Болин показал, что в этом отношении русские клады IX века распадаются на две группы⁶⁷. К первой относятся те, для которых источником новейших монет послужили регионы, прилегающие к Кавказу и южным берегам Каспийского моря, а ко второй — клады, в которых позднейшими являются образцы из далеких северо-восточных провинций, отчеканенные на монетных дворах таких городов, как Балх, Бухара, Мерв, Самарканд и Ташкент. Это наводит на мысль о том, что мусульманское серебро достигало Руси по двум маршрутам — один из них, юго-восточный, пересекал территорию Хазарского каганата, находившегося в низовьях реки Дон, а другой проходил по караванному пути, соединявшему Хиву, что на Амударье к югу от Аральского моря, с Булгарией, расположенной в среднем течении Волги. Однако содержимое русских кладов 850–875 гг. свидетельствует о более южном маршруте. В Исфахане, Басре, Армении, Багдаде и Мерве были выбиты позднейшие монеты из пяти кладов, а последний из них, найденный в Новгороде, одинаково хорошо согласуется как со шведским, так и с южнорусским материалом. Если бы источником для шведского материала в то время служили в основном деньги, циркулировавшие на Руси, то последние монеты шведских кладов должны были бы происходить или из тех же самых областей, или из других, но не слишком отдаленных. На самом же деле последние монеты многих шведских кладов середины IX века были выпущены представителями Тахиридской династии в таких местах, как Мерв, Бухара, Самарканд и Ташкент, а это предполагает, что большее значение для Скандинавии в то время имел северный маршрут через Волгу⁶⁸. Это не обязательно означает, что серебряные деньги, импор-

тировавшиеся на Русь по южному пути, никогда не достигали Скандинавии, но это показывает, что по северному маршруту было ввезено достаточно «поздних монет», чтобы они оставили заметный след в кладах. Поскольку в целом состав кладов в обеих областях практически одинаков, общий характер монет, экспортировавшихся из Халифата по двум вышеупомянутым маршрутам, также едва ли мог сильно различаться. И в Швеции, и на Руси клады отражают набор монет, находившихся в обращении в Халифате, а значит, сходство зарытых сокровищ в этих двух регионах не дает нам права согласиться с тем, что в Швецию серебро поступало из русского монетного ассортимента, а не с Волги.

Клады, последние монеты в которых датируются временем до 890 г., в основном найдены в восточных частях Скандинавии. На Готланде их по меньшей мере тридцать два, и в них содержится более 4000 целых или фрагментарных монет. Другие такие клады разбросаны вдоль берегов восточной Балтики (Хельсинг-ланд, Гестрикланд, Упланд (два), Седерманланд, Эланд, Оланд (минимум два), Эстерботтен, Эстония, Ливония, и самый крупный из всех — в Смоланде)⁶⁹. В западных частях Скандинавии находки этого периода, напротив, очень редки и незначительны. Единственный в западной Швеции клад IX века найден в Кеттилстропе, а на полуострове Сконе не обнаружено ни одного, который был бы древнее X века. В Дании их два, причем один из них, возможно, был закопан около 900 г., в Норвегии — также два, известно и о двух подобных находках небольшого размера в Рантруме в Шлезвиге. Существует два возможных объяснения такого распределения куфических кладов IX века. Либо ареал таких монет в основном ограничивался восточными частями Скандинавии, либо встречались они повсеместно, но более обычными, по-видимому, были на востоке, ибо там

подобных кладов найдено больше. Правда, наличие тайников является признаком нестабильности, а не благополучия, и отсутствие куфических кладов в западной Скандинавии может означать, что там это время было временем мира и процветания, но, когда речь идет о Дании, это мало похоже на правду. Франкские источники того времени указывают, что в Дании как раз царил большой беспорядок, и это впечатление подтверждается другими кладами. Д-р Сквоманд перечисляет тринадцать датских находок, которые он относит к IX веку, причем монеты содержались только в одной из них. Есть и другие клады, найденные в прилегающих областях⁷⁰. Кажется, что в то время в Дании не существовало никаких сомнений по поводу того, стоит ли закапывать серебро, и отсутствие куфических монет предполагает лишь то, что и в наличии их было немного. Это подтверждают и раскопки погребений. Если бы в IX веке западная Скандинавия изобиловала куфическим серебром, можно было бы ждать, что в могилах его будет найдено больше; во многих погребениях Бирки присутствовали куфические монеты, выпущенные до 890 г.⁷¹ Отсутствие подобных находок в Дании можно объяснить обычной для нее бедностью захоронений, но едва ли это можно приложить к Норвегии, где погребения были многочисленны и богаты, но подобные монеты удалось обнаружить лишь в трех из них⁷². Необходимо сделать следующие выводы: во-первых, в западной Скандинавии куфические монеты были относительно редкими; и, во-вторых, серебро, ввозившееся в восточную Скандинавию, как правило, там и оставалось. Денежный ассортимент постоянно обновлялся за счет новых поступлений, о чем говорит общая черта, присущая кладам 820–870 гг., — последние монеты в них принадлежат Тахиридам. Однако отток серебра из этого региона был минимальным. Некото-

рые монеты оказывались закопанными в кладах, другие, по всей вероятности, превращали в слитки или украшения, но экспортировались лишь очень немногие.

В X веке клады с куфическими монетами получают более широкое распространение, хотя основным местом их концентрации по-прежнему является восточная Балтика. В Дании известно девятнадцать кладов 890–970 гг., которые содержат около 2500 монет, и именно в этот период куфическое серебро проникает дальше на север⁷³. Его находят также на Британских островах, конечно, не в тех областях, на которые распространялась власть английских королей, а на окраинах, где без ограничений обращались самые разнородные монеты⁷⁴. В этот период не только расширяется ареал распространения куфических денег, но и клады становятся крупнее. Это время, к которому относятся самые важные находки: на Готланде было сделано шесть таких находок, причем в каждом кладе обнаружили более тысячи монет⁷⁵, а в двух из них нашли свыше двух тысяч монет в каждом. Крупнейший датский тайник с куфическими монетами был раскрыт в Терслеве, в нем было 1708 монет, и последняя датировалась 944 г.⁷⁶, а самая большая норвежская находка относится к периоду 925–955 гг.⁷⁷

В то же самое время происходят важные изменения в составе кладов. Большинство монет IX века было выпущено халифами, Омейядами или Аббасидами, но в период после 890 г. такое серебро становится относительно редким. В кладах X века основная часть монет восходит к Саманидам, династии, которая к концу IX века подчинила себе северо-восточные области мусульманского мира, ранее находившиеся под властью Тахиридов. Саманидское серебро начинает появляться в шведских кладах вскоре после 890 г. и очень быстро становится преобладающим в найденном материале.

Одновременно, как можно утверждать на основании изучения поздних монет из русских кладов, по-видимому, утратил всякое значение южный маршрут⁷⁸. В X веке русский материал, как и скандинавский, был главным образом, саманидским, и, судя по последним монетам кладов, они были ввезены по волжскому пути прямо из провинций, принадлежавших этой династии. Причиной увеличения ввоза, а затем и преобладания в кладах денег из владений Саманидов было то, что в конце IX и начале X века в этом регионе шла разработка богатых месторождений серебра. В Ташкенте добыча серебра началась еще в VIII веке, но во второй половине IX столетия был открыт и заработал легендарный рудник Панджер в Афганистане⁷⁹.

Во времени этот поток саманидского серебра, устремившийся на Русь и Скандинавию, совпадает с важным изменением в характере русских и скандинавских кладов. В то время как в IX веке в земле обычно оказывались монеты, чей возраст на момент захоронения был уже относительно старым, к началу X века они заметно «помолодели». Более 70 процентов монет из клада, найденного в Полтавской губернии (самая поздняя монета отчеканена в 882 г.) старше 820 г., а это очень напоминает более ранние находки IX века, но из шестнадцати русских кладов X века, изученных профессором Болином, монеты, выпущенные до 889 г., присутствовали лишь в шести, а еще в пяти доля их составляла лишь 2 процента или даже меньше. Единственный на Руси клад X века, в котором было обнаружено больше 2 процентов монет старше 890 г., происходит из Пскова — самый новый экземпляр в нем датируется 905 г., а 90 процентов выпущено после 890 г.⁸⁰ Эту разительную перемену в характере русских кладов нельзя объяснить, просто допустив, что новые поступления возобладали над старым материалом, ибо в этом

случае можно было бы ожидать, что эти древние монеты оставят после себя больше следов. В скандинавских кладах образцы старше 890 г. продолжают встречаться до XI века, как, например, в Гандарве. Причина почти полного исчезновения из русских кладов X века монет, отчеканенных до 890 г., скорее всего, заключается в том, что их изъяли из обращения. Существует три возможных варианта объяснения того, как это могло случиться: либо старые монеты захоронили в кладах, либо переплавили в слитки и украшения, или же они пошли на экспорт. Версия захоронения в кладах не может нас удовлетворить, так как на основании русских находок нельзя сделать вывод о том, что в конце IX и начале X века монеты закапывались в достаточно массовом порядке. Переплавка, для того чтобы стать приемлемой гипотезой, требует еще одного допущения — что до 890 г. или позже, в X веке, когда старые монеты снова занимают важное место в русском материале, переплавляли лишь очень немногие из них или же вообще не переплавляли⁸¹. Вполне приемлемым образом исчезновение монет IX и предшествующих веков из русских кладов можно объяснить тем, что в конце IX столетия они были изъяты из обращения путем экспорта. Некоторые, безусловно, были вывезены на юг, в Византию⁸², но большая часть вполне могла быть направлена на север — в Балтику или через нее. Анализ русских кладов X и XI веков, принадлежащий профессору Болину, воспроизведен на с. 296–299, 302. Согласно ему выходит, что широкомасштабный экспорт серебра, начавшийся в конце IX века, продолжался только первые тридцать лет X века⁸³. В начале X века клады почти полностью состояли из монет, отчеканенных в течение трех-четырёх десятилетий до их захоронения, но впоследствии временной интервал, характерный для большинства кладов, увеличился. Если вывоз

серебра не прекратился и примерно после 940 г., то он не мог оставаться на том же уровне, что и в начале века, когда старые монеты были столь радикально выведены из употребления, иначе продолжился бы и процесс их изъятия из обращения, и по своей возрастной структуре клады середины столетия не отличались бы от тех, которые были закопаны в его первые десятилетия.

В Швеции многие клады начала X века свидетельствуют о тех же переменах, что и на Руси, но, похоже, что там изъятие монет, отчеканенных до 890 г., не было таким полным. Правда, известно несколько крупных скандинавских кладов начала X века, сохранивших типичные черты находок предыдущего столетия. На рис. 15 показан хронологический состав двух из них — из Стора Велинге на о. Готланд и Овер Рандлева в Дании, и эти кривые можно сопоставить с аналогичными характеристиками более ранних кладов на рис. 14. Тем не менее в скандинавских кладах проявляется четкая тенденция, в соответствии с которой старые монеты исчезали из обращения точно так же, как на Руси. Рис. 16 а отражает хронологический состав пяти готландских кладов, закопанных между 930 и 939 гг., в которых лишь двадцать пять монет, то есть 2,3 процента от общего количества, были выпущены до 890 г. Как и на Руси, большинство монет старше 890 г. было изъято из употребления, и объяснение этому должно быть аналогичным: их экспортировали. После 890 г. куфическое серебро получило в Скандинавии большее распространение, чем прежде, и есть веские основания полагать, что так же обстояло дело и за ее пределами. Именно в этот период оно появляется и на Британских островах, хотя, разумеется, не на землях английской короны. Найденные там куфические монеты относятся примерно к 870–950 гг., что прекрасно

согласуется с предположением о начале примерно в 890 г. их экспорта с берегов Балтийского моря⁸⁴.

Профессор Болин обратил внимание на тот факт, что в скандинавских кладах, спрятанных после 930–939 гг., весьма заметным образом падает доля новых монет⁸⁵. В результате в течение всего этого века куфическое серебро большинства скандинавских кладов относится к 890–930 гг. Это можно вполне отчетливо увидеть на рис. 16 б и в, которые отражают анализ готландских кладов 950–959 и 978–1016 гг., проведенный профессором Болином. То же самое явление можно наблюдать на примере кладов из других областей Скандинавии, и на рис. 17 представлен хронологический состав трех из них, из Норвегии, Швеции и Дании. Есть, конечно, и исключения, такие, как, например, клад из Уггорда на о. Готланд, в котором самая новая монета относилась к 960 г., но, кроме нее, присутствовал 101 экземпляр, отчеканенный после 930 г., и только тридцать — до этого года⁸⁶. Объяснение, предложенное профессором Болином для подобных возрастных характеристик большинства шведских кладов куфических монет, состоит в том, что примерно после 930 г. вывоз серебра из Скандинавии прекратился или, по крайней мере, относительно уменьшился, и эта гипотеза кажется единственно удовлетворительной. Новые монеты продолжали прибывать в Скандинавию примерно до 970 г., но в количествах, недостаточных для того, чтобы ликвидировать перевес серебряных денег, выпущенных в первые десятилетия века. Разумеется, есть вероятность того, что ввоз монет в Скандинавию уменьшился уже примерно после 930 г., а вывоз после этой даты был как минимум сокращен, иначе бы доля старых монет упала быстрее. Сохранение этих более давних образцов в ассортименте Скандинавии, видимо, означает, что из обращения изымалось лишь относитель-

но небольшое их количество, а условия, приведшие к выходу из употребления большинства монет IX века, утратили силу.

Профессор Болин попытался обосновать этот тезис путем аналогии с русскими кладами, закопанными примерно после 970 г., чье содержимое в этот период начинает совпадать по временным характеристикам⁸⁷. Это изменение совпадает с заметным уменьшением количества куфических монет, достигавших Скандинавии. Экземпляров 965–983 гг. в скандинавских кладах найдено так мало, что, должно быть, примерно к 970 г. новые поступления почти полностью прекратились. Болин утверждает, что в это время прервался экспорт монет из Руси в Скандинавию, и потому русские клады по своим характеристикам приблизились к скандинавским примерно сорокалетней давности. В действительности, эта аналогия неудовлетворительна по двум причинам. Во-первых, нельзя быть уверенным в том, что источником скандинавского материала являются монеты, имевшие хождение на Руси и представленные в русских кладах. В IX веке очевидны признаки того, что куфическое серебро попадало в Скандинавию прямо с Волги, как правило, минуя монетный ассортимент Руси⁸⁸. До тех пор пока мы не узнаем еще очень много о русских кладах X века, соглашаться с тем, что эта ситуация могла изменяться, очень опасно. Следовательно, уверенности не может быть и в том, что прекращение ввоза куфических монет в Скандинавию следует объяснять прекращением вывоза этих монет из Руси. Второе основание для сомнений в справедливости аналогии Болина, состоит в том, что перемены в составе русских кладов, наблюдающиеся примерно к 970 г., также можно связать с тем, что с этого времени начинается сокращение ввоза на Русь куфических монет. Причиной этого стал стремительно разворачиваю-

щийся в исламском мире серебряный кризис. Истощение серебряных рудников в конце X и начале XI веков вызвало серьезные экономические и политические изменения в мусульманском мире, и в начале XI века экспорт куфического серебра на Русь и Балтику полностью прервался; последняя мусульманская монета, найденная в России, датирована 1015 г.⁸⁹ Точно так же, как и в случае со скандинавскими кладами, спрятанными после 930 г., факт сохранения в русских кладах старых монет еще долгое время после 970 г. должен означать, что в этот период они экспортировались в сравнительно небольших количествах, но едва ли можно полагать, что их вывоз имел место и в течение нескольких десятилетий до 970 г. На самом деле, анализ кладов профессора Болина, приведенный на с. 290–299, очень хорошо согласуется с гипотезой о том, что к 950 г. экспорт монет из Руси, который, скорее всего, был весьма существенным примерно с 890 г., уже пришел в упадок. Тот факт, что эта аналогия между скандинавскими кладами после 930 г. и русскими после 970 г. неприемлема, ни в коем случае не отменяет основного утверждения Болина, согласно которому после 930 г. экспорт куфических монет из Скандинавии, скорее всего, резко сократился, если не ликвидировался полностью.

Куфическое серебро продолжало достигать севера примерно до 970 г., но примечательная редкость монет, произведенных между 965 и 983 гг., о которой уже упоминалось, свидетельствует о том, что в этом году или около того новые поступления иссякли. Частичным объяснением может послужить серебряный кризис в мусульманском мире, приведший к явному сокращению ввоза куфических монет на Русь, но должны были существовать и дополнительные факторы, обусловившие почти полное прекращение импорта. Волжский маршрут был по-прежнему открыт для ввоза на Русь⁹⁰,

и тот факт, что серебро перестало попадать в Скандинавию, вероятнее всего, был связан с разрывом сообщения между Волгой и Балтикой, быть может, благодаря деятельности киевских князей в Северной Руси⁹¹. Этот разрыв оказался окончательным. Когда после 983 г. куфические монеты стали снова ввозиться в Скандинавию, их путь уже пролегал западнее, и его отправной точкой были не северо-восточные части Халифата, а монетные дворы таких центральных провинций, как Сирия, Ирак и Месопотамия⁹². Более того, скандинавские клады конца века обнаруживают связь не с русскими находками, а с тайниками, обнаруженными на землях к югу от Балтийского моря, и это говорит о том, что маршрут импорта в то время проходил через Польшу, вдоль таких рек, как Висла, а не через Русь⁹³. Возобновление ввоза куфических денег в Скандинавию оказалось недолгим. Последние куфические монеты, найденные в Норвегии и Дании, были отчеканены в течение первых двух-трех лет XI века, а позднейший образец на территории Швеции относится к 401 г. по мусульманскому летосчислению, то есть к 1012–1013 гг., что всего на два года раньше даты чеканки последней такой монеты, найденной на территории Руси. Кризис положил конец потоку серебра, который в течение двух веков изливался из мусульманских стран на север.

Немалая часть этого серебра достигла Балтики, и в результате скандинавы почувствовали вкус к этому металлу. Примерно с 970 г. им пришлось искать другие способы удовлетворения своих потребностей. Когда приток мусульманского серебра сократился, они начали разрабатывать два основных его источника — это были Германия и Англия. Начиная с середины X века стала расти добыча на важном месторождении в горах Харца, и многие монеты, сделанные из этого серебра, также проложили себе дорогу в Балтийский регион.

О том, что и англичане не были бедны серебром, говорит продуманная денежная реформа Эдгара, которая уже описывалась выше. Часть этого английского серебра добывали в рудниках на территории Британских островов, а что-то вполне могло происходить из Германии; но нельзя исключить, что какая-то доля английских серебряных денег, имевших хождение в конце X века, была ранее ввезена из Балтики в виде куфических монет. И именно к Англии и Германии во второй половине X века скандинавы обратились в поисках возмещения, а в конце концов и замены для иссякающих поставок серебра из мусульманских стран, и с середины X века английские и германские монеты начинают играть растущую роль в скандинавских кладах⁹⁴. К началу XI века, когда приток мусульманского серебра полностью прекратился, уже почти все серебро, ввозимое в Скандинавию, происходило из Англии и Германии. Это изменение в характере кладов очень заметно. На Готланде, например, до 950 г. клады были почти исключительно куфическими; во второй половине века начинают появляться английские и германские монеты, а содержимое кладов, закопанных в 990–1020 гг., оказывается германским уже более чем на 40 процентов и английским на 10 процентов. В течение последующих тридцати лет доля куфического серебра уменьшилась примерно до 5 процентов, и клады того времени формировались в основном из германских (56 процентов) и английских (30 процентов) монет.

Отдельные английские образцы достигали Скандинавии и до правления Этельреда; известны, например, десять английских монет крупного клада из Терслева, в Дании (Зеландия), который, скорее всего, был закопан в середине X века⁹⁵, но основной поток серебра хлынул на север с началом походов на Англию в конце века. То есть среди причин, приведших к тому,

что при Этельреде возобновились нападения викингов на Англию, следует назвать насущную для скандинавов необходимость восполнения сокращающихся поставок куфического серебра. Сначала большинство английских монет являлось данью, которую платили викингам англичане, но после завоевания страны Кнудом английские деньги стали попадать на север уже в качестве жалованья скандинавских воинов, служивших Кнуду и его преемникам. Согласно «Англосаксонской хронике», Кнут держал флот из шестнадцати кораблей, которые обходились ему по восемь марок за весло, а в 1040 г. их число, по-видимому, сильно увеличилось благодаря наследнику Харальда, Хартакнуду⁹⁶. Скандинавские клады, вроде уже упоминавшейся находки из Гандарве, как минимум подтверждают сообщение хрониста. Наличие связи между скандинавскими наемниками в Англии и английскими монетами в Скандинавии доказывается тем, что количество последних заметно уменьшается после 1051 г., когда, в соответствии с хроникой, Эдуард Исповедник распустил остатки своей скандинавской гвардии. Германские монеты, также поступавшие в Скандинавию в изрядных количествах, отчасти являлись добычей, захваченной в походах, в том числе и против Германии; но в XI веке они попадают в Скандинавию в основном благодаря балтийской торговле, в которой скандинавы, особенно готландцы, играли столь важную роль⁹⁷.

Таким образом, скандинавские клады состоят, не исключительно, но в значительной мере, из куфических, английских и германских монет. Например, встречаются византийские экземпляры, которые, наверное, особенно примечательны в силу своей редкости. Во всей Скандинавии известно около 500 таких монет, причем более 400 из них были найдены на Готланде⁹⁸. Менее десяти из них относятся к IX веку и, за исключением

случая с тремя золотыми солидами из Хона, клады, в которых их обнаружили, были закопаны в X веке или еще позже; старейший шведский клад с византийским серебром относится примерно к 950 г. Известны и монеты местного скандинавского производства. Наиболее примечательны и интересны так называемые монеты из Бирки и полубрактиты из Хедебю⁹⁹. Первоначально эти монеты чеканились по подобию каролингских образцов, и, возможно, в Бирке их производство началось уже с 820 г., а впоследствии и в Хедебю. Там полубрактиты выпускались в середине X века, в период германского владычества над этим торговым городом. Первые попытки создать в Швеции упорядоченную монетную систему, предпринятые Олафом Шетконунгом и Анундом Якобом (ок. 996–1050 гг.), как и современные им меры на Руси, ничем не увенчались по причине чрезмерного обилия серебра. Однако в Дании и Норвегии в XI веке уже сложились собственные монетные системы¹⁰⁰, но благодаря этому успеху и следовавшему за ним уменьшению количества монет, которые признавались в качестве законного платежного средства, скандинавские клады, хоть и по-прежнему пленяющие воображение, перестали быть таким же источником информации о своих богатствах, как клады эпохи викингов.

6

НАБЕГИ

Многие хронисты и прочие писатели христианского Запада единодушно изображают викингов бесчеловечными и безжалостными людьми, которые в своей жажде добычи и приключений убивали и разрушали с варварской жестокостью. Аббон в своей поэме об осаде Парижа скандинавами в 885–886 гг. описывает их как «диких зверей», передвигающихся «верхом и пешком через холмы и поля, леса, открытые равнины и деревни, убивающих младенцев, детей, юношей, стариков, отцов, сыновей и матерей... Они уничтожают, они грабят, они истребляют, они жгут, они опустошают, злоеющая когорта, губительная фаланга, жестокое полчище»¹. Это поэзия, но хронисты используют те же выражения. Согласно «Анналам Сен-Бертена» датские пираты напали на Руан, «неся повсюду ярость насилия, огня и меча, предали город, монахов и остальных людей избиению и плену. Они опустошили некоторые монастыри и другие места вблизи Сены, а прочие оставили объатыми ужасом и захватили много денег»². Подобные пассажи обыкновенны для многих тогдашних повествований о жестокостях викингов. Их явные преувеличения не вызывают удивления, ибо авторы, как правило, были церковнослужителями, а от главных жертв викингов едва ли можно ожидать уравновешенного и

беспристрастного взгляда на своих обидчиков. Нет оснований сомневаться в достоверности их рассказов о передвижениях викингов, но существуют веские причины подозревать, что они преувеличивают, когда сообщают о размере и разрушительной деятельности этих грабительских отрядов. Не говоря уж об естественной склонности извинять поражения и превозносить победы, преувеличивая силу и жестокость врага, у этих церковных деятелей был еще один повод изображать атаки скандинавов как сокрушительное бедствие. В их глазах эти набег были Божьей карой за грехи поколения, которое с излишней готовностью отрекалось от своих обязательств по отношению к Его Церкви. Трудно ожидать, чтобы в своем стремлении подчеркнуть эту идею и призвать мирян к покаянию они стали бы уменьшать суровость возмездия, ниспосланного Небом.

К сожалению, мы не располагаем скандинавскими источниками того времени, чтобы сопоставить их с христианскими рассказами о деяниях викингов, а полное единодушие дошедших до нас жалоб, в пользу которых, по-видимому, говорят и прекрасно изложенные сказания средневековой Исландии, заглушает подозрение, что в результате картина получается односторонней. Современные писатели слишком охотно берут на веру подсчеты авторов того времени. Характерный тому пример — рассказ Кристофера Доусона о набеге IX века и их последствиях: «Экспедиции викингов были организованы с широким размахом, их основой был флот, насчитывавший сотни судов, и западные провинции империи, наряду с Англией, из года в год подвергались систематическому разграблению. В течение почти пятидесяти лет эти вторжения набирали силу — до тех пор, пока между Гамбургом и Бордо не осталось аббатства или города, который не был бы разорен, а крупные дороги страны, особенно в Нидерландах и северо-

западной Франции, не опустели»³. Не все ученые столь категоричны, но существует общая тенденция доверять сведениям о размерах флота викингов, которые содержатся в источниках той эпохи. Так, Фрэнк Стентон, крупнейший специалист по раннему периоду истории Англии, принял утверждение «Англосаксонской хроники» о том, что в 851 г. Этельвульф нанес поражение войску, состоявшему из команд 350 кораблей⁴, а многие ученые, включая норвежского археолога Хакона Шетелига и французского историка Анри Ваке⁵, посчитали достойным доверия свидетельство Аббона, оценившего численность сил, осаждавших Париж в 885 г. в 40000 человек. Эта готовность верить сведениям о размерах скандинавских отрядов и произведенных ими опустошений, к сожалению, повлияла на интерпретацию и других источников, как лингвистических, так и археологических, и тем самым уменьшила их ценность в качестве независимого критерия правдивости письменных свидетельств. Скандинавские топонимы Области датского права (Денло) нередко используются как доказательство того, что ее население, состоявшее из многих тысяч датских воинов, было плотным и охватывало значительные территории,— в основном не потому, что сами топонимы подтверждают что-либо подобное⁶, а потому, что принято считать осевшие там «армии» многотысячными. Точно так же и археологические свидетельства слишком часто истолковываются в свете письменных источников, а предметы европейского происхождения, найденные в Скандинавии, обычно безоговорочно воспринимаются как трофеи. Когда данные археологии противоречат сведениям письменных источников, как в случае с западноевропейскими монетами IX века, столь редкими в Скандинавии⁷, основные усилия историков и археологов устремляются на то, чтобы как-то оправдать археологию, без того чтобы взглянуть на ее

показания, как на желанную проверку исторических свидетельств. Более того, общепринятое мнение о колоссальной разрушительности этих набегов привело некоторых ученых к тому, что на викингов возложили ответственность за события с невыясненными причинами. Например, отсутствие монастырей в Англии в начале X века понимается как следствие нападений викингов в IX веке⁸. Эта гипотеза нуждается в тщательном изучении, но до тех пор, пока не появятся более серьезные доказательства, чем простое совпадение во времени и уверенность в том, что викинги сметали все на своем пути, нельзя принимать подобное предположение за истину. Тем не менее это искушение очень велико, и многие перед ним не устояли.

Общий итог жалоб современников, позднейших легенд, ошибок в трактовке лингвистических и археологических данных, беспочвенных предположений по поводу последствий набегов оказался таков, что в настоящее время представление о присущей викингам жестокости ни у кого не вызывает сомнений, а некоторыми воспринимается как настоящая аксиома. Глубоко укоренившееся убеждение в том, что викинги приходили большими армиями и оставляли после себя чуть ли не пустыню, серьезно затрудняет попытки установить истинную природу и масштаб опасности, которую они собой представляли. В этой главе мы попробуем рассмотреть свидетельства о размерах скандинавских отрядов, воевавших в Западной Европе, и причиненном ими ущербе с целью выяснить — насколько это возможно — масштаб и характер исходившей от викингов угрозы. Пока этого не будет сделано, у нас мало надежды правильно понять действия викингов или реакцию их жертв. Немаловажный вопрос о мотивах, двигавших нападавшими, будет рассмотрен в последней главе этой книги.

Прежде всего необходимо поговорить о размере разбойничьих отрядов, и здесь мы встречаемся с проблемой перевода. «Англосаксонская хроника» использует термин *here*, чтобы отличить банды грабителей от английского *fyrð'a*. Обычно это слово, *here*, переводят как «армия» или «войско», но оба варианта вводят в заблуждение. Современные армии представляют собой идеальное орудие войны, насчитывая десятки, если не сотни тысяч людей, и когда мы употребляем слово «армия», нам трудно удержаться от таких ассоциаций. «Войско» также подразумевает множество людей. Несостоятельность подобных переводов несложно доказать при помощи отрывка из законов Инэ начала VII века, который сохранился в списке, сделанном в правление Альфреда: «До семи людей мы называем разбойниками, от семи до тридцати пяти — бандой, а сверх того — *here*»⁹. Это определение предположительно на двести лет старше набегов, но оно дает более надежный ключ к тому, что в IX веке понималось под словом *here*, чем современные слова «армия» или «войско». Если *here* могла состоять из трех дюжин человек, то едва ли стоит называть ее армией. Иногда в переводах *here* предстает как «датская армия», а когда хроника упоминает о *micel here*, это выражение иногда передается как «великая датская армия». Использование этой фразы для обозначения одной конкретной *here* неудачно. Да, хроника описывает участников нападения 865 г. как *micel here*, но в последующие годы та же самая группа людей именуется уже просто *here*. *Micel (великая) here* является не принятым в то время военным термином, который следует переводить как «великая датская армия», а знаком того, что, на взгляд автора, *here*, вторгнувшаяся в Англию в 865 г., была большой.

Писатели того времени очень редко брали на себя труд оценить численность людей, принимавших участие

в нападениях викингов. «Англосаксонская хроника» ни разу не сообщает о количестве участников набега, а источники на континенте делают это крайне редко. Время от времени сообщается о числе погибших в битве, но на размер скандинавских банд чаще всего указывает количество кораблей в их флоте.

Цифры, приводимые хронистами, интересны, но, прежде чем начать их рассмотрение, необходимо напомнить, насколько ненадежны бывают численные данные хроник. Когда в период позднего средневековья появляется возможность сравнить сообщения летописцев с такими независимыми и надежными свидетельствами, как списки личного состава и документы о выплате жалованья солдатам, абсурдность некоторых преувеличений становится очевидной. Так, сообщается, что в войне 1340 г. английские силы насчитывали более 200 000 человек, в то время как их не могло быть более 4000 тысяч — и то в лучшем случае¹⁰. Фруассар раздул численность трехтысячного войска, участвовавшего в 1366 г. в битве при Нахере, до 27 000 тяжеловооруженных всадников и более 40 000 пехотинцев¹¹. Не все преувеличения могут похвастаться таким размахом; некоторые сводятся к простому удвоению реальных цифр, а кое-какие даже еще менее оригинальны; но, не имея независимых данных, сложно, если вообще возможно, узнать, насколько значительно то или иное из них. Мы не располагаем каким-то единым коэффициентом, на который можно было бы разделить цифры, которые приводят хронисты, с тем, чтобы восстановить истину. И поскольку у нас нет оснований полагать, что хронисты эпохи викингов сколько-нибудь достойнее доверия, чем их коллеги периода Столетней войны, все цифры, о которых говорят современники событий, идет ли речь о размере армии, числе убитых в битве или количестве кораблей во флоте, требуют крайне осторожного подхода.

В «Англосаксонской хронике» иногда указано количество судов в нескольких скандинавских флотах, посещавших Англию до конца IX века. Эти сведения заслуживают пристального внимания:

- 789 г. — 3 скандинавских корабля в Дорсете.
- 836 г. — 35 кораблей; в некоторых версиях 25.
- 840 г. — 33 корабля; в одной версии 34.
- 843 г. — 35 кораблей.
- 851 г. — 350 кораблей; 9 из них захвачены в том же году.
- 875 г. — Альфред сражается с 7 кораблями и захватывает 1.
- 877 г. — 120 кораблей погибают в шторме (или в тумане) в Сванадже.
- 878 г. — 23 корабля.
- 882 г. — Альфред сражается с 4 кораблями; два захвачены, два сдались.
- 885 г. — Флот Альфреда разбил и захватил 16 кораблей, но затем потерпел поражение от «крупной морской силы».
- 892 г. — *Here* переправляется из Булони «за один переход, с лошадьми и всем» на 200, 250 или 350 кораблях, согласно разным версиям этой летописной статьи.
- 892 г. — Приход Хастинга с 80 кораблями.
- 893 г. — Датчане из Нортумбрии и Восточной Англии собирают «около сотни кораблей и отправляются на юг вдоль побережья». Одна версия добавляет «и около 40 поплыло на север вдоль побережья».
- 896 г. — 6 кораблей.
- 896 г. — 20 кораблей погибает у южного побережья.

Первое из этих упоминаний относится к одной из самых ранних высадок викингов. Возможно, что это

сообщение соответствует действительности, как и записи за 836 и 840 гг., принадлежащие к тому разделу хроники, который, по всей вероятности, базировался на более старой летописи¹². Текст под 843 г., вероятно, дублирует запись за 836 г., а флот, упоминаемый под 851 г., крупнейший, о каком когда-либо сообщала «Англосаксонская хроника», относится к разделу, написанному примерно сорок лет спустя, и указанное количество судов, 350 кораблей, едва ли правдоподобно¹³. Это число выглядит подозрительно, как результат десятикратного приумножения самого большого из упоминавшихся ранее флотов; в любом случае к нему стоит относиться так, как будто оно просто означает «много кораблей». Обо всех остальных флотах IX века речь идет в той части хроники, которую можно считать «современной». Они естественным образом разделяются на две группы: шесть маленьких, включавших от четырех до двадцати трех судов, и четыре больших, в которых кораблей было более восьмидесяти. Размер мелких флотилий оценен правильно, и в большинстве случаев приводятся дополнительные подробности, вызывающие доверие. Видимо, битва 896 г. описана по рассказу очевидца, а все детали, упоминаемые в связи с флотами 875, 882 и 885 гг. говорят о том, что, возможно, основой для сообщений о них послужили вполне правдивые сведения. Контраст между этими небольшими флотилиями и более крупными разителен. Если не считать тех сорока кораблей, которые, согласно «Хронике Паркера», поплыли на север вокруг острова в 893 г., все они состояли более чем из 80 судов, и указываемое число каждый раз оказывается круглым, в то время как количество кораблей в мелких флотилиях дается точно. Самая большая эскадра, отчалившая из Булони в 892 г., оценивается по-разному, в 200, 250 и 350 судов, и хотя цифрой 350 из «Анналов Сент-Неотса» мы вправе

пренебречь, есть веские основания предпочесть число 250 из «Хроники Паркера» тем двум сотням кораблей, о которых говорят прочие версии. В любом случае, эти цифры можно рассматривать только как попытку хрониста поведать о флоте большого размера. К ним нельзя относиться как к точным подсчетам. Таким образом, судя по сведениям «Англосаксонской хроники», наряду с тем, что викинги часто нападали силами мелких флотилий, вроде того флота из шести кораблей, который в 896 г. нанес столь большой ущерб территории вдоль южного побережья между островом Уайт и Девонширом, иногда они собирали и крупные флоты. К сожалению, сведения хроники об их размере нельзя считать такими же точными, как те цифры, которые она приводит в отношении более мелких.

Эти флоты, крупные и мелкие, скорее всего, состояли из разных кораблей. Аббон признался, что, называя число в 700 кораблей, принимавших участие в осаде Парижа, он не учитывал мелких судов, и, хотя эта цифра смехотворна, его оговорка обращает внимание на уже рассматривавшийся выше факт, что наряду с большими судами использовались и маленькие¹⁴. Не лишним также будет повторить, что по своему размеру, по крайней мере в IX–X веках, корабли, скорее всего, никогда не были большего размера, чем судно из Гокстада с тридцатью двумя веслами, и, видимо, даже в XI столетии более крупные корабли постоянно использовались лишь в скандинавских водах¹⁵. Присутствие таких мелких кораблей в викингских флотилиях лишь увеличивало его численность, но количество находившихся на них бойцов от этого не слишком-то возрастало. Вообще не совсем понятно, сколько человек вмещало в себя судно викингов. Предполагается, что на крупнейшем из них могло находиться до ста человек; но в пользу этого свидетельствует немного. В средневековой Норвегии

корабли иногда укомплектовывались пятью воинами на каждое весло, но есть большая разница между сражением в родных водах и путешествием за море, чтобы вести войну вдали от дома. Действительно, не похоже, чтобы на корабле, вроде найденного в Гокстаде, когда-либо отправлялось в военный поход более тридцати двух человек¹⁶. Очевидно, что именно об этом говорит комплект его щитов. К тому же в своем рассказе о битве 896 г. «Англосаксонская хроника» подтверждает тот факт, что максимальное количество воинов на скандинавских кораблях IX века было именно такого порядка¹⁷. В том году девять кораблей Альфреда дало бой шести неприятельским. Наверно, это была мелкая стычка, но кажется, что в распоряжении хрониста был рассказ очевидца, и он подробно описывает это событие. В бою были убиты команды двух скандинавских кораблей, а с третьего в живых осталось лишь пять человек. Команды остальных трех кораблей бились на берегу до тех пор, пока прилив не помог им уплыть. Сообщается, что убитых датчан было 120, то есть эта цифра должна означать команды двух кораблей, команду третьего судна, не считая пятерых человек, и неизвестное количество погибших в бою на суше. Если принять 120 как число убитых датчан, хотя оно подозрительно напоминает удвоенное количество погибших с английской стороны — шестьдесят два, получается, что команда каждого из судов едва ли могла насчитывать более тридцати человек.

Если на кораблях перевозили и лошадей, как это было в 892 г., то понятно, что количество людей на каждом судне должно было сильно уменьшиться. Ковер из Байе был вышит вскоре после нормандского завоевания Англии, и на нем имеются сцены переправы флота Вильгельма через Ла-Манш, на которых видно, что максимальное количество лошадей на корабле

равно десяти. Ковер этот славится достоверностью своих изображений, но, конечно, именно такие детали, как эта, заслуживают наименьшего доверия. Тем не менее его свидетельство очень хорошо согласуется с кажущимся правдоподобным рассказом о погрузке на корабли конных воинов в XII веке. Согласно Вильяму Мальмсберийскому, современнику этих событий, питавшему к ним горячий интерес, в 1142 г. Роберт, граф Глостер, завербовал примерно 300–400 всадников и погрузил их на пятьдесят два корабля для отправки в Англию¹⁸. Вильям Мальмсберийский известен как добросовестный писатель, и необычная точность деталей в этом отрывке вызывает доверие к приводимым им цифрам и указывает на то, что, как правило, на каждое судно приходилось по семь или восемь всадников. Если *micel here*, переправившаяся из Булони в 892 г., состояла только из воинов и их вооружения, включавшего лошадей, то в свете свидетельства Вильяма Мальмсберийского 200 кораблей, о которых сообщает «Англосаксонская хроника», несли на себе от 1200 до 1500 человек или даже больше, если мы отдаем предпочтение цифре в 250 судов из «Хроники Паркера». Если же допустить не только возможность того, что хронист преувеличивал, но и тот факт, что этот флот транспортировал также женщин и детей, появится вероятность того, что *micel here*, крупнейшая армия, о которой когда-либо сообщали английские источники IX века, не достигала и тысячи человек. Ничто в источниках IX века не подразумевает того, что «полчища» викингов бывали значительнее этого числа, и, скорее всего, большинство разбойничьих отрядов, если не все, состояло из трех-четырёх сотен человек. К этой цифре нас подводит и единственный подробный рассказ о битве с викингами, содержащийся у Гинкмара в «Анналах Сен-Бертена».

В сентябре 866 г. отряд из 400 норманнов и бретонцев с Луары подошел к Ле-Ману и опустошил его¹⁹. На обратном пути они столкнулись с Робертом Сильным, маркграфом Нейстрии, Рамнульфом, графом Пуату, Жоффруа и Геривеем, графами Мэна, в месте, называемом Бриссарт. В последовавшей битве Роберт погиб, Рамнульф и Геривей были ранены, первый смертельно, и франкская армия была разбита. Гинкмар пытал отвлечь внимание к Роберту и Рамнульфу, покусившимся на благосостояние Церкви, и расценивал их поражение как Божью кару. Возможно, он даже преувеличил боеспособность франкских сил, но маловероятно, чтобы он значительно приуменьшил численность норманнов. Тот факт, что отряд из 400 человек был в состоянии опустошить Ле-Ман, а затем победить войнство под командованием представителей высшей знати Западной Франкии наводит на мысль о том, что, несмотря на все преувеличения летописей, истинные размеры «армий» и «войск» викингов, воевавших в Франкской империи и Англии, были одного и того же порядка.

Однако некоторые ученые, в частности Фердинанд Лот и Фрэнк Стентон, заявляют, что эти армии IX века должны были насчитывать тысячи воинов, и Лот предполагает, что иногда они могли достигать примерно 5000 человек²⁰. Чтобы отклонить подобную цифру, существует немало оснований помимо тех, о которых уже говорилось. Прежде всего невозможно представить себе, как можно было содержать войско такого размера в течение хотя бы одной зимы, не говоря уж о десяти. Даже сам Фрэнк Стентон назвал важным достижением Вильгельма Завоевателя тот факт, что ему удавалось поддерживать существование своей армии в течение нескольких недель²¹. Стентон полагает, что эта рать, набранная для вторжения в Англию, состояла примерно из 5000 человек, многие из которых были безземельными

рыцарями, «присоединившимися к Вильгельму ради жалованья, ибо слышали о его щедрости. Большинству полководцев того времени содержание такой армии в течение недель бездействия на территории Нормандии было бы не по плечу...». Однако каждый раз срок существования «армий» викингов измерялся годами. Достижение Вильгельма действительно примечательно, но если бы полчища викингов в IX веке были такими же большими, как у Вильгельма, то можно было бы сказать, что их командиры, удерживавшие свои отряды от распада иногда более десяти лет, совершили поистине небывалый подвиг. Не говоря уж о проблемах контроля и дисциплины, приходилось преодолевать множество трудностей, связанных с питанием и экипировкой столь большого количества людей. Долгое существование и периодические стремительные перемещения скандинавских отрядов в IX и начале X веков были бы невозможны, если бы в каждом из них насчитывалось более чем несколько сот человек. Успехи викингов объяснялись в основном неожиданностью и исключительной мобильностью, а потеряв инициативу, они позволяли надолго запереть себя на каком-нибудь острове и до странности неохотно вступали в бой. Не удивительно ли это, если полагать, что их были тысячи?

То немногое, что известно о военных лагерях викингов, подтверждает мысль о том, что их отряды были небольшими. На первых порах базы викингов в Англии, как и везде, располагались на островах вроде Шеппэй и Танета в эстуарии Темзы, но грабители, прибывшие в 865 г., зимовали в таких местах, как Йорк, Ноттингем, Тетфорд, Рептон, Сиренчестер и Уорхэм. Нигде ничего не говорится о том, укрепляли ли они эти города, и возможно, что некоторые из них уже и так были обнесены стенами. В 885 г. хроника упоминает о крупной крепости викингов вблизи Рочестера, но она скоро

была заброшена, и основная фортификационная деятельность чужеземцев берет свое начало только в 892 г. За четыре года после своего прибытия в Англию в 892 г. викинги построили несколько укрепленных пунктов. Первые находились в Милтон Регис, около Ситтинборна, в Кенте и в Эплдоре на кромке болот между Раем и Эшфордом. От них ничего не сохранилось. В следующем году они выстроили форты в Бенфлите и Шубери на побережье Эссекса и в Баттингтоне на реке Северн. В Бенфлите и Баттингтоне не уцелело ничего, но в Шубери остались следы большого земляного вала длиной около 500 ярдов с северо-востока на юго-запад²². Его так точно не идентифицировали, и заявления вроде того, что «поскольку следов других земляных валов не найдено, можно допустить, что эти фрагменты, сохранившиеся на побережье, были сооружены Хастингом», становятся менее убедительными, если вспомнить о полном отсутствии аналогичных земляных построек в других местах, где, по утверждению хроники, датчане возводили свои укрепления. Но, несмотря на это, вал в Шубери вполне может быть частью лагеря, построенного в 893 г. Кое-что было размыто морем, но его размер напоминает об английских крепостях того же времени, построенных для защиты от захватчиков. Если подобный лагерь был рассчитан на то, чтобы укрывать женщин, корабли и имущество викингов во время их военных операций, а между кампаниями, безусловно, и самих мужчин вместе с лошадьми, то его размеры не вызывают удивления. В 894 г. викинги построили две другие крепости, одну у реки Ли, примерно в 20 милях выше Лондона, а другую в Бриджнорте на Северне, но ни от одной из них не сохранилось и следа. До появления современных технологий разрушить древние валы и рвы было не так уж просто, и тот факт, что крепости викингов

трудно распознать, говорит о том, что они были не слишком внушительными.

Кроме Шубери существует еще один земляной вал, отождествляемый с оборонительными сооружениями викингов, упоминающимися в хронике. В 917 г. отряд викингов (*here*) «прибыл из Хантингдона и Восточной Англии и построил себе крепость в Темпсфорде, и разместился в ней, построил другую крепость в Хантингдоне, думая, что из Темпсфорда они больше земель смогут наводнить своими раздорами и злобой». В Темпсфорде находится земляная постройка, называемая замком Ганнока. Это небольшое квадратное сооружение с валом, высота которого в настоящее время равняется 11 или 12 футам над уровнем дна внешнего рва²³. В одном углу располагается небольшой курган, округлый в основании, в области вершины достигающий примерно 20 футов в поперечнике, а размер огороженной территории по внутренней стороне валов равен примерно 120 на 84 фута. Сирил Фокс заявил, что поскольку эта крепость в состоянии укрыть лишь около 270 человек, и то на каждый ярд вала их пришлось бы по двое, «она, конечно, не могла бы разместить огромную армию из Хантингдона и Восточной Англии, о которой говорится в хронике». Разумеется, у нас нет оснований полагать, что *here*, упоминаемая хроникой, была намного крупнее этого, и определенно здесь не имеется в виду *micel here*. Каков бы ни был ее размер, в том же году викинги потерпели поражение от жителей Бедфорда. Вполне возможно, что Сирил Фокс прав, утверждая, что крепость такого типа *a priori* не могла быть построена датчанами, но ее размер, конечно, не может служить возражением. Если, как предполагает Сирил Фокс, замок Ганнока является постройкой XI–XII века, проблема местонахождения укрепления 917 г. остается нерешенной.

Часто пришельцы предпочитали, если была такая возможность, искать защиту не за крепостными стенами, а на островах, где им было удобно вытащить на берег свои ладьи. В 893 г. лагерь в Бенфлите стал уязвимым для нападений, и, возможно, по этой причине в 894 г. викинги, по словам хроники, сделали своей базой «остров под названием Мерси, находящийся в море». Остров Мерси велик и не дает никаких подсказок по поводу размера этой базы, но, по крайней мере, один из островов, где в IX веке укрывались скандинавские пираты, был очень небольшим. В 893 г. отряд викингов (*here*), находившийся в Эплдоре, вышел оттуда и грабил восточную округу Уэссекса, пока его не осадили в Фарнхэме. Согласно хронике, датчане бежали, бросив свою добычу, и, переправившись через Темзу, нашли убежище на острове в реке Колн. Этельвирд передал название этого острова, или, скорее, островка, как *Thornige*, и сэр Фрэнк Стентон отождествил его с островом Торни около Ивера на границе Бэкингемшира и Мидлсекса²⁴. Он имеет ромбовидную форму, а его размеры по осям составляют 300 на 100 футов. На этом-то маленьком острове и была осаждена *micel here*, которая высадилась в устье Лимна в 892 г., построила ныне утраченную крепость в Эплдоре и размещалась там. Однако едва ли этот островок мог в течение месяца или двух служить удобным убежищем для пяти тысячной армии вместе с лошадьми.

Сведения о размере армий викингов в ходе второго этапа нападений в конце X века не надежнее, чем в IX столетии. Соблазнительно объяснить неудачу английского сопротивления, допустив, что силы, возглавляемые Олафом Трюгвасоном, Свенгом и его сыном Кнутом, были крупнее армий Гутрума и Хастинга, но такое предположение едва ли можно доказать с помощью имеющихся свидетельств. «Англосаксонская хро-

ника», в данном случае представляющая собой рассказ современника событий, указывает размер лишь одного флота этого этапа походов на Англию — это девяносто четыре корабля, приплывшие в 994 г. под командованием Олафа и Свена. Если принять эту цифру, то этот флот был меньше, чем те, которые, по сообщению хроник, прибывали в IX веке. Флоты, упоминаемые уже после датского завоевания Англии, были еще малочисленнее: например, в 1028 г. из Англии в Норвегию отправилось всего пятьдесят судов. Конечно, если бы средний размер корабля значительно увеличился, такие флоты смогли бы перевозить гораздо больше людей, но мы уже рассматривали причины, заставляющие сомневаться в том, что для своих набегов викинги когда-либо использовали корабли крупнее найденного в Гокстаде. Нет сомнения в том, что корабли, охранявшие морские границы Англии, были раза в два больше, имея примерно по шестьдесят весел, и не исключено, что в относительно безопасных водах Скандинавии также могли использоваться суда такого размера. Возможно даже, что при хорошей погоде такие большие корабли смогли бы добраться из Дании в Англию, но едва ли Олаф и Свен в своих английских экспедициях сделали бы ставку на суда, плавание на которых не было сопряжено с риском лишь в хорошую погоду.

Четыре земляные постройки, обнаруженные в Дании, были провозглашены археологическим доказательством того тезиса, что армии времен правления Этельреда* были очень большими. Это заявление важно со всех точек зрения и заслуживает подробного рассмотрения. В двух словах, речь идет о том, что они были сооружены датскими королями в разных частях стра-

* Этельред II Нерешительный — англосаксонский король, правивший в 978–1013, 1014–1016 гг.— *Прим. ред.*

ны, чтобы служить зимними казармами или тренировочными лагерями для армий, нападавших на Англию. Поскольку в стенах этих лагерей могло разместиться около 6000 воинов, получается, что армии эти были понастоящему внушительными.

Эти крепостные сооружения расположены в разных концах Дании²⁵. Самое большое из них — это Аггерсборг на берегу Лимфьорда на севере Ютландии; немного к югу располагается еще один лагерь под названием Фюркат; третий, Ноннебаккен, находился на месте Оденсе на острове Фюн, а четвертый, Треллеборг, — на острове Зеландия недалеко от Большого Бельта, отделяющего его от Фюна. Все они были раскопаны, по крайней мере частично, и на рис. 6 приведены для сравнения планы трех из них. Сходство очевидно. Все сооружения обнесены круглыми земляными валами с четырьмя проемами на равных расстояниях друг от друга, через которые проходило по две дороги. Они различаются по размеру, в Фюркате внутренний диаметр стены составляет 131 ярд (120 м), в Треллеборге — 148 ярдов (136 м), а в Аггерсборге — 240 метров.

Земляные валы также были разными по размеру; в Треллеборге стены достигали 59 футов (17,6 м) в толщину, а в Фюркате — только 40 футов (12 м). Раскопки показали, что вал Фюрката, высота которого, по-видимому, достигала примерно 10 футов (3 м), первоначально представлял собой сложную деревянную конструкцию, укрепленную землей или дерном. Внутри кольцевых стен под прямым углом пересекались дороги, которые в Фюркате и Треллеборге были вымощены деревом и делили внутренность лагеря на четыре равных участка. В каждом из них находилось несколько крупных зданий, расположенных группами по четыре. Все эти здания были устроены одинаково, пространство в центре каждого из них отделялось от

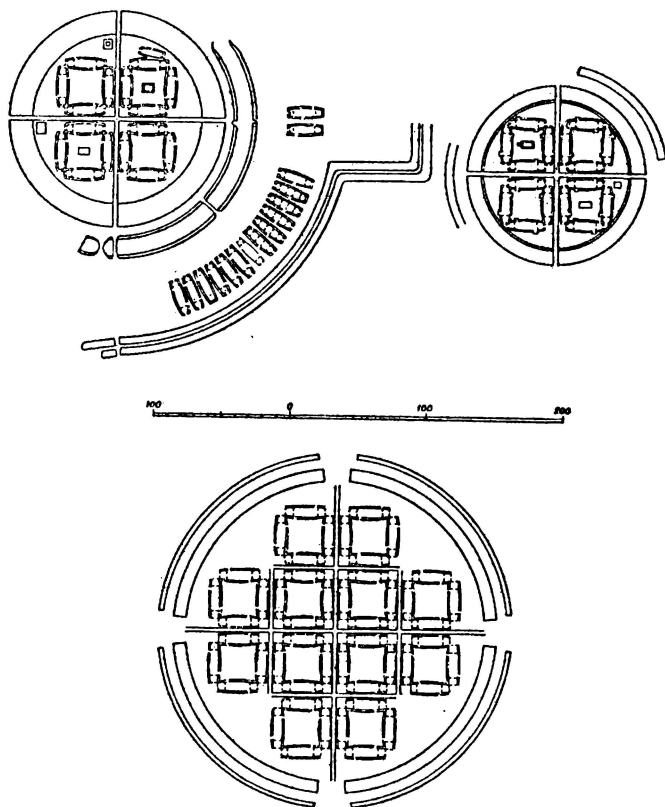

Рис. 6. Три лагеря конца эпохи викингов, найденные в Дании: Треллеборг (вверху слева), Фюркат (вверху справа), Аггерсборг (внизу). (По публикации в J. Brøndsted, *Danmarks Oldtid* (1960), III, p. 363)

двух комнат меньшего размера в концах дома, но имелись и некоторые отличия в конструкции. Деревянные стены домов в Треллеборге были сделаны из досок, расположенных вертикально, а в Фюркате здания имели деревянный каркас, длинные изогнутые стороны были плетеными и покрытыми штукатуркой, а торцы были сделаны из горизонтальных досок. Крыша,

похоже, опиралась на стены, внешний ряд столбов и мощные подпорки внутри здания. Дома немного отличались по размеру. В Фюркате они в длину достигали 31 ярда (28, 5 м), а в самом широком месте — 8 ярдов (7,5 м). В Треллеборге здания внутри кольцевой крепостной стены были длиннее примерно на метр, а в

Илл. X. Лагерь Треллеборг, см. с. 192–201. Основные элементы его конструкции отчетливо видны, реконструированный дом стоит за пределами внешнего рва. Лагерь, очевидно, находился у слияния двух рек, Ваарбьи и Тудеи. Открытые воды Большого Бельта отделены от места слияния примерно 2 милями (3 км). На протяженность озера, в прошлом защищавшего лагерь, указывает линия паводка. (Национальный музей, Дания)

Аггерсборге — даже еще более вытянутые, 38 ярдов (34,5 м). В Фюркате сохранились следы слабого и незаконченного рва, а Треллеборг был защищен гораздо лучше. На обращенной к земле стороне полуострова, на котором располагался этот лагерь, сразу за кольцевым валом, находится ров правильных пропорций, а пятнадцать более мелких домов, стоявших радиально вне внутренней стены, были защищены еще одним валом и рвом. В прямоугольном выступе этого внешнего рва в Треллеборге размещалось кладбище, где нашли могилы примерно 150 человек. Все это были скудные захоронения, скелеты сохранились плохо, поэтому во многих случаях пол покойников определить трудно, следовательно, отсутствует почва для нередко высказываемого утверждения о том, что там было похоронено мало женщин. Пол установили лишь у сорока из восьмидесяти семи скелетов, которые удалось изучить, и женщинам принадлежали девять из них²⁶. Преобладание мужчин отчасти объясняется хорошей сохранностью двух больших братских могил, в которых находилось пятнадцать мужских скелетов. Поскольку пол удается установить так редко, делать обобщения на этой основе по меньшей мере неосторожно. Определить возраст похороненных там людей оказалось не так трудно — шестьдесят из восьмидесяти семи были моложе сорока лет, но не стоит забывать и о том, что почти каждый третий был старше этого возраста. Тот факт, что удалось распознать только одного ребенка моложе шести лет, был воспринят как доказательство необычности этого поселения. На кладбище Фюрката, к которому из лагеря вела дорога с деревянной мостовой, пока раскопаны двадцать три могилы, но, в отличие от захоронений Треллеборга, некоторые из них богато убраны. Внутри лагеря Фюрката следов жизнедеятельности людей немного. В нем найдены

отдельные фрагменты глиняной посуды и костей, не особенно много там и мусора, который обычно встречается в местах обитания людей. В Треллеборге, напротив, признаков присутствия людей гораздо больше.

Самая примечательная особенность этих лагерей заключается в том, что их планировка отличается большой точностью, причем во всех этих случаях строители использовали общую единицу измерения — римский фут в одиннадцать с половиной дюймов (29,3 см). Если пользоваться этой мерой длины, длина домов в Фюркате составляла 96 футов, в Треллеборге внутренние строения достигали 100, а в Аггерсборге — 110 футов. Точность планировки можно доказать с разных точек зрения, включая тот факт, что внутренний диаметр круглого вала в Треллеборге точно совпадает (234 римских фута) с расстоянием от центра круга до ближайших торцов внешних строений. Должно быть, строители обладали чрезвычайно высоко развитыми землемерными технологиями, которые, видимо, принадлежат к миру Рима, а не Темных веков.

Сходство этих лагерей предполагает, что все они были построены в одно и то же время и с одинаковой целью. Обнаруженные там предметы указывают на период примерно с 950 по 1050 г., но, как и со всеми археологическими материалами, уточнения этой датировки ожидать не следует. Такое впечатление, что эти лагеря были предназначены как для жизни внутри них, так и для защиты от неприятеля, и вполне возможно, что они служили казармами. По свидетельству рунических камней в некоторых частях Скандинавии, в конце X—XI веках датские короли использовали наемников из отдаленных районов, и нельзя исключить, что лагеря такого рода обеспечивали проживание воинов до начала военных кампаний. Единственная проблема состоит в том, что на их территории нашли относительно мало

оружия. Действительно, Треллеборг — это единственное место, где было много находок на территории как лагеря, так и кладбища, но из оружия там откопали только семь топоров, два наконечника копий, шестьдесят шесть наконечников стрел и фрагменты, по крайней мере, двух щитов. Бросается в глаза отсутствие мечей. Тем не менее гипотезу о том, что эти лагеря служили казармами, можно принять до дальнейшей проверки. В них, безусловно, могло разместиться большое количество людей. Подсчитано, что в каждом из домов Фюрката могло спать примерно пятьдесят человек, а это означает, что во всем лагере могло жить в общей сложности около 800 воинов. Примерное количество людей, которые могли бы поместиться в Треллеборге, еще больше — порядка 1200, а в Аггерсборге оно по-настоящему велико — возможно, до 3000 человек. Мы вправе усомниться в том, находилось ли когда-нибудь в этих лагерях столько людей одновременно, но даже если количество их обитателей было в четыре раза меньше того, на которое они, видимо, рассчитывались, все равно эти цифры очень значительны для того времени, и вполне возможно, что воспоминание об этих лагерях легло в основу «Саги о Йомсвикингах» (XIII век), повествующей о воинском братстве, которое жило в крепости, подчиняясь очень строгой дисциплине.

Принято считать, что эти лагеря были созданы для подготовки нападений на Англию, но для этого нет веских археологических оснований²⁷. Находки могут указывать лишь на то, что лагеря были населены в течение некоторого времени между 950 и 1050 гг. Скорее всего, на их основе нельзя доказать, что лагеря построили раньше конца X века. Найденный в Треллеборге в отверстии от столба неизвестного назначения полубрактит второй половины X века из Хедебю, является не слишком-то убедительным свидетельст-

вом в пользу достаточно ранней нижней границы заселения этого пункта. Обнаруженные там к настоящему времени предметы ни в коей мере не противоречат тому, чтобы датировать эти лагеря XI веком. Мнение о том, что их возраст старше, строится на ошибочном представлении о возможности точно датировать их с помощью найденного там материала, и можно заподозрить, что могучей движущей силой здесь служит стремление связать эти археологические находки с тем, что известно из исторических источников. На самом деле привязка этих лагерей к нападениям на Англию является хорошим примером бездоказательной ассоциации, о которой уже упоминалось в общих рассуждениях об археологических данных²⁸. Лагеря эти могли быть современны Этельреду, но с таким же успехом они могли принадлежать к временам Кнута. До тех пор пока последнюю возможность полностью исключить нельзя, лучше не считать эти лагеря свидетельством о размере или способе организации армий, нападавших на Англию.

В действительности есть веские основания думать, что эти лагеря были сооружены уже после завоевания Англии Кнутом, а не до того. Прежде всего нет причин считать, что у правителей X века было больше возможностей для их строительства, чем у их преемников в XI веке. Если такие лагеря мог соорудить Свен Вилобородый, то мог это сделать и его сын Кнут. И правда, Кнут мог черпать средства из богатств Англии, а о его сыне Хартакнута «Англосаксонская хроника» ясно говорит, что он без колебаний прибег к ним, чтобы заплатить своим воинам. Если бы эти лагеря были построены в X веке и использовались для временного размещения армий, атаковавших Англию в правление Этельреда, то едва ли они в итоге остались бы потом без употребления. Завоевание Англии не принесло Скан-

динавии мира, не означало оно и прекращения попыток датчан вторгнуться в Англию. Маловероятно, чтобы Кнут и его преемники отказались от таких вспомогательных средств, если бы те хорошо себя зарекомендовали. Таким образом, в XI веке, возможно, до момента убийства Кнута* в 1086 г., когда он готовил вторжение в Англию, к которому норманны, по-видимому, относились очень серьезно, потребность в таких лагерях едва ли могла уменьшиться. Однако одна из примечательных особенностей этих лагерей состоит в том, что дома не несут на себе никаких следов починки или перестройки, но трудно поверить, чтобы им не потребовался серьезный ремонт, если бы они простояли шестьдесят или семьдесят лет. Разумно предположить, что дома, построенные в этих лагерях, могли прослужить двадцать или тридцать лет, не нуждаясь в особой заботе, но если лагерь использовались, хотя бы и с перебоями, в течение более длительного срока, неизбежно должна была возникнуть нужда в каких-то восстановительных работах. Отсутствие следов таких работ должно означать, что в действительности эти лагерь просуществовали лишь около тридцати лет, а это в свою очередь предполагает, что либо они перестали быть полезными, и в этом случае уделяемое им внимание достойно лучшего применения, либо они были построены уже после завоевания Англии.

Один из главных вопросов в связи с этими лагерями заключается в том, где скандинавы могли научиться совершенным и точным землемерным методам, использованным при их строительстве. Существует множество спекуляций по этой теме, но удовлетвори-

* Кнут II — датский король, правил в 1080–1086 гг. Убит мятежным народом в церкви за то, что ввел постоянный церковный налог. — *Прим. ред.*

тельного ответа так и не было предложено; однако применение римского фута указывает на Средиземноморье, и некоторые ученые даже рассматривают возможность византийского влияния. Имеются некоторые сведения о контактах между Скандинавией и Византийской империей в конце X века, и похоже, что в XI веке эти связи стали еще крепче. Именно в это время скандинавы служили в варяжской гвардии, и как раз в середине XI века облик датских монет свидетельствует о византийском влиянии. Конечно, сами рассуждения об источнике этих землемерных методов ничего не доказывают, кроме разве что мастерства ученых, но в этих поисках не стоит забывать о том, что, став английским королем, Кнут побывал в Италии.

Когда бы ни были построены лагеря, с Англией их связывало очень немного. Их расположение наводит на мысль, что они равным образом могли служить для войн как с Англией, так и с Норвегией, и в этой связи стоит подчеркнуть, что нападению именно на последнюю страну посвящена «*Jomsvikinga Saga*» («Сага о Йомсвикингах»). Единственным лагерем, много давшим с точки зрения находок, оказался Треллеборг, но там не было обнаружено ничего, что подтвердило бы его связь с Англией. Раскопанные там вещи обычно принадлежат к типам предметов, использовавшихся на берегах Балтийского моря и в восточной Скандинавии. Если люди, населявшие эти лагеря, когда-то действительно разбогатели в Англии, то отсутствие там английских монет чрезвычайно странно. Короче говоря, с нападениями на Англию эти лагеря ничто не связывает, и нет доказательств даже того, что они вообще существовали в то время, когда англичане избрали Кнута своим королем. Поэтому бессмысленно изучать эти лагеря, чтобы получить сведения о размере армий, сражавшихся на Западе в правление Свена Вилобородого.

Это не означает, что викинги, атаковавшие Англию во времена Этельреда, не были хорошо организованной силой. Они располагали многолетним опытом пиратства и войн в Балтийском море, где в X веке было чем поживиться. При желании пограбить в Англии скандинавскому военачальнику не составляло труда набрать в свой отряд боеспособных и опытных воинов, которые бы хорошо себя зарекомендовали, но, скорее всего, эти вожди не стремились сколачивать отряды крупнее, чем самое большое в несколько сот человек. Только в таких относительно мелких группах викинги сохраняли свои главные преимущества — подвижность и внезапность. Чем больше число участников набега, тем меньше доля каждого из них, а для того, чтобы достичь тех результатов, на которые сетуют их современники, нужны в многотысячных армиях, безусловно, не было. Все это и даже больше того было вполне по плечу отрядам из нескольких сотен человек, конных, хорошо вооруженных и настроенных решительно.

Даже если сделать необходимые скидки на преувеличения, встречающиеся у современников, нет сомнения, что в IX и XI веках викинги нанесли серьезный ущерб. Безусловно, они грабили, ломали и уничтожали церкви, разоряли города и убивали множество людей. Особенно пострадали именно церкви, не потому, что нападавшие ненавидели христианство, а лишь по той причине, что в монастырях и церквях Западной Европы они нашли столь желанную для себя и часто легкодоступную добычу, причем в значительном количестве. Иногда они соглашались не причинять вреда церкви, по крайней мере на какое-то время, в обмен на то, что мы сегодня назвали бы «платой за спокойствие», но если никакого выкупа не предлагалось, они брали его сами. Иногда, чтобы избежать их посещений, целые монастырские общины снимались с насиженных мест

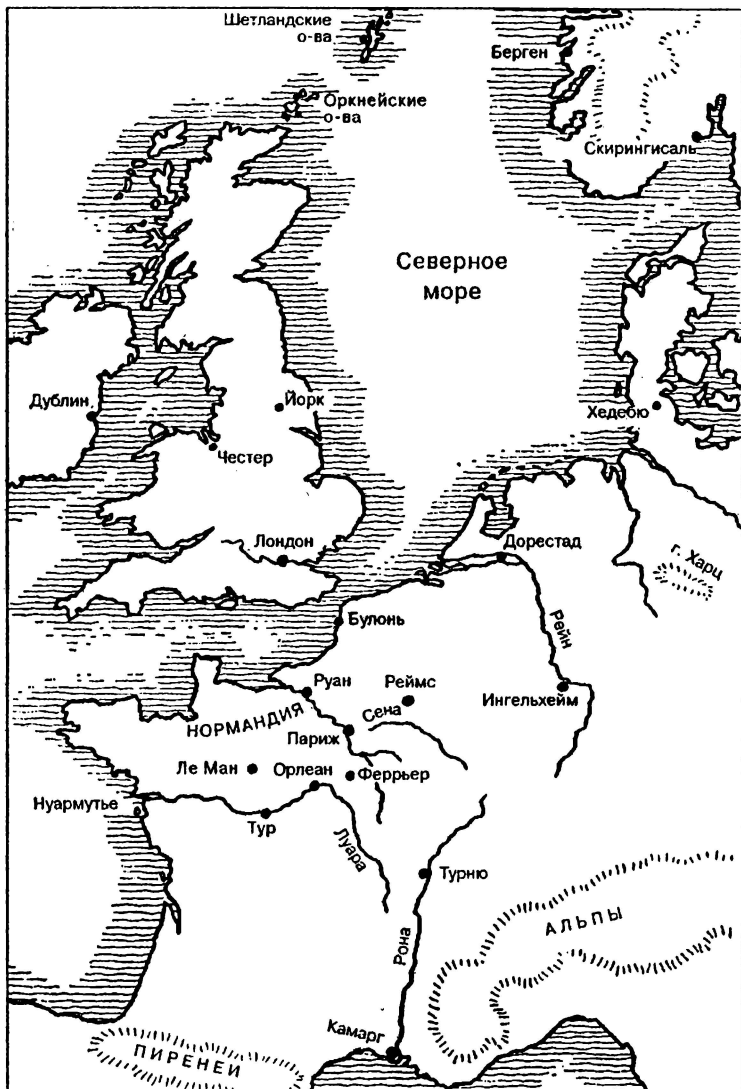

Рис. 7. Карта Западной Европы

и пускались в бегство, захватив с собой святыни и сокровища. Многие возвращались, когда опасность ослабевала, но некоторые переселения оказывались окончательными. Наибольшую известность получило перемещение монастыря Сен-Филибер, монахи которого, покинув свой остров Нуармутье, где стало небезопасно, в конце концов обрели пристанище в бургундском городе Турню²⁹. Разбойники, безусловно, вызвали ужас, и возможно, некоторые люди не без причины взывали к Богу: «И от ярости скандинавов избави нас, Господи»³⁰.

Очень сложно высчитать, насколько велик был фактический ущерб. Можно подозревать, что там, где современники сообщали об уничтожении и полном разрушении, на деле ущерб был небольшим и легко восстанавлимым. Эрментарий, написавший о чудесах и перенесении мощей св. Филиберта, не только оставил бесценное повествование о скитаниях своей общины, но также в ярких красках изобразил тот ужас и опустошения, которые сделали бегство монахов необходимым.

Его описание продолжительных скитаний общины не вызывает вопросов, чего нельзя сказать об его же заявлении, что викинги взяли и уничтожили города Анжер, Тур и Орлеан. Как и монастыри, города, безусловно, притягивали викингов, будучи потенциальным источником добычи, к тому же они нередко бывали плохо защищены, но похоже, что грабеж интересовал викингов больше, чем разрушение ради самого разрушения. Особенно уязвимым для набегов викингов был Дорестада, торговый центр Фрисландии. «Анналы Сен-Бертена» описывают целый ряд нападений на него: в 834 г. он был ограблен, в 835 г. — опустошен, в 836 г. он обезлюдел, а в 837 г. жители этого опустошенного и безлюдного города уплатили дань. Согласно тем же «Анналам», он еще трижды подвергался атакам до 863 г., когда был разрушен окончательно — но не викингами,

а водами Рейна, который изменил свое русло и затопил город. Вполне возможно, что восстановить его помешала угроза со стороны викингов, но ведь погиб-то он все же не от их рук, а это совсем иное дело. Будучи невыгодно расположен с военной точки зрения, Дорестад долгие годы страдал от набегов викингов, но выстоял, и тот факт, что в течение всего IX века франкские монетные дворы продолжали действовать без видимых перебоев, означает, что не он один испытал на себе нападения викингов и уцелел³¹.

Сокровища интересовали викингов гораздо сильнее, чем разрушение, — об этом очень ясно говорит то, что произошло в монастыре Сен-Жермен де Пре в 858 г.³² Подошедший к нему отряд викингов обнаружил, что большая часть монахов бежала вместе с реликвиями, сокровищами, архивами и библиотекой. Утратив надежду на обогащение, они, как сказано, запаслись провизией, убили нескольких сервов, зажгли кладовую и, разочарованные, удалились. Несколько оставшихся в обители монахов вышли из укрытия и с помощью жителей Парижа погасили огонь, угрожавший церкви. Может быть, этот превосходно изложенный случай дает неплохое представление о том, как проходили многие «визиты» викингов. Грабители приходили, требовали дани или захватывали те ценности, которые могли найти, и отступали в свои безопасные островные убежища. На мысль о том, что причиненный ими ущерб был не столь серьезным, как хотели бы убедить нас некоторые писатели того времени, да и многие наши современники, нас наводит составитель «Англосаксонской хроники». Заканчивая в 896 г. свое повествование о войнах западных саксов с прибывшей в 892 г. *micel here* (дословно — большая армия) известием о том, что враг рассеялся, он отметил: «Милостью Божией, *here* в целом не причинила английскому народу больших несчастий; в те-

чение этих трех лет он гораздо серьезнее пострадал от смертности людей и падежа скота и более всего от того, что за эти три года умерли многие из лучших королевских танов*, какие были в этой стране». Хронист не говорит, что они были убиты датчанами, фактически он подразумевает противоположное. Безусловно, те, кто непосредственно пострадал от рук викингов, особенно церковнослужители, думали иначе, но этот отрывок из «Англосаксонской хроники» показывает, что по крайней мере один англичанин, которого глубоко волновала борьба с этим врагом, не считал причиненный им ущерб очень уж большим. Подобное высказывание особенно ценно для времени, когда исторические сведения исходят почти исключительно от людей, стремившихся, часто в резких выражениях, поведать о своих собственных страданиях.

Часто считают, что изучение последствий набегов может подтвердить обвинения самых непримиримых из современных им авторов, продемонстрировав свойственную викингам непреодолимую страсть к разрушению. Поскольку во многих случаях нет никаких свидетельств, способных доказать, что эти предполагаемые последствия лежат на совести одних только викингов, заявления такого рода рискованны и часто оборачиваются заколдованным кругом. Викингов вполне обоснованно можно обвинить в том, что они способствовали падению Каролингской империи и королевства Мерсия, однако то были сложные процессы, поэтому необходимо принимать во внимание и другие факторы. Использовать эти события для того, чтобы обосновать домыслы о бесчеловечности викингов, неправильно. Не менее соблазнительно взвалить на викингов вину за отсутствие в начале X века монастырей в Англии,

* Тан — высшая знать в англосаксонской Англии.— *Прим. ред.*

после чего заявить, что уничтожение викингами английского монашества доказывает именно такую их жестокость, о какой толковали некоторые из их современников. Несомненно, когда Альфред умер, в Англии не было монастырей в том смысле, какой вкладывали в это слово реформаторы X века, но, конечно, нет и свидетельств, способных показать, что ответственность за эту ситуацию несут викинги. Напротив, Ассер в своем жизнеописании Альфреда склоняется к другому объяснению:

«Ибо сначала у него не было благородного или свободного человека из его народа, который по собственному согласию стал бы вести монашескую жизнь,— если не считать детей, которые по причине своего нежного возраста не могли выбирать добро и отвергать зло,— ибо поистине в течение многих лет у всего этого народа совершенно отсутствовало стремление к монашеской жизни, как и у многих других народов, хотя до сих пор существует немало монастырей, основанных на этой земле, но ни один из них не следует правилам этой жизни, не знаю почему; либо по причине нападений чужеземцев, которые очень часто вторгались с суши и моря, либо из-за того, что этот народ был слишком изнежен различными богатствами, которые я более всего склонен считать причиной такого пренебрежения к монашеской жизни»³³.

У общего положения о том, что скандинавы уничтожали монашество, множество местных особенностей. Например, древний монастырь Мач Венлок в Шропшире после нормандского завоевания пришлось основывать заново, а его исчезновение связывается с датским набегом, вероятно, имевшим место в 874 г., когда викинги хозяйничали в этой области³⁴. Достоверность этого объяснения подрывает хартия от 971 г., к счастью, сохранившаяся в списке того же времени, являющаяся доказательством того, что община Мач Венлока тогда все еще существовала³⁵. По всей видимости, в Мач

Венлоке, да и в других местах то, что некогда являлось монастырем, превратилось в общину, жившую по мирским канонам, и это очень хорошо согласуется с тем, о чем пишет Ассер. Примечательнее всего то, что все сведения об уничтожении датчанами английских монастырей в IX веке относятся к гораздо более позднему периоду. Например, единственное упоминание «Англо-саксонской хроники» о подобном разгроме является вставкой XII века³⁶. Свидетельства о набегах периода правления Этельреда выгодно отличаются тем, что мы уже не зависим от единственной хроники и можем составить список монастырей, существовавших в Англии накануне и по окончании этого времени, на основании независимых источников информации. Удивительно, но в результате оказывается, что набеги конца X и начала XI веков, похоже, очень мало повлияли на английские монастыри. По словам одного современного историка английского монашества:

«Датские нападения и вторжения (периода Этельреда), хотя и совершались повсеместно, удивительно мало сказались на материальном благополучии монастырей. Поначалу больше всего страдали обитатели Девоншира; еще в 997 г. был сожжен Тависток, но скоро оправился; однако Экстер и Бедфорд тихо прекратили свое существование между 1000 г. и нормандским завоеванием. В 1011 г. Эльфмер, аббат монастыря Св. Августина был взят датчанами в плен вместе с архиепископом Эльфхи, Годвином, епископом Рочестера, и Леофрюн, аббатисой монастыря Св. Милдред, а в 1016 г. среди павших в битве при Эшингдоне в Эссексе оказался Вульзиг, аббат Рэмси. Однако повсеместного опустошения и разграбления монастырей не было»³⁷.

Имеются сообщения о разрушении датчанами еще несколько обителей, в том числе женского и мужского монастырей в Уорвике, но у нас нет оснований верить,

что эти сведения когда-либо существовали где-то еще, помимо воображения Джона Роуза, поведавшего об их уничтожении, поэтому ими лучше пренебречь³⁸. Незначительность воздействия, которое эти поздние набегии оказали на английские обитатели, наводит на мысль о том, что молчание хрониста об уничтожении монастырей и церковнослужителей в IX веке, связано прежде всего не с его неосведомленностью, а с неспособностью викингов оправдать свою дурную славу на деле.

В качестве свидетельства о разрушениях, вызванных викингами, используется и известная жалоба короля Альфреда на состояние образования в его время. Есть веские основания полагать, что оно находилось не в таком бедственном положении, как утверждал Альфред, и, в любом случае, сам он викингов не обвинял. Напротив, он расценивает их нападения как божью кару, на которую англичане осуждены за свою леность. «Вспомните о каре, павшей на нас, — писал он, — за то, что мы не любили мудрость сами и не позволяли этого другим людям; мы лишь по имени были христианами, но очень немногие обладали христианскими добродетелями». Он сокрушается о том, что «до того, как все было разграблено и сожжено, церкви по всей Англии стояли, полные сокровищ и книг, а также было в них множество служителей Бога. И они извлекли очень мало пользы из этих книг, ибо не могли ничего в них понять, потому что те были написаны не на их родном языке»³⁹. Рост употребления англосаксонского языка подтверждает замечание Альфреда о том, что в его век знание латыни стало редкостью, но викингов он за это не упрекает. Действительно, свидетелями этого процесса являются хартии, написанные задолго до того, как викинги стали серьезной угрозой на юге Англии, и Фрэнк Стентон подчеркнул, что «упадок латинского образования отчетливо виден уже в торжественной хар-

тии, удостоверяющей дар, пожалованный королем Мерсии Сеолвульфом I архиепископу Вульфреду в день его посвящения в 822 году»⁴⁰.

У привычки винить викингов во всем — глубокие корни. Средневековые историки, как и их современные собратья, были склонны видеть в набегах викингов причину гибели монастырей и монашеской дисциплины; и многие упоминания об учиненных ими разрушениях, оставленные в XII и XIII веках, опираются на традиционное, особенно в церковной среде, представление о том, что викинги были бичом христианского мира, а не на память о реальных событиях. Если уж измерять опасность викингов последствиями их деятельности, то важно, чтобы в расчет принимались только те из них, которые можно доказать. Заявления, построенные на гипотетических или воображаемых последствиях, способны лишь вводить в заблуждение. Когда речь идет об Англии, представляется, что ни упадок образования, ни крушение монастырского устава не имели к викингам особого отношения. Однако на континенте исчезновение монастырей на территории будущей Нормандии было, по всей вероятности, прямым следствием деятельности викингов, хотя не следует считать, что даже и там уход со сцены некоего монастыря означает его физическое уничтожение. Для некоторых общин одной угрозы нападения было достаточно для того, чтобы пуститься в бегство, а у других, в той же самой ситуации, могло просто не быть такой возможности. В качестве доказательства того, что викинги вызвали «сбои» в церковной жизни, приводятся лакуны в списках епископов, имевшие место как в Англии, так и в Нормандии⁴¹. Конечно, эти пустоты не означают, что какие-то епископы просто были убиты. Разумеется, некоторые из них погибали от рук викингов, причем кое-кто — на поле битвы, но на их место выбирали других. Как и в случае перемещения

монастырей, прерывистость череды епископов означает, что они часто обращались в бегство. Не все представители духовенства покидали свою паству — например, архиепископы Йорка остались и сумели найти общий язык со скандинавскими правителями их города, но многие, по-видимому, поступали иначе. К бегству их побуждали не столько сами нападения, сколько возникновение скандинавских поселений. Таким образом, нарушение в преемственности епископов и упадок монашества в Нормандии следует считать следствиями именно скандинавской колонизации.

Если смотреть на викингов прежде всего как на агрессоров, идет ли речь о таких источниках, как «Англосаксонская хроника», или о современных исследованиях этого периода, мы рискуем прийти к печальному результату — забыть о том, что викинги пришли в мир, который и без того был раздираем враждой. И правда, некоторые ученые заходят так далеко, что заявляют — несмотря на упоминания источников о войнах и битвах, что до прихода викингов Западная Европа была относительно мирной. Крайней выразительницей этого взгляда является мисс Франсуаз Анри⁴²:

«Около сотни лет, предшествовавших вторжению викингов в Ирландию... по-видимому, были периодом относительного мира. Анналы говорят о „войнах“, но то были лишь набеги за скотом или стычки между отдельными вождями, не причинявшие большого ущерба и беспокойства никому, кроме тех, кто был непосредственно ими затронут. Похоже, что наложенный Церковью запрет на пиратские экспедиции, которые были основным занятием языческих королей, глубоко повлиял на жизнь страны».

Когда же появились викинги, они принесли с собой «стремительный и ужасающий разгром». Это весьма субъективная трактовка анналов, которую трудно чем-

либо подкрепить. Если между изначально присущей христианскому Западу жестокостью и всем тем, что принесли с собой викинги, существует какая-то разница, то только в том, кто именно оказывался «непосредственно затронутым». Как правило, если не всегда, англичане, франки и ирландцы в ходе своих войн относились к Церкви с уважением; викинги смотрели на храмы как на основной источник своего обогащения. Войны между христианами летописи описывают с точки зрения королей и других военачальников, принимавших в них участие, а об убийстве людей и уничтожении собственности речь идет редко. Время от времени в них проглядывают откровенные намеки на неприглядность истинного положения вещей, как, например, в записи «Англосаксонской хроники» за 1006 г.: «Несмотря на все это датская *here* разгуливала, где хотела, а английский *fyrd* причинял людям страны всевозможный вред, так что им не было пользы ни от собственной *here*, ни от чужеземной». Летописец употребил здесь слово *here* и для английских, и для датских воинств, хотя обычно этим термином обозначали только врага. Получается, что викинги принесли с собой мало новых неприятностей, и некоторые даже были готовы приветствовать их как союзников. Племянник Альфреда перебежал к датчанам, которые приняли его как своего короля⁴³, да и членам франкской королевской семьи случалось переходить с одной стороны на другую⁴⁴. Если в 878 г. даже некоторые западные саксы были готовы сдаться датчанам, то, должно быть, для жителей Восточной Англии и других областей, пострадавших от господства мерсийцев, они выглядели еще более привлекательными. Если не считать служителей Церкви, в глазах большинства людей викинги были не более чем осложнением, причем для некоторых — желательным.

7

КОЛОНИИ

В последней четверти IX века «Англосаксонская хроника» сообщает о том, что в Нортумбрии, Мерсии и Восточной Англии поселились две группы скандинавских завоевателей. В 865 г. прибыл отряд, называемый летописцем *micel here*, который вел военные действия в течение десяти лет, пока не начал находить себе новые места для постоянного жительства. В 876 г. скандинавы, находившиеся под началом Хальфдана, «отторгли землю у жителей Нортумбрии и начали пахать и кормить себя». В следующем году другой отряд, очевидно из той же самой *micel here*, «ушел в Мерсию и завладел некоторой ее частью», а в самом начале 878 г. остатки этой армии «пошли прямо в Чиппенхем, и заняли земли западных саксов, и поселились там, и изгнали изрядную часть тамошних жителей за море, а большинство прочих подчинили себе; и народ покорился им, кроме короля Альфреда». Весной того же года и в начале лета Альфред привлек на свою сторону западных саксов, и завоеватели потерпели поражение в битве при Эдингтоне. Вынужденные покинуть свои новые дома, они отступили в Сиренчестер, где оставались в течение года, а затем в 880 г. «отправились из Сиренчестера в Восточную Англию, где осели и завладели землей». В течение последую-

щих десяти лет летописцу почти нечего сказать как об этих поселенцах, так и о новых бандах грабителей; его основное внимание приковано к перемещениям другой скандинавской *here* на землях к югу от Ламанша. В 879 и 885 гг. эта *here* нанесла два непродолжительных визита в Англию, но только в 892 г. она переправилась из Булони со своими главными силами и осталась там. В течение следующих четырех лет Альфред сражался с этими захватчиками, и его усилия увенчались успехом, когда летом 896 г. «датская *here* разделилась, и одна ее часть направилась в Восточную Англию, а другая — в Нортумбрию; а те, у кого не было денег, достали себе корабли и поплыли на юг через море к Сене».

Спустя немалое время после того, как эти поселенцы обрели новую родину на севере и востоке Англии, они снова стали беспокоить жителей западной Мерсии и Уэссекса. Появление колоний не означало, что завоеватели отказались от своих воинственных намерений, и они по-прежнему пускались в грабительские экспедиции на юг и запад. В этом нет ничего удивительного; ведь еще до прихода викингов сами англичане вели себя точно так же по отношению к своим соотечественникам. Не вызывает удивления и реакция западно-саксонского хрониста, который продолжает говорить о поселенцах как о *here*, или, точнее, во множественном числе, *hergas*, что было бы ошибочным переводить как «армия» или «армии». Эти датчане, завладевшие значительной частью Англии, время от времени появлялись в английской Мерсии или Уэссексе в виде разбойничьих шаяк, а в глазах летописца *here*, состоявшая из грабителей без постоянного места обитания, наверное, не слишком отличалась от группы оседлых злоумышленников. Итак, в 896 г. хронист сообщает, что «*hergas* из Восточной Англии и Нортумбрии сильно потревожили земли вдоль южного

Рис. 8. Карта Британских островов

побережья Уэссекса: то были банды мародеров, а больше всего — боевые корабли, которые они построили за много лет до этого». Именно эта угроза вынудила Альфреда попытаться обеспечить определенную защиту, построив флот. Грабители приходили и по суше. Например, в 903 г. викинги из *here* Восточной Англии решились «нарушить мир, так что они опустошили всю Мерсию, пока не достигли Криклэйда. И они переправились через Темзу и вывезли все, что им удалось захватить в Брэйдоне и его окрестностях, а потом повернули домой». Лучшим ответом на подобные нападения была система крепостей, созданная Альфредом и его наследниками. Они укрепили многие населенные пункты рвами и валами, возможно, с частоколами наверху, и возложили ответственность за пополнение личного состава и содержание этих оборонительных сооружений на местное население. Некоторые из этих «бургов» представляли собой уже вполне признанные центры, прочие же, по-видимому, были лишь недавно определены как места, подходящие для строительства фортов. Обычно эти укрепления были достаточно прочными для того, чтобы защитить жителей и их имущество от разбойничьих банд, которые для достижения успеха больше полагались на скорость и неожиданность, чем на перевес в силе. Так, в 917 г. налетчики, отправившиеся в Бедфорд, были обращены в бегство защитниками этого города, и в том же году более крупная *here* подошла к недавно сооруженному форту или бургу «в *Вигингамере* и осадила, и в течение дня долго атаквала его, и захватила скот в его округе; но тем не менее люди, находившиеся в бурге, защитили его», и неприятелю пришлось отступить.

Под защитой таких укреплений можно было подготавливать контратаки, и вскоре бурги стали использоваться как базы для наступательных операций. Расшире-

ние власти западно-саксонских королей в значительной степени зависело от распространения системы этих бургов, которая год от года все глубже и глубже проникала на территории, находившиеся в руках датчан. Сведения хроники позволяют изучить то, как дети Альфреда, Эдуард Старший, король Эссекса, и Этельфледа, владычица Мерсии, сотрудничали в строительстве цепи таких фортов через всю Англию¹. Контратаки стали возможными именно благодаря их надежности, и на датских землях начали появляться новые крепости, наподобие *Вигингамера*, упомянутого в записи за 917 г., а к 920 г. Эдуард уже был признан верховным правителем в большей части южной Англии. К северу от Хамбера ситуация была более неоднозначной. Коренные жители Нортумбрии, похоже, не испытывали никакого желания признавать владычество южанина, и при помощи скандинавских союзников, которыми руководил ряд скандинавских королей, они начали яростную борьбу, продолжавшуюся до 954 г., когда был свергнут последний из королей Йорка, Эйрик Кровавая Секира, а Нортумбрия впервые вошла в состав единого королевства Англия².

Рассказ западно-саксонского хрониста о скандинавских колониях в Англии не может похвастаться особыми подробностями. Для автора датские поселенцы являлись врагами, а его задача состояла в том, чтобы поведать об усилиях, предпринимавшихся против них Альфредом, Эдуардом и Этельфледой. Его повествование явно необъективно, и нет нужды говорить о необходимости делать поправку на его предубежденность. Однако никакие поправки не в состоянии восполнить недостатки его рассказа о самих поселениях. К счастью, изучение топонимов позволяет очень точно определить зону, заселенную скандинавами. Оно же вскрывает факт притока скандинавских иммигрантов

на северо-запад Англии, о чем хронист не упоминает³. Таким образом, его рассказ о колониях не только односторонен, но еще и неполон, а это означает, что сообщаемая им информация о датских поселениях также может быть недостаточной. Есть большая вероятность того, что через три-четыре десятилетия после возникновения первых колоний в 876–880 гг. к первым поселенцам присоединились другие. Хронист мог бы заметить их только в том случае, если бы сначала они наведались в Уэссекс и западную Мерсию, как *here* 892–896 гг. Датчан, которые поселялись среди своих соплеменников, не сражаясь перед этим с англичанами, летописец, скорее всего, должен был оставить без внимания, точно так же как он проигнорировал поселенцев северо-запада или вовсе о них не знал. Даже если вновь прибывшие принимали участие в грабительских экспедициях своих соплеменников, которые они вели против англичан, то жертвы едва ли могли отличить одних от других: для англичан все датчане были одинаковы. Тот факт, что хронист упоминает лишь о двух группах колонистов, не дает оснований полагать, что все скандинавское влияние в восточной Англии стоит относить за счет завоевателей 865 и 892 гг.

Определять области, заселенные и управлявшиеся скандинавами, приходится, в основном судя по тому влиянию, которое они оказали на топонимы и административную терминологию севера и востока Англии, но в договоре между Альфредом и Гутрумом, заключенном, вероятно, к 886 г., увековечена одна из границ этих территорий, причем вполне отчетливая. В нем говорится о том, что рубеж между двумя королевствами проходил «вверх по реке Темзе до реки Ли, затем вверх по Ли до ее истока, а после того прямо к Бедфорду, а затем вверх по Узу до Уотлинг Стрит»⁴. Кажется ве-

роятным, что Уотлинг Стрит обозначал собой границу на протяжении приблизительно 50 миль, хотя о длине этого участка в договоре ничего не сообщается, может быть, потому, что в то время он лежал далеко за пределами королевства Альфреда. Территория к северу и востоку от этой линии впоследствии стала называться Денло (Область датского права)⁵. Впервые это слово появляется в XI веке и используется для обозначения той части страны, где преобладали датские законы в отличие от областей английского права, которые также были поделены между мерсийской и западно-саксонской правовыми системами. Так, например, согласно одному из юридических кодексов Этельреда, в районах, подчинявшихся английскому законодательству, для того чтобы снять обвинение в заговоре против жизни короля, использовалась весьма торжественная клятва или трехступенчатый Божий суд, а в областях датского права, *on Dena lage*, — способы, предусмотренные их законами⁶. Эти три закона проясняются только в позднейших текстах, в соответствии с которыми Денло состояла из пятнадцати графств от Эссекса, Мидлсекса и Бэкингемшира на юге до Йоркшира на севере. Однако похоже, что такая характеристика Денло в большей степени связана с ошибочным пониманием границы, упоминаемой в договоре между Альфредом и Гутрумом, чем с воспоминанием об истинной территории, подчинявшейся датскому праву.

Определить точные размеры Денло в XI веке невозможно, но нет сомнения в том, что она охватывала значительную область на севере и востоке Англии, и, вероятно, более всего о ее протяженности может повествовать административная терминология. Если законодательство в Денло было сугубо датским, хотя от него сохранилось очень немного, то можно ожидать, что именно на этой территории существовали датские суды.

Действительно, в графствах Линкольн, Ноттингем, Дерби, Лестер и в северном и западном райдингах Йоркшира местные административные округа назывались «*warentake*», слово скандинавского происхождения, образованное от древнескандинавского *varnatac*, что означает размахивание оружием на собрании⁷. В середине X века оно приходит в староанглийский в форме *waerentac*, в качестве названия административной единицы с судом. Один из ранних кодексов Этельреда, в котором, по всей видимости, изложены процедуры, относящиеся к областям датского права, включает следующую статью: «И в каждом *waerentac* должен существовать суд, и двенадцать старших танов вместе с главным королевским представителем должны выйти и принести клятву на мощах, которые даются им в руки, что не обвинят безвинного и не станут защищать преступника»⁸. Эквивалентом *waerentac* в английских областях служила «сотня», и, как отметил Фрэнк Стентон; «по-видимому, функционального различия между судами в *waerentac* и сотнях не существовало»⁹. Отличалась лишь терминология, а в некоторых областях она не выглядит устоявшейся. Кадастровый список 1086 г., «Книга Страшного суда», делит восточный райдинг Йоркшира на сотни, но одна из них также называется *waerentac*; в Нортamptonшире есть административная единица, которая именуется то *waerentac*, то сотней.

В топонимии и административной терминологии южных графств Денло не так много специфически скандинавских черт, как утверждалось в XII веке, и включение в список таких областей, как Мидлсекс, Хертфордшир и Бэкингемшир, вероятно, было следствием ошибки в интерпретации договора между Альфредом и Гутрумом. Граница, о которой они договорились, достигала Уотлинг Стрит только на р. Уз в Бедфордшире; похоже, более поздние описания Денло предпо-

лагают, что граница Уолтинг Стрит проходила на уровне Лондона. Действительно, в одном из таких текстов, «Законе Эдуарда Исповедника», утверждается, что южная часть Области датского права охватывала Нортamptonшир до Уолтинг Стрит и еще восемь графств за Уолтинг Стрит¹⁰. Естественно, по своему размеру эта область, то есть территория, на которой правосудие осуществлялось преимущественно датской аристократией, как правило, не ограничивалась районами с плотным датским населением. Как отмечает Фрэнк Стентон: «Преобладание датского обычного права в том или ином районе не означает того, что он был насильственно колонизирован датскими поселенцами. С точки зрения придания датской окраски правовой системе графства приход к власти датской аристократии, контролировавшей деятельность местных судов, едва ли имел меньшее значение, чем прибытие на поселение целой армии»¹¹. Однако, помимо этих описаний Денло, мы не располагаем свидетельствами, позволяющими предположить, что нормы обычного права, которых придерживались суды Мидлсекса, Бэкингемшира, Хертфордшира и Бедфордшира, когда-либо были датскими или что в этих графствах некогда имелась скандинавская аристократия, и потому, заботясь об истине, их необходимо исключить из списка территорий, входивших в Денло.

Сердцем Денло были районы между Велландом и Тисом, где скандинавское население было наиболее плотным, — Лестершир, Линкольншир, Ноттингемшир и Йоркшир. Возможно, что кое-где за пределами этой области скандинавы или лица скандинавского происхождения правили еще долгое время после того, как признали западно-саксонское владычество. Неудивительно, что в этой области сохранилось несколько скандинавских юридических терминов; но ошибочно утверждение о том, что самое южное проявление этого сканди-

навского влияния связано с аббатством в Питерборо, где в акте X века поручители при передаче земель называются скандинавским термином *festermen*¹². По мнению Фрэнка Стентона, это доказывает, что «даже на юге Денло передача земли осуществлялась в соответствии со скандинавской практикой»¹³. Очень вероятно, что Питерборо находился вблизи южных пределов собственно Денло, поскольку недалеко от него проходит южная граница Линкольшира; однако куда менее очевидно то, насколько скандинавской была эта система поручительства. О переуступке земель англосаксонские законы говорят чрезвычайно мало, но зато содержат изрядное количество свидетельств о поручительстве при купле-продаже; поэтому, как и в случае со многими другими отчетливо скандинавскими особенностями Денло, включая *waepentac*, использование слова *festermen* вполне может говорить о терминологическом, а не смысловом различии.

К счастью, изучение топонимов¹⁴ позволяет гораздо более четко определить области скандинавской колонизации, столь грубо и неточно описанные составителем «Англосаксонской хроники». Скандинавы принесли с собой весьма характерный набор личных имен и слов, которые они употребляли для обозначения хуторов и деревень, а также таких особенностей ландшафта, как холмы, реки, леса и поля. В то время как англичанин назвал бы хутор или деревню *tun*, скандинавы употребляли свое собственное слово *by* с точно таким же значением. Названия Стэнтон и Стэйнби означают, в сущности, одно и то же, но первое слово английское, а второе — скандинавское. В случаях, когда скандинавы пользовались своими личными именами, контраст иногда оказывается еще более разительным, как, например, между Эйсмундерби в Йоркшире, «*by* Асмунда», и Осмондистоном в Норфолке, «*tun* Осмунда». Исполь-

зую топонимический материал при изучении скандинавских колоний, очень важно признавать, что названия населенных пунктов, то есть хуторов и деревень, даются им не теми людьми, которые в них живут, а их соседями. Люди, живущие, скажем, в Эйсмундербби, между собой, скорее всего, будут называть его просто *бу*, тогда как жители его окрестностей будут говорить о нем как о «*бу* Асмунда», в отличие от других сел. Тем самым они не просто указывали, что некая конкретная деревня была когда-то названа в честь Асмунда, ее вероятного основателя или владельца, но еще и демонстрировали использование слова *бу* для обозначения населенного пункта. Название вроде Инглби, которое вполне могло означать «деревню или хутор англичан», предполагает, что быть англичанином являлось чем-то самим по себе нехарактерным, и это предположение хорошо согласуется с тем, что люди, давшие этому поселению такое наименование, использовали при этом скандинавский элемент *бу*¹⁵. Однако факт употребления слова *бу* не означает, что эти люди были скандинавами или имели скандинавское происхождение. Это можно очень отчетливо увидеть по таким названиям, как Денби или Данби, которые означают *бу* (деревню) датчан или датчанина. Они свидетельствуют о том, что в этом случае на общем фоне выделялись датчане; как сказал д-р Камерон по поводу примера, относящегося к Дербиширу: «Денби... должно быть, принадлежал к району, для которого датское население было нехарактерным»¹⁶. И верно, наименования Денби и Данби встречаются вдалеке от мест основной концентрации скандинавских названий, и хотя они явно указывают на наличие какого-то скандинавского населения, последнее, скорее всего, не было слишком плотным, особенно если это слово надо понимать как «деревня (*бу*) датчанина», а не «*бу* датчан». Тем не менее окружающее

недатское и, уж конечно, нескандинавское население употребляло слово *by*. Фактически последнее перешло в английский, и было одинаково в ходу и у англичан, и у скандинавов, причем наиболее показательным его пережитком является слово «*by-law*», или закон деревни. В таком случае использование этого слова не является гарантией того, что произносившие его люди имели скандинавское происхождение, а приблизительно 700 английских названий, включающих элемент *by*, без сомнения, доказывают важность скандинавского влияния на английскую терминологию.

Это воздействие не ограничивалось единственным элементом. Существует много других характерно скандинавских названий топографических объектов, например, *thorp* — так обычно именуется вторичное поселение, и это слово используется как само по себе, так и в составе названий вроде Ньюторпа в Ноттингемшире и Йоркшире или Данторпа в восточном райдинге — это название напоминает Данби. Есть и другие скандинавские элементы — *both*, «палатка, или временное укрытие», как, например в слове Бутби или Узбут; *lundr*, «небольшой лес, роща», пример тому — название Лаунд, которое встречается в Линкольншире, Ноттингемшире, а также в Саффолке или Тоузланде, что в Хантингдоншире; *bekkr*, «река, ручей», как в Калдбеке или Уитбеке в Кумберленде. В английских названиях присутствует множество скандинавских элементов, но наиболее характерны и часто встречаются *by* и *thorp*. Скандинавы не только принесли с собой свои имена и слова, обозначающие топографические объекты; у них было еще и характерное произношение, и оно также оставило свой отпечаток. Например, в то время, как и сейчас, англичане произносили название Шиптон, «овечья деревня или хутор», с мягким начальным [ш]. В Йоркшире под скандинавским влиянием это слово стало

произноситься как Скиптон. Такая же перемена произошла в Ноттингемшире с названием *Scirgerefantun*, «*tun* шерифа», которое превратилось в Скреветон, вместо того чтобы обрести форму Шрутона как в Уилтшире. Подобным же образом пришельцы видоизменили многие другие английские названия.

Изучение скандинавского влияния на названия топографических объектов может принести большую пользу для установления областей скандинавской колонизации, к тому же с его помощью иногда можно определить, откуда пришли поселенцы. Некоторые названия и слова носят отчетливо датский или норвежский характер. Так, например, в эпоху викингов слово *thorp* в Норвегии не употреблялось, и его распространение в Англии свидетельствует о датском влиянии; напротив, слово *slakki*, «маленькая долина, углубление в земле», было принесено норвежцами. Точно так же и некоторые личные имена были явно датскими или норвежскими. Не все имена и слова можно распознать как датские и норвежские, имелась и значительная общая составляющая, но все же вполне заметные отличия позволяют доказать, что большинство поселенцев в восточных частях Англии происходили из Дании, в то время как северо-запад страны колонизировали главным образом выходцы из Норвегии. Названия этой северо-западной группы отличаются еще и другими особенностями, показывающими, что поселенцы прибыли из областей, населенных кельтами. В этой области кельтские имена иногда сочетаются со скандинавскими элементами, а в некоторых названиях, несмотря на то что все их элементы скандинавские, характерно кельтским является способ словообразования. В них определяющий элемент стоит вторым, в то время как в германских языках он должен быть первым. Примером такой инверсии в сложных словах могут служить Бриг-

стир в Вестморланде, «мост Стира», и Аспатрия в Кумберленде, «яшень Патрика»¹⁷.

Скандинавское влияние на английскую топографическую терминологию не прекращалось еще долгое время после того, как возникли первые колонии, не только за счет изменения произношения, но еще и благодаря образованию новых поселений, которым давались скандинавские названия. Разумеется, постоянство в использовании скандинавских личных имен и слов, обозначающих топографические объекты, показывает, насколько стойким было скандинавское влияние, но в результате становится очень сложно установить территории самых первых колоний. Самым ранним свидетельством об английских топонимах является «Книга Страшного суда», кадастровая опись, составленная в 1086 г., в которой перечислены названия большинства населенных пунктов, существовавших в Англии той эпохи. Эта книга достойна внимания, но нельзя забывать о том, что от первых датских поселений ее отделяет примерно 200 лет. За это время английские названия могли многократно испытать на себе скандинавское влияние, но кроме того возникло немало новых колоний, и некоторым из них были присвоены скандинавские имена. Этот процесс образования названий можно отчетливо проследить с помощью «Книги Страшного суда», в которой, как представляется, не менее тридцати объектов было названо по имени своих очень недавних владельцев или арендаторов¹⁸. Так, например, в 1065 г. некий *Blaestmann* владел имением в Кенте, которое в 1086 г., безусловно, в его честь было названо *Blackemenestone*, нынешний Блэкменстон. Некоторые другие названия, образовавшиеся в то время, были скандинавскими, например, Ормсби в северном райдинге Йоркшира, названный, видимо, по имени своего держателя, которого звали *Ormr*, жившего здесь после

нормандского завоевания. Тот же процесс продолжался и потом, и, хотя неверно было бы предположить, что все 150 названий на *by*, упоминание о которых относится ко времени после «Книги Страшного суда», действительно появились уже после покорения Англии, некоторые из них, безусловно, возникли достаточно поздно, включая Бэггаби в восточном райдинге Йоркшира — в честь Бэгота, владевшего им после 1066 г. Раз скандинавские названия появлялись и после нормандского завоевания, кажется вероятным, что точно так же они образовывались в X и XI веках, и что скандинавское влияние, которое можно проследить с помощью «Книги Страшного суда», является итогом долгого и неуклонного процесса колонизации и присвоения названий населенным пунктам. Пока продолжали образовываться новые поселения и для их обозначения использовались скандинавские личные имена и слова, скандинавское влияние на английские топонимы росло.

Едва ли можно ставить под вопрос тот факт, что в X и XI веках возникали новые колонии. Об этом говорит повсеместное использование элемента *thorp*, означающего вторичное поселение, выселки. Многочисленность названий на *thorp* в «Книге Страшного суда» наводит на мысль, что за прошедшие два века область колонизации значительно расширилась¹⁹. Не все новые колонии X и XI веков назывались *thorp*; несомненно, использовались и другие скандинавские слова, включая и самое распространенное из них — *by*. Это слово фактически стало общеупотребительным, и его вполне могли использовать как англичане, так и носители скандинавского языка²⁰. Количество наименований на *by* еще выросло за счет перевода таких элементов, как *tun*, а в некоторых случаях можно выявить видоизменение и других элементов, как, например, это произошло с названием Рагби в Уорвикшире, которое в «Книге

Страшного суда» значилось как *Rocheberie*, то есть «*burh* Хрока», а к концу XII века превращается в *Rokebi*. Этот характерно «скандинавский» топонимический элемент вошел в английский язык, и некоторые названия на *by* в «Книге Страшного суда», безусловно, представляют собой позднейшие образования или трансформацию.

Скандинавы, несомненно, оставили в Англии лингвистический след, но это не значит, что для этого они должны были расселиться по значительной территории и в большом количестве. Датчане и норвежцы, поселившиеся в Англии, придерживались родного наречия, но не потому, что на территории Англии они образовывали компактные и независимые сообщества, а потому, что их язык был во многом схож с английским. В среде филологов, похоже, сложилось единое мнение о том, что языки, на которых в то время говорили датчане и англичане, были достаточно близки для того, чтобы они могли без особого труда общаться друг с другом²¹. Это означает, что новоприбывшие не ощущали такого давления, направленного на отказ от родного языка, какому подвергались их собратья в Нормандии. Потомки скандинавов, осевших в Англии, вполне могли и дальше говорить на своем собственном языке в течение достаточно долгого времени, и в результате английский обогатился многими словами из их речи. Некоторые из них, например диалектные, оставались лишь в местном употреблении, другие же распространились повсеместно. Слово *by* — это очень хороший пример, но оно стало общеупотребительным лишь в XIII веке, после того как мощная колонизаторская экспансия уже закончилась. Поэтому оно не часто входит в названия поселений вне областей, в которых расселялись скандинавы, что же касается сочетаний вроде *by-law* и *bug-law*, то до конца XIII века они употреблялись вплоть до самого Кента и Девона²².

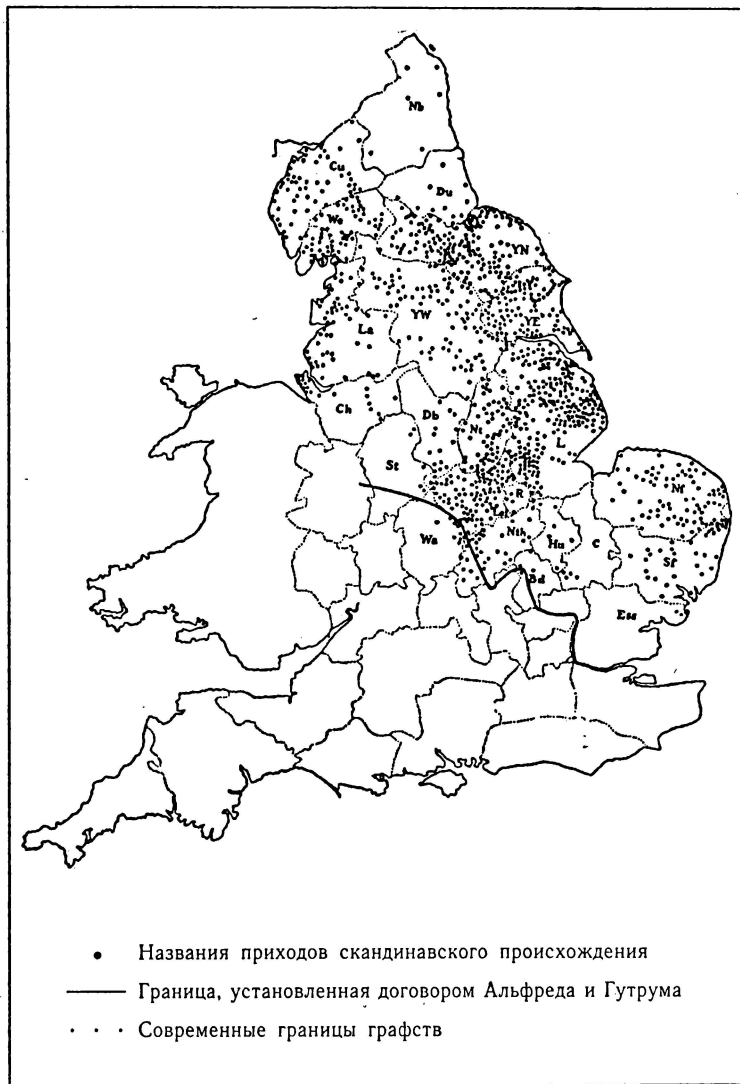

Рис. 9. Скандинавские топонимы в Англии.
 (Из книги: А. Н. Smith, *English Place-name Elements*
 (English Place-name Society, тт. XXV–VI, 1956), карта)

Напротив, скандинавское слово *toft*, означающее «строительный участок, или участок, прилегающий к дому, усадьба», не выходило из употребления на протяжении всего средневековья и встречалось очень часто.

Не все слова получали такое широкое распространение, как эти; многие продолжали использоваться на местном уровне для обозначения таких второстепенных объектов, как леса и поля, причем даже в таких областях, где названия главных населенных пунктов показывают мало признаков скандинавского влияния. Высказывается мысль о том, что эти второстепенные названия способны предоставить надежную информацию о том, как распределились колонии в таких областях. Фрэнк Стентон заявил:

«Интенсивность скандинавской колонизации в любом районе не следует оценивать лишь в свете названий деревень. Да, если рассматривать Англию в целом, распределение скандинавских названий деревень довольно прямо указывает на основные очертания зоны скандинавской колонизации. Но во многих областях, где названия деревень в основной своей массе английские, следы скандинавского влияния начинают появляться, как только изучение доходит до уровня полей и лесов»²³.

Одной из таких областей является Нортamptonшир, где к скандинавскому типу принадлежит лишь немного названий первостепенных населенных пунктов, но для обозначения некоторых второстепенных топографических объектов использовались скандинавские слова. Фрэнк Стентон предположил, что «большинство этих названий, скорее всего, не относится к периоду первой оккупации Нортamptonшира датчанами», но, по его заключению, «они доказывают, что датское влияние на территории, где обнаруживаются такие названия, было достаточно сильным для того, чтобы давать их даже

более отдаленным лесам и полям». Проблема, конечно, состоит в определении того, насколько плотным должно было быть заселение для того, чтобы повлиять на местную речь вышеуказанным образом, но все же не наложить значительного отпечатка на названия деревень. Сходство между языком местного населения и языком новоприбывших делает излишним предположение о том, что для такого результата требовалось очень большое количество скандинавов. Следовательно, основные области скандинавской колонизации следует искать там, где соответствующее влияние отчетливо сказывается на названиях основных населенных пунктов, а также полей, рек и лесов. Даже на этих территориях взаимосвязь двух языков обесценивает ту мысль, что «только поселение, масштабы которого приближаются к массовой колонизации, могло ввести в оборот массу иноязычных слов и фраз в этот знаковый словарь деревенской жизни»²⁴.

Скандинавы принесли также характерный набор личных имен, многие из которых были использованы при образовании топонимов. Некоторые из них еще долго продолжали употребляться в Англии. Фрэнк Стентон установил, что линкольнширский судебный реестр за 1212 г. содержит 215 скандинавских имен, и только 194 английских²⁵. Скандинавские личные имена, конечно, не ограничивались территорией Денло, но именно там они встречаются в самых больших количествах. Например, согласно «Книге Страшного суда», у землевладельцев в период до нормандского завоевания в ходу было по меньшей мере 350 скандинавских личных имен, причем девяносто из них присущи только Линкольнширу и Йоркширу, в то время как тридцать пять являются исключительным достоянием Восточной Англии, о которой «Книга Страшного суда» сообщает гораздо более полную информацию, чем о

предыдущих двух графствах²⁶. Очень соблазнительно, хотя это и было бы ошибочно, предположить, что люди со скандинавскими именами были потомками скандинавских колонистов. Профессор Экуол привлек внимание к нескольким случаям, доказывающим, что разные члены одной и той же семьи могли носить и скандинавские и английские имена²⁷. Он приводит пример четверых братьев, упоминаемых в кадастровой книге Линкольншира, которых звали *Ingemund*, *Oune*, *Edric* и *Eculf*, и замечает: «*Oune* это, безусловно, скандинавское имя, *Ingemund*, возможно, тоже, в то время как *Edric* является определенно английским, как, вероятно, и *Eculf*». В Линкольншире жил человек, носивший великолепное скандинавское имя *Thorfrøðr*, в форме *Turued*, а у отца его было английское имя *Wulfferð*, в форме *Vlued*²⁸. Понятно, что таких примеров неизбежно можно найти лишь несколько. Поэтому нам очень редко известны имена разных членов одной и той же семьи, но и этого достаточно, чтобы продемонстрировать, как опасно полагать, что скандинавские имена были исключительной привилегией потомков викингов. мода на имена меняется, и, помимо всего прочего, на нее оказывает влияние пример господствующего в обществе класса. Так, в XIII веке в среде мелких землевладельцев и крестьянства во всех частях Англии бытовало значительное количество имен, введенных нормандцами и их континентальными союзниками. Профессор Уайтлок показала на основании «*Liber Vitae*» аббатства Торни, насколько быстро европейские имена обрели популярность у того социального круга, о представителях которого может идти речь в подобном произведении²⁹. Она высчитала, что списки, которые велись с начала XI и до XIII века, включают до 2133 записей, в которых встречается около 660 разных имен, и «из их числа европейское происхождение

имеют примерно 272 имени в 1221 статье, староанглийских имен 185 в 548 статьях, а скандинавских 123 в 236 статьях, без учета исходно скандинавских имен, встречающихся в форме, выдающей континентальное влияние». Ниже приводится таблица изменения процентного соотношения имен в этих списках в период после нормандского завоевания Англии:

	Скандинавские	Староанглийские	Европейские
Вскоре после завоевания (1066 г.)	10	45	45
Начало XII века	7	26	67
Вторая половина XII века	3	16	81
Конец XII или самое начало XIII века	1	4	95

Разумеется, подобные изменения не означают, что значительная масса населения состояла из прямых потомков людей, прибывших в Англию в 1066 г. или впоследствии; наоборот, они говорят о том, что пример правящего класса оказал глубокое влияние на английские обычаи, связанные с выбором имен. Аналогичным образом скандинавы, которые в течение столь долгого времени господствовали в таких областях, как Линкольншир и Йоркшир, наложив свой отпечаток на тамошнюю административную терминологию, тоже дали начало моде, у которой нашлись последователи. Во времена Кнута пример, поданный скандинавами, прибывшими в IX веке, получил подкрепление. Многие из сподвижников Кнута были разосланы по разным концам страны и, должно быть, серьезно повлияли на английские личные имена³⁰.

Пример Линкольна хорошо показывает опасность восприятия личных имен как источника информации о скандинавских колониях. Д-р Хилл собрал ранние формы названий улиц города Линкольна, которые были опубликованы с комментариями Фрэнка Стентона³¹. Как правило, эти названия носят староанглийский или среднеанглийский характер, а Фрэнк Стентон отмечает:

«Конечно, есть исключения, вроде очень примечательного названия Класкетгэйт; но уже само по себе использование слова *gata* для обозначения дороги, как и частота названий, в которых вместо *a* или современного *o* употребляется *ei*, доказывает, что в городе существовала влиятельная скандинавская колония. Но тем не менее между общим характером этих названий и отчетливо скандинавской окраской самых ранних личных имен, встречающихся на монетах и в хартиях XII века, наблюдается несомненная разница. Точнее, бросается в глаза крайняя редкость параллелей со скандинавскими, а именно норвежскими топонимами, которыми изобилует Йорк. Это различие свидетельствует о чрезвычайно интенсивной скандинавской колонизации Йорка по сравнению с любым другим населенным пунктом такого рода к югу от Хамбера».

Однако изучение личных имен, употреблявшихся в XII веке в Линкольншире, такого отличия не выявило.

Тот факт, что люди английского происхождения могли получать скандинавские имена, имеет серьезные последствия для интерпретации так называемых «гибридных названий», в которых скандинавские личные имена объединяются с английскими элементами. Примером такого названия является Фостон в Дербишире — слово это составлено из скандинавского прозвища *Fotr* и английского элемента *tun*; в этом графстве известно по меньшей мере десять подобных гибридов, а в Лестершире ко времени составления «Книги Страшного суда» их было уже более двадцати. Согласно общему мне-

нию, такие названия означают, что некий скандинав поселился в преимущественно английском районе, а по поводу некоторых из них полагают, что это были деревни, захваченные скандинавскими воинами. Во многих случаях это вполне похоже на правду, особенно когда деревни с такими названиями находятся в богатых и плодородных областях. Но не стоит забывать, что люди, давшие свои имена таким населенным пунктам, вполне могли быть англичанами или, напротив, скандинавами, которые пришли вместе с Кнутом. Их нельзя механически причислять к скандинавским поселенцам IX века.

Во всяком случае, такие гибридные названия, даже показывая, что соседи обозначали населенный пункт английским словом *tun*, наверняка не являются признаком областей, плотно заселенных скандинавами, и, следовательно, их можно не брать в расчет при любых попытках определения территории и плотности этих поселений. Точно так же следует исключить и названия на *thorp*, так как они, вероятно, относились к вторичным поселениям. На самом деле, самую надежную информацию о районах, где следует искать первоначальные поселения, дают названия на *by*. Многие из них, безусловно, представляют собой перевод более ранних наименований. Профессор Экуол предполагает, что название Уиллоуби исходно имело английское окончание *tun*³², а прочие являются трансформациями наподобие Рагби³³. Некоторые названия, наверное, образовались в X–XI веках, как, например, Ормсби в Йоркшире, основой для которого послужило имя владельца этого населенного пункта в период после завоевания Англии в 1066 г., или Карлби в Линкольншире, по-видимому, увековечившее память о Карли — своем хозяине в донормандский период. Названия на *by* не следует путать с первыми поселениями, но они, скорее всего, указывают на те области, где разворачивался процесс колонизации.

Фрэнк Стентон сделал вывод о том, что из числа названий, зафиксированных в «Книге Страшного суда» или до нее, 543 названия на *by* относятся к областям датской колонизации, 203 — к Йоркширу, 9 — к Дербиширу, 22 — к Ноттингемширу, 217 — к Линкольнширу, 55 — к Лестерширу, 13 — к Нортamptonширу, 21 — к Норфолку, и 3 — к Саффолку³⁴. Сколько из этих названий было образовано в IX веке, неизвестно. Фрэнк Стентон подсчитал, что «по самому строгому отбору» половина из них в качестве своего первого элемента имеет личное имя, и заявил, что «слишком многие из этих имен не были бы известны в Англии, если бы не входили в состав названий, и потому мы можем без особых сомнений отнести их к периоду, отделенному от времени возникновения первых датских колоний не более чем одним или двумя поколениями», а значит, «в общем и целом, более чем вероятно, что многие из датчан, имена которых сохранились в названиях деревень на территории Денло, принимали участие в датском завоевании этой страны»³⁵. Этот вывод, сделанный на основании личных имен, не может нас удовлетворить по двум причинам. Во-первых, потому, что самым ранним и необычайно полным источником по личным именам, бытовавшим в Англии, является «Книга Страшного суда», относящаяся к концу XI века. Если какое-то имя в ней не значится, как и в источниках XII века, это едва ли говорит о том, что оно должно было выйти из употребления не позже начала X века. Скорее всего, существовало много имен, которые использовались в скандинавских областях Англии в течение всего X века и не были никак записаны, кроме как, возможно, в названиях населенных пунктов. Вторая причина, позволяющая отвергнуть этот вывод, состоит в том, что количество названий, способных пройти проверку на древность, видимо, не слишком велико.

Сам Фрэнк Стентон подчеркнул, что существует «неисчислимое множество йоркширских топонимов, содержащих личные имена, зафиксированные в позднейших английских источниках. Многие из этих названий вполне могли возникнуть в IX веке, но сами по себе они не являются источником информации о ранних колониях»³⁶. Таким образом, нам неизвестно, какое количество этих названий на *бу* следует отнести к IX веку, но нет никаких оснований полагать, что их должно быть более четвертой части тех, которые зафиксированы в XI веке, а вполне возможно, что их и того меньше. Итак, изучение личных имен не может показать, какие поселения были самыми ранними, но общее распределение скандинавских или испытавших скандинавское влияние названий действительно указывает на области первоначального поселения викингов, и есть все основания полагать, что лишь немногие из этих первых колоний лежали за пределами современных графств Линкольн и Йорк.

Даже если бы можно было определить точное число поселений IX века, их размер все равно остался бы неизвестным. Первое свидетельство о величине многих английских населенных пунктов содержится в «Книге Страшного суда», а количество жителей какой-нибудь деревни в XI веке ничего не говорит о соответствующей цифре двумя веками раньше. Числа, указанные в «Книге Страшного суда», устанавливают возможную верхнюю границу для размеров того или иного населенного пункта, и не более того; в предшествовавший период каждый из них вполне мог быть гораздо мельче. Иногда приходится слышать, что индикатором плотности скандинавского населения является число свободных людей или сокменов, указанное в «Книге Страшного суда» для некоторых областей. Фрэнк Стентон написал, что «как класс сокмены Денло представляют собой

рядовой состав скандинавских армий, заселивших этот район в IX веке»³⁷, а профессор Экуол принял долю сокменов в Денло за показатель относительного количества датских поселенцев³⁸. Сокмены составляли около половины населения, как это отмечено в линкольнширской кадастровой книге, и если их действительно можно считать потомками датских иммигрантов, эта колонизация должна была отличаться поистине массовым масштабом. К сожалению, мы не располагаем доказательствами, позволяющими связывать сокменов с датчанами, если не считать совпадения ареала их присутствия, и следует подчеркнуть, что это совпадение не слишком буквально. В Йоркшире сокменов очень мало³⁹. Предлагаемое этому объяснение состоит в том, что класс сокменов был уничтожен в ходе резни, которую устроил на севере Вильгельм Завоеватель, но здесь одна гипотеза нагромождается на другую. Даже если совпадение областей, где, с одной стороны, располагались колонии скандинавов, а с другой — существовали сокмены, было бы полным, оно все равно не доказывало бы того, что сокмены и датчане — одно и то же; в лучшем случае оно наводило бы на мысль, что сокмены отчасти представляли собой продукт скандинавской колонизации и завоевания. На самом деле куда более вероятно то, что сокменами являлись английские крестьяне, социальный, правовой и экономический статус которых изменился в результате датских завоеваний⁴⁰. В любом случае до тех пор, пока связь между датчанами и сокменами не может быть доказана, использовать сведения «Книги Страшного суда» о численности последних в качестве индикатора количества скандинавских поселенцев неправомерно. Круг замкнулся.

Изучение топонимов позволяет выявить некоторые вещи, касающиеся происхождения поселенцев, и указать, где располагались их колонии, гораздо точнее «Англо-

саксонской хроники». Оно не в состоянии ни выявить точный ареал первых поселений; ни установить численность колонистов, но исследование топонимов, несомненно, показывает, что многие скандинавы оседали не на лучших, самых плодородных или выгодно расположенных территориях, а на тех землях, которые еще не были освоены англичанами. Это можно очень ясно видеть во многих частях Денло — в долине Рика⁴¹, Кествене⁴², Линкольнширских⁴³ и Йоркширских Уолдах. Профессор А. Х. Смит в своем обзоре топонимов восточного райдинга Йоркшира высказал следующее мнение:

«Вопрос о водоснабжении в Уолдах является и, видимо, всегда был серьезной проблемой. Первые поселенцы, наверное, избегали возвышенных участков Уолдов и занимали нижние уровни долин или, особенно на северо-западных границах Уолдов, выбирали места для своих домов вблизи заболоченных участков аллювиальных долин, но достаточно высоко по склонам Уолдов, чтобы избавиться от неудобств, связанных с болотами. В других районах они выбирали местности вблизи рек и озер, как в Следмере и Фимбере»⁴⁴.

Примечательно то, какая концентрация скандинавских топонимов наблюдается в Уолдах и на их незащищенной северо-восточной стороне. Заняты были лучшие места, и ничто не говорит о том, что скандинавы вытеснили из этих областей англичан. Области, наиболее плотно заселенные скандинавами, видимо, располагались в пространстве между английскими населенными пунктами. Это, наверное, было удобно для них и способствовало сохранению в их среде собственных обычаев и речи. Топонимы не подтверждают впечатления, что скандинавы пришли лишь как завоеватели и взяли верх над англичанами. Конечно, завоевание имело место, господствующее положение заняла пришлая

аристократия, но многие поселенцы пришли в Англию, как и их исландские собратья, в поисках незанятой земли. Здесь ничто не указывает на то, что их отношения с английскими соседями были враждебными. Напротив, похоже, что скандинавы были приняты радушно. Может быть, они даже покупали землю, расплачиваясь какой-то долей богатств, накопленных ими в их военных кампаниях⁴⁵.

Похоже, что датские набеги в Западную Европу прежде всего служили прелюдией к колонизации. Основная цель викингов состояла в нахождении новых земель, и они искали их в зонах, природные условия которых напоминали им прежнюю родину. Датчане поселились на востоке Англии, а норвежцы, видимо, предпочитали более дикие северные районы и удаленные острова.

Датская колонизация Англии являлась частью более широкого процесса, приведшего к появлению таких же поселений на другом берегу Ла-Манша, в частности, в будущей Нормандии. Сведения о колонизации Нормандии, увы, еще менее удовлетворительны, чем о заселении английской Денло, но представляется несомненным, что в начале X века в руках скандинавов находились низовья Сены и что впоследствии их влияние распространилось на полуостров Котантен⁴⁶. Скандинавские личные имена, использовавшиеся в Нормандии, предполагают, что первоначальная колонизация осуществлялась датчанами. Кроме того, имеются признаки того, что по крайней мере часть нормандских поселенцев прибыла из Англии⁴⁷. Фактически нельзя исключить, что Нормандия обязана своей колонизацией главным образом тем датчанам, которые, не имея денег, покинули Англию в 896 г. и отправились через пролив к Сене.

Согласно одному из предположений, нормандские топонимы доказывают, что скандинавская колонизация этой области была преимущественно аристократиче-

ской, и в этом состоит ее отличие от крестьянской колонизации Англии⁴⁸. Профессор Дуглас подчеркнул, что исторические свидетельства в пользу такого вывода не особенно ясны⁴⁹, и, в любом случае, лучшим объяснением предполагаемого отличия от Англии является более быстрое исчезновение в Нормандии скандинавского языка⁵⁰.

Норвежские поселения находились на севере и востоке Британских островов, а также за их пределами. В Ирландии, как и во Франции, поселенцы вскоре усвоили местный язык, и их влияние на топонимы ограничивается побережьем. Да и археология не слишком много сообщает о присутствии скандинавов вне городов⁵¹. Именно в городах, особенно в Дублине, скандинавы играли значительную роль в ирландской жизни. Местное общество было чрезвычайно сложным, и даже могло быть так, что соседство с ним показалось скандинавским поселенцам слишком неудобным, и потому они стали искать относительного мира на севере Англии или даже в Исландии, где ярко выражено кельтское влияние.

Набеги норвежцев и возникновение их колоний на Западе приблизительно совпадают во времени с началом шведской активности на Руси. Основной интерес шведов состоял в сборе дани с целью ее продажи мусульманским купцам, приходившим в Волжскую Булгарию. Но там были и некоторые колонии⁵². Не может быть сомнений в том, что скандинавы поселились в Киеве и установили власть над славянскими племенами в районе Днепра⁵³. Первые вожди этого предприятия и их преемники носили скандинавские имена, но совсем необязательно, что их было много. Нигде на Руси не наблюдалось такой скандинавской колонизации, как в Англии и Исландии. Кроме того, у шведов не было причин для массовой эмиграции на

противоположный берег Балтийского моря. В их собственной стране были богатые и плодородные районы. В самой Средней Швеции понижение уровня грунтовых вод медленно, но неизбежно обнажало аллювий, который подвергался сельскохозяйственной обработке⁵⁴. Норвегия, напротив, гориста, и сообщение внутри страны затруднено. Многие из тех, кто считал ресурсы своей родины недостаточными, рассматривали переправу через Северное море, коль скоро в их распоряжении были удобные корабли, как выбор легкого пути, и не приходится удивляться тому, что норвежцы оказались самыми упорными колонистами, и, как правило, их новые жилища приобретали чисто скандинавский вид. Потребность датчан в новых землях не была ни такой насущной, ни такой неотложной, как у норвежцев. Безусловно, их внутренние ресурсы уже были полностью выработаны, и в период викингов можно наблюдать резкое увеличение количества названий на *thorp*. Однако в распоряжении датчан уже была удобная и плодородная зона для экспансии — полуостров Сконе, где впоследствии им пришлось конкурировать со шведами, но в конце X века он оказался по датскую сторону границы с последними⁵⁵. Тем не менее некоторые датчане, нуждавшиеся в земле, искали ее на Западе. Их потребность скоро была удовлетворена, и острая необходимость в ней, похоже, спала очень быстро, но в своем стремлении найти себе новые дома датчане и норвежцы положили начало долгому процессу колонизации, которому в последующие века было суждено сыграть столь важную роль в экономической истории Европы⁵⁶.

ГОРОДА И ТОРГОВЛЯ

Западноевропейские источники IX века упоминают о нескольких центрах торговли в Скандинавии и регионе Балтийского моря. «*Vita Anskarîi*» («Житие Ансгария») свидетельствует о том, что к середине века купцы регулярно собирались и в Хедебю и в Бирке, а о Хедебю также упоминают Оттар и Вульфстан в своих добавлениях к староанглийскому переводу Орозия¹. Оттар описывает, как он отплыл из своего дома на севере в *Скирингисаль*, «порт на юге этой земли», а оттуда в «в порт, который люди называют *aet Haethum*», что должно означать Хедебю. На тот факт, что оба эти места должны были иметь какое-то значение с точки зрения торговли, указывает использование слова *port*, которое обыкновенно означало город с рынком². Вульфстан, который, видимо, был англичанином, оставил описание путешествия, продолжавшегося семь дней и ночей, из *Haethum'a* в *Truso*, где, вероятно, тоже мог быть рынок. Вопрос о расположении *Truso*, который, по словам Вульфстана, находился на берегу озера вблизи устья Вислы, породил множество споров. Возможно, память о нем сохранилась в названии озера Друзен, а на его месте сегодня стоит город Элбинг. Оттар не слишком подробно обрисовал местоположение *Скирингисаля*, но другие свидетельства наводят

на мысль о том, что он лежал поблизости от Тьоллинга около Ларвика на западном берегу Осло-фьорда. В настоящее время эта версия получила археологическое подтверждение, и местоположение этого рынка эпохи викингов было отождествлено с Каупангом, название которого само по себе говорит многое. Как и его английский аналог, Чиппинг, оно означает рынок. Точно так же благодаря раскопкам были локализованы Бирка и Хедебю.

Первой тщательно изучению подверглась Бирка, где между 1871 и 1895 гг. Хьяльмар Столп раскопал около 1100 могил³. Этот город находился в северо-западной части острова Бьерке на озере Меларен, примерно в 18 милях (30 км) к западу от Стокгольма. Могилы, которых там более 2000, сгруппированы вокруг территории порядка 22 акров (9 гектаров), названной «Черной землей» за темный цвет ее почвы, который особенно заметен в сырую погоду. Следов хорошо узнаваемого слоя древесного угля обнаружено не было, и потому этот цвет, видимо, объясняется интенсивным использованием земли, а не гарью. Столп перекопал примерно тридцатую часть «Черной земли», обнаружив много чрезвычайно интересных предметов, следы плетней и штукатурки, и, кроме того, деревянные строения, но о форме и плане этих построек до сих пор известно немного, а находки из этого культурного слоя, толщина которого достигала около 8 футов (2,5 м), до наших дней не обнаружены. К юго-западу от этой городской зоны находится холм высотой около 100 футов (30 м), на котором располагалась крепость. С этой господствующей высоты видна вся городская зона, которая, похоже, несколько превышала по размеру «Черную землю» и была обнесена оборонительной стеной, но от нее уцелело лишь 550 ярдов (500 м), а остальная часть, скорее всего, была разобрана крестьянами и про-

чими людьми, нуждавшимися в камне. Эта стена проходила над рядом могил, и поскольку в одной из них была найдена монета 925 г., дату постройки удается определить достаточно точно, хотя вполне могли существовать и пока еще не найденные укрепления более раннего периода. Эта стена X века частично раскопана и, как выяснено, представляла собой низкий каменный фундамент, на котором был построен частокол. В сохранившейся части стены имеется не меньше шести проемов, которые не могли предназначаться для ворот, так как едва ли могла существовать потребность в воротах через каждые сто ярдов, и потому очень правдоподобным выглядит предположение профессора Арбмана о том, что в этих промежутках стояли деревянные башни.

В Бирке скрупулезнее всего прочего были исследованы захоронения, и именно их содержимое дало основную часть информации об истории этого места. Во многих из них покойники подверглись кремации, но, к счастью для археологов, захоронений в землю здесь было больше, чем в то время было принято в этом регионе. Некоторые могилы предположительно принадлежали воинам, например, та, которая изображена на рис. 3, в других же, вероятно, были погребены купцы. Последним, скорее всего, принадлежали три могилы, в которых были найдены маленькие весы, вроде тех, что использовались для взвешивания драгоценных металлов; кроме того, примерно еще в 130 захоронениях присутствовала одна или более гирек, использовавшихся с такими весами. Найденные в могилах предметы говорят о такой разнообразии контактов, независимо от того, были ли они прямыми или нет, что не остается никаких сомнений в том, что Римберт был прав, назвав часть населения Бирки торговцами (*negotiatores*)⁴.

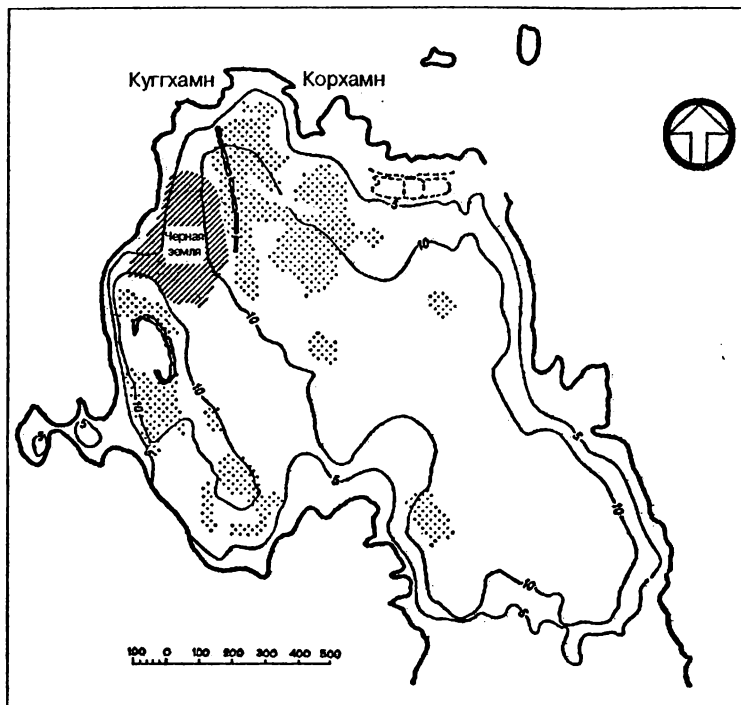

Рис. 10 а. Бирка на озере Меларен.
См. с. 249–251

Ангарий отправился в Бирку в компании нескольких купцов с Запада и, достигнув города, обнаружил там множество признаков его связей с Западной Европой и особенно Дорестадом⁵. Наличие таких контактов подтверждается некоторыми предметами, найденными в захоронениях. Например, это посуда и стекло из Рейнской области⁶ и около двадцати монет из Западной Европы, что особенно важно, поскольку в данном случае их происхождение не вызывает сомнений, причем все они были приспособлены для того, чтобы служить украшениями⁷.

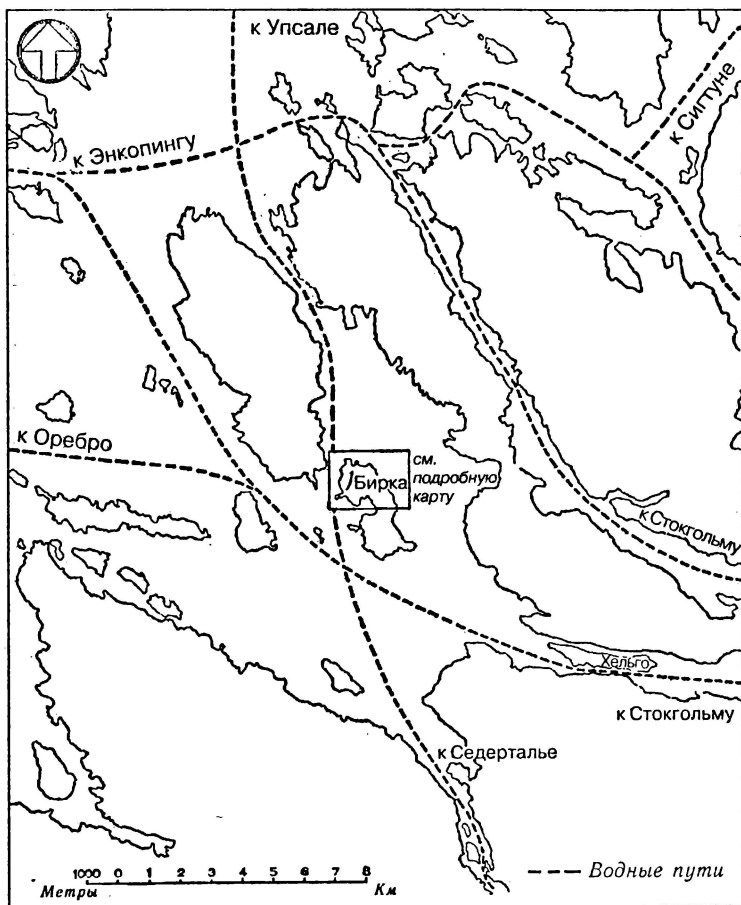

Рис. 10 б. Показывает расположение Бирки на озере и основные торговые маршруты. См. с. 250

Самые молодые из этих европейских монет прибыли из Йоркского королевства в начале X века. Было там и несколько монет так называемого типа Бирки, основой для которых послужили франкские образцы и которые, вероятно, были отчеканены в самой Бирке в

течение IX века⁸. Римберт, естественно, уделял наибольшее внимание связям с Европой, которые Ансгарий заметил в Бирке, но, судя по найденным там предметам, они могли играть лишь очень небольшую роль в жизни города. Достаточно сопоставить тринадцать могил с монетами из Западной Европы с девяносто двумя, в которых были обнаружены монеты или фрагменты монет с мусульманского Востока; да и другие находки подтверждают, что за пределами Скандинавии основные интересы Бирки были связаны с Востоком. В сорока пяти могилах присутствовали следы шелка. Хотя основная его часть, видимо, не отличалась высоким качеством и происхождение его неизвестно, найдены и остатки очень хорошего шелка с золотым узором, который, вероятно, был привезен из Китая⁹. Больше в Бирке нет ничего, что происходило бы из столь отдаленных мест, однако найдены разнообразные украшения, стеклянные предметы и кольца, включая изделие, украшенное аметистом с арабской надписью, которое было доставлено с мусульманской территории к юго-востоку от Каспийского моря. Многие из этих привозных вещей, похоже, берут свое начало из восточных частей Халифата и подтверждают созданное благодаря изучению монет впечатление, что Бирка, как и вся восточная Прибалтика, поддерживала связи скорее с Волгой, нежели с Днестром. По-видимому, у Бирки едва ли были контакты с Византией. Из могил извлечены всего три византийские монеты, две серебряные и одна медная, а также один римский динарий. Редкость византийских монет в Скандинавии в целом можно объяснить, предположив, что обмен был пропорциональным и на север попадали товары, а не монеты, но ни в Бирке, ни где-либо еще в Швеции не найти и нескольких предметов, которые бы выглядели продукцией ремесленных мастерских Византийской империи. Лишь во

второй половине X века, когда Бирка перестала существовать в качестве торгового центра, количество византийских монет, находимых в Скандинавии, возросло.

Расположение Бирки позволяло ей служить отправной точкой торгового маршрута на Восток, в частности, в те его районы, которые в IX–X веках были наиболее богаты серебром. Карта (рис. 1) показывает, насколько прямым был этот путь на Волгу, и именно в волжском государстве болгар купцы из Скандинавии встречались с мусульманами, с которыми и вели свои торговые дела. Путешествие из Бирки в Болгарию было короче и легче, чем в Византию, к тому же путь лежал преимущественно по водам, удобным для судоходства. Более того, начиная с западного входа в Финский залив путь проходил по местности с финноязычным населением. Любому путешественнику, способному изъясняться по-фински, на пути к Волге, скорее всего, не приходилось сталкиваться с особыми языковыми проблемами. Поскольку Средняя Швеция расположена очень близко к финноязычным регионам, для жителей Бирки, должно быть, не составляло большого труда найти возможность научиться этому языку, хотя бы у финских пленников, рабов или у своих жен финского происхождения.

В эпоху викингов из озера Меларен вытекало гораздо больше рек, чем в наше время, и одна из них, возможно, начиналась почти точно к югу от Бирки на уровне Седерталье. Фактически она являлась самым южным выходом к морю, и с этой точки зрения Бирка была расположена очень выгодно¹⁰. К сожалению, мы не можем точно сказать, когда этот водный путь перестал быть судоходным¹¹, но если в IX–X веках он все еще был открыт, то величайшим достоянием Бирки было ее местоположение у перекрестка двух маршрутов, один из которых шел на юг к острову Готланд, южной Балтике, Хедебю и дальше, а другой вел через

Финский залив к Волге. Через озеро и реки Бирка имела удобное сообщение со многими частями Средней Швеции и, что, возможно, еще важнее, с севером Швеции, куда можно было добраться морем или через цепь озер, рек и ледниковых морен. Летом этот внутренний маршрут, наверное, был не особенно удобным, но зимой, когда реки и озера замерзали, они могли служить магистралями через леса, и тогда почти никакие препятствия не отделяли Бирку от севера. Зимой качество пушнины было выше всего, и в течение средних веков недалеко от Упсалы проводились зимние ярмарки под названием *Distingen*, и очень вероятно, что аналогичная практика бытовала и в Бирке¹². Обнаружение саней, ледорубов, а в некоторых могилах обуви с шипами, чтобы не скользить на льду, показывает, что и зимой жизнь в Бирке не прекращалась, и подтверждает предположение о зимних торгах.

Таким образом, остров Бьерке расположен чрезвычайно удобно с точки зрения сообщения по воде или льду со многими районами, и торги устраивались там благодаря именно этому преимуществу. Похоже, что и остров, на котором располагался город, был выбран не случайно. Это место было защищено крепостью на холме, которая в то же время могла служить смотровой вышкой, откуда водные пути, ведущие к острову, просматривались на большие расстояния, включая и реку, протекавшую через Седерталье. Сам город был обращен в сторону пологого пляжа, а найденные там бревна могли представлять собой остатки пирса и причала, пригодных для судов с небольшой осадкой. Для более крупных кораблей недалеко от города на северной оконечности острова имелись две бухточки. Парусники, которые находили в них приют, было нетрудно вывести оттуда, чтобы поймать ветер, а летом он дует преимущественно с юго-запада¹³.

Со времени расцвета Бирки очертания острова изменились из-за колебания уровня воды в озере. В Восточной Швеции земля начала подниматься над водой еще задолго до эпохи викингов. Установить, каким был уровень воды в предшествующий период, очень трудно, но в Бирке есть захоронение X века, в настоящее время находящееся на высоте примерно 18 футов (5,5 м) над современным уровнем воды, которое несет на себе несомненные следы размыва¹⁴. Должно быть, произошло это в результате сильного волнения, приведшего к приливу воды значительно выше ее обычного уровня. Наблюдения, проведенные в других местах, показывают, что во время шторма подобный размыв мог иметь место на высоте примерно до 3 футов над обычным уровнем воды. Из этого следует, что уровень воды в Бирке был примерно на 15 футов (4,5 м) выше современного, а высота погребального кургана составляла примерно 3 фута над обычным для того времени уровнем озера. Поскольку есть вероятность того, что к моменту образования размыва вода уже успела отступить, а его причиной стало наводнение высотой менее метра, следует согласиться, что эта цифра в пятнадцать футов отражает лишь наименьшее из возможных изменений уровня воды со времен викингов¹⁵. На приведенной в данной книге карте о. Бьерке отмечена пятиметровая горизонталь, и это дает некоторое представление о том, насколько разительные перемены произошли здесь начиная с эпохи викингов. Самое интересное, если не самое впечатляющее изменение связано с исчезновением небольшой лагуны примерно 275 ярдов в длину и 65 ярдов в поперечнике (250 и 60 м), находившейся к востоку от городской зоны. Ее естественное устье шириной примерно в 33 ярда (30 м) перекрыто каменной стеной, в которой оставлен узкий проток. В центре этой лагуны находится квадратный бассейн, возможно, искусствен-

ный, под названием *Salviksgropen*. В настоящее время его дно возвышается примерно на 5 футов (1,5 м) над уровнем озера, а значит, в эпоху викингов он был заполнен водой на глубину, по крайней мере, в 10 футов (3 м), причем без всякой опасности засорения. Только раскопки в состоянии выяснить, относится ли это любопытное сооружение к эпохе викингов, но в любом случае для описываемого города крытый бассейн такого рода является очень эффектной достопримечательностью. Когда в 829 г. Бирку впервые посетил Ангарий, она уже существовала, но нет возможности сказать, какими были тогда ее возраст и размеры. Среди найденного при раскопках материала встречается очень немного предметов, которые в этом регионе принято связывать с периодом до эпохи викингов. К сожалению, археологический переход от периода Венделя к эпохе викингов невозможно датировать исторически, а предпринятые в этом направлении попытки в значительной степени опираются на предположение о том, что история Бирки начинается около 800 г.¹⁶ Возможно, когда раскопки этого объекта обретут больший масштаб, а добытый материал подвергнется более критическому изучению, дату основания Бирки можно будет вычислить более точно, но и в настоящее время следует полагать, что она возникла в промежутке между 780 и 830 гг. Конец ее можно датировать куда более точно. Полное отсутствие там столь обычных для Швеции германских и английских монет конца X века говорит о том, что она обезлюдела самое позднее к 1000-му, а может быть, и до 980 г. Самые новые из найденных там монет были отчеканены либо в 963 г., либо в 967 г., и гибель ее вполне могла последовать очень скоро после этого¹⁷.

Причины ее исчезновения обсуждались многими учеными. Отсутствие отчетливого слоя древесного угля делает маловероятным ее уничтожение в результате

какого-либо насильственного акта, что само по себе, в любом случае, едва ли может быть удовлетворительным объяснением, ведь если бы источники процветания Бирки оставались неизменными, несомненно, существовал бы стимул к ее восстановлению. Высказывалась версия об изменении уровня воды в озере, но сделать этот остров непригодным для жизни в конце X века оно не могло. Согласно менее прямолинейному предположению, понижение уровня воды привело к закрытию южного выхода из озера через Седерталье¹⁸. Суть этой гипотезы состоит в том, что, когда корабли утратили возможность подхода прямо к Бирке и вынуждены были пользоваться восточными входами в озеро, место Бирки заняла Сигтуна, находившаяся на прямом пути из Стокгольма в Упсалу и на север. Это объяснение неудовлетворительно, ибо свидетельства, говорящие об изменении характера южного входа в озеро в конце X века, отнюдь не очевидны, и нет никаких оснований для допущения, что Сигтуна была основана намного раньше 1000 г., если вообще не позже¹⁹. Значительно убедительнее другое объяснение упадка Бирки, состоящее в том, что между 965 и примерно 970 гг. оказалось нарушенным прямое сообщение между Балтикой и Волгой. Об этом со всей очевидностью говорят свидетельства нумизматики²⁰. Для Бирки последствия такого нарушения должны были обернуться катастрофой. Связи с Волгой имели для нее первостепенное значение, и как только этот маршрут был закрыт, Бирка оказалась отрезанной от главного, если не единственного источника своего благосостояния. Ее выживание зависело от того, удастся ли ей найти другой источник средств, но купцы Бирки не были подготовлены к освоению какого-либо иного пути: их преимуществом была торговля с Востоком. Таким образом, Бирка прекратила свое существование, поскольку

перестала приносить выгоду. Новые источники богатств были найдены, но это не была заслуга купцов из Бирки; выгода от этого открытия досталась жителям Готланда.

В нижеследующей таблице указаны даты чеканки найденных в могилах Бирки мусульманских монет. Они наводят на мысль, что период основного расцвета этого города начался только к концу IX века, и это хорошо согласуется с общим впечатлением, которое производят материалы этого археологического поля²¹.

Даты монет, гг.	Количество в могилах Бирки
700–750	12
750–800	14
800–850	17
850–890	4
890–950	42
950–	1

Присутствие монет VIII века, разумеется, не означает того, что к этому же времени можно отнести и могилы, ведь в Скандинавии устаревшие деньги еще долгое время оставались в обращении. В самом деле, некоторые из этих старинных монет находились в могилах вместе с более новыми; например, в одном захоронении рядом с монетой 818–819 гг. были обнаружены четыре экземпляра 913–932 гг. Точно так же в X веке могли оказаться в земле и многие другие древние монеты.

Кладбище Бирки дает некоторое представление о предметах импорта, по крайней мере когда речь идет о вещах долговечных. Ввозиться могли и какие-то товары из органических материалов, которые должны были разложиться, — пища, ткани, изделия из дерева и даже

соль, но те, что сохранились, могут кое-что поведать о торговых контактах этого города. Куда меньше известно об его экспорте. Вероятность того, что в нем могли производиться монеты, будь то в качестве украшений или платежного средства, заставляет предположить, что здесь была развита металлообработка. Кроме того, в городе найдено несколько частично обработанных рогов северного оленя. Там вполне могли существовать и другие местные ремесла, как это, по-видимому, было несколько ранее на соседнем острове Хельге, где были обнаружены следы плавки железа, а значительное количество битого стекла наводит на мысль об изготовлении стеклянных бусин, возможно, из битых отходов²². Самый ценный товар, который, вероятнее всего, купцы привозили в Бирку и вывозили оттуда, — меха и кожи, — едва ли мог оставить заметные следы, несмотря на присутствие там останков таких животных, как куница и бобер. Однако есть веские основания, которые будут рассмотрены ниже, чтобы усомниться в том, что Бирка когда-либо играла особенно важную роль в меховой торговле в качестве центра сбора пушной дани²³. Более правдоподобным кажется то, что она была рынком, где купцы, богатые мусульманским серебром, не могли устоять перед соблазном потратить его.

Жилая зона Хедебю раскопана гораздо тщательнее, чем в Бирке, поэтому мы значительно больше знаем о таких подробностях, как конструкция домов и местные ремесла²⁴. К сожалению, имеет место некоторая неясность по поводу истоков этого города. Однако в настоящее время общее мнение таково, что именно о его основании сообщают «Франкские королевские анналы» в 808 г., рассказывая о нападении датского короля Годфреда на славянский город *Перик* и насильственном переселении тамошних купцов в *Sliastorp* (порт на Шлее), который и принято отождествлять с Хедебю.

Правда, кое-кто до сих пор утверждает, что в анналах имелся в виду Шлезвиг. Город Хедебю располагался на берегу Хаддеби Нура, озера, из которого вытекает река Шлея. Первоначально он, видимо, был незащищенным, но впоследствии, в том же IX веке, его обнесли полукруглой стеной, которая перестраивалась несколько раз и до сих пор остается заметной особенностью ландшафта. В этом городе обрабатывали железо и стекло, из бронзы и серебра изготавливались украшения. Сырье привозилось издалека, как, например, камень из Эйфеля для изготовления мельничных жерновов, моржовые бивни из Норвегии. Хорошо подтверждается существование там ткачества. Однако роль Хедебю обуславливалась скорее его транзитной торговлей, чем развитием ремесел. Его расположение было идеальным для сквозного движения товаров. Он находился у истока длинной и судоходной Шлеи, и лишь короткий переход по суше длиной в десять с половиной миль (17 км) отделял Хедебю от Холлингстедта на реке Трине, которая также судоходна и впадает в Северное море. Этот короткий переход через основание полуострова Ютландия несколькими милями севернее современного Кильского канала делал ненужным опасное путешествие вокруг этого полуострова. Однако этот маршрут был удобен лишь для сравнительно мелких судов с небольшой осадкой, которые могли двигаться на веслах²⁵. Длина Шлеи равняется приблизительно 22 милям (35 км), но ширина ее кое-где не достигает и 220 ярдов (200 м), а Трина длиннее и одновременно намного уже, местами не более 17 ярдов (15 м). Поскольку в таких узких фарватерах полагаться на паруса не приходилось, необходимо было идти на веслах. Более того, вход в озеро, на котором стоял Хедебю, очень мелководен, и до города могли добраться лишь суда с небольшой осадкой. Эти ограничения и

необходимость транспортировать товары сушей между Хедебю и Холлингстедтом означали невозможность использования этого маршрута для большегрузных перевозок, и предпочтение должно было отдаваться относительно легким и ценным товарам. Хедебю был уничтожен в середине XI века, но раскопки показали, что еще задолго до этого он утратил свое значение, а его место занял Шлезвиг, до которого могли добраться суда с большей осадкой. Переход из Балтийского моря по-прежнему оставался долгим и трудным, поэтому Шлезвиг скоро уступил свою роль Любеку — точно так же как на смену Холлингстедту пришел Гамбург. Оба этих города располагали гаванями, которые были намного более доступны для тяжелых парусных судов позднейших времен, когда так возросло значение большегрузных перевозок. Сведения об этой транзитной торговле можно найти в добавлениях к староанглийскому переводу Орозия, сделанных Вульфстаном, и рассказе Оттара Вульфстан приплыл из Хедебю в *Truso*, а Оттар прибыл в Хедебю из *Скирингисала* предположительно по пути в Англию, точно так же как во времена Ансгария путешественники проезжали через Хедебю, направляясь в Бирку. И действительно, вполне вероятно, что многие предметы из Западной Европы, которые были найдены в различных частях Скандинавии, прибыли в Балтийский регион именно через Хедебю²⁶.

Найденные здесь предметы и напластования русла реки, протекавшей через центр города, подсказывают вывод о том, что пик процветания и активности Хедебю как центра торговли приходится на середину эпохи викингов. Конечно же, говорить о сколько-нибудь точных датах очень трудно, но есть веские основания полагать, что самый яркий расцвет Хедебю переживал в конце IX и первой половине X веков. Таким образом, представляется, что его подъем начался в то самое

Рис. 11. Карта Скандинавии и Балтики

время, когда из Балтийского региона экспортировалось куфическое серебро, и в это же самое время, в конце IX века, город был покорен шведской королевской династией²⁷. В 934 г. шведы были изгнаны германским королем Генрихом I, и в середине X века Хедебю, по-видимому, находился под властью германцев. Не похоже, чтобы это германское завоевание положило конец процветанию Хедебю, хотя, может быть, оно привело к

прекращению или уменьшению экспорта серебра из Балтики, но во второй половине X века город, видимо, поддерживал контакты преимущественно со славянскими землями к востоку от Эльбы, а не с Восточной Прибалтикой. Безусловно, именно такое впечатление производит распределение монет, отчеканенных в этот период в Хедебю, то есть полубрактитов из Хедебю²⁸.

Третий из этих скандинавских торговых центров, где были проведены раскопки, — это торговый центр Каупанг в Вестфоле, или *Скирингисаль*, упоминаемый Оттаром²⁹. В Каупанге исследованы многие захоронения и начаты работы в жилой зоне, на «Черной земле». Залив, на берегу которого стояло это поселение, был отделен от открытого моря множеством мелких островов, часть которых в эпоху викингов лежала ниже водной поверхности, а ее уровень с тех пор снизился примерно на шесть с половиной футов (2 м). Проливы, ведущие в залив, скорее всего, были сложными, а подводные препятствия могли служить надежной защитой от нежеланных гостей. В отличие от Бирки и Хедебю здесь нет никаких следов защитных сооружений.

По некоторым утверждениям, находки из Каупанга показывают, что его расцвет продолжался с начала IX до первых лет X веков, но, как и в отношении всех этих объектов, установить дату и характер первых этапов его истории очень трудно. Оттар свидетельствовал о том, что в конце IX века здесь существовал порт, и найденные материалы не противоречат версии, что этот торг, как и другие, впервые обрел значимость именно в это время. Похоже, что нет свидетельств, вынуждающих нас предположить, что этот город стал важным центром торговли намного быстрее, чем Хедебю или Бирка. Но представляется очевидным, что заброшен он был раньше, чем каждое из этих поселений, вероятно, из-за понижения уровня воды.

Найденный в Каупанге материал происходит из различных областей как Скандинавии, так и остального мира. Это украшения с Британских островов, посуда из Рейнской области, стекло из Западной Европы, а некоторые предметы указывают на существование связей с Восточной Прибалтикой. Характер этих находок хорошо отражают шесть монет, найденных к настоящему времени³⁰. Одна из них — английская, это пенни короля Мерсии Кенвульфа (796–822 гг.), а остальные сохранились в виде фрагментов: один из них некогда был денье Людовика Благочестивого (814–840), два — купфическими дирхемами, один из которых, по-видимому, был отчеканен Аббасидами примерно в 780–830 гг. Еще один обломок принадлежит монете, вероятно, выпущенной в Бирке во второй половине IX века, а шестой идентификации не поддается. Одна из наиболее интересных черт Каупанга заключается в том, что его окраины чрезвычайно богаты захоронениями эпохи викингов, и это означает, что богатства Каупанга распределялись между многими семьями, жившими на южных подступах к реке Логен³¹.

Естественно, вопрос о том, какими товарами торговали в Каупанге, породил множество споров. На первый взгляд его расположение не выглядит удобным для торговли мехами или шкурами, и хотя Каупанг вполне мог экспортировать железо и мыльный камень, едва ли он этим оправдывал свое существование. Руководившая раскопками этого объекта миссис Шарлотта Блайндхейм недавно высказала предположение о том, что важными статьями экспорта Каупанга были рыба и гагачий пух. Чтобы дело стоило свеч, рыбу надо было вывозить в больших объемах, но Оттар упоминал о том, что из Каупанга путь лежал в Хедебю, что сильно затруднило бы крупные перевозки рыбы. Это, как и тот факт, что рыба не являлась исключительно скандинав-

ским продуктом, делает ее менее вероятной статьёй экспорта из Каупанга, чем пух, который вполне мог пользоваться таким же спросом, как и в более поздние времена, будучи к тому же легким и не везде доступным. Оттар посетил *Скирингисаль* во время путешествия с севера в Хедебю, и это говорит о том, что, следуя из богатых пушниной и шкурами северных земель, купцы могли регулярно заходить туда по пути на юг. Плавание напрямик через Северное море, конечно, не было невозможным, но маршрут по защищенным водам к востоку от Ютландии был безопаснее, по крайней мере, с точки зрения стихии. Каупанг был очень удачным исходным пунктом для завершающей стадии путешествия в Хедебю, и не только для жителей севера, вроде Оттара, но и для людей из восточной и центральной части Норвегии. Более того, нельзя исключить, что путешественники, направлявшиеся в Хедебю, собирались в Каупанге, чтобы в случае опасности сообща дать отпор пиратам. Это можно назвать как минимум разумной мерой предосторожности.

Тот факт, что Бирка, Хедебю и Каупанг были центрами торговли, ясен, но, рассуждая об их значении, важно признать, что в Балтийском регионе существовали и другие пункты такого же рода, и, возможно, еще немало их будет обнаружено в Скандинавии. В Норвегии есть несколько мест под названием Каупанг, и некоторые из них могут быть такими же древними, как Каупанг в Вестфоле. Безусловно, известны районы, где наблюдается такая же концентрация могил эпохи викингов, как и на окраинах Каупанга³². Торговым центром эпохи викингов может оказаться и Вастергарн на побережье Готланда примерно в 15 милях (25 км) от Визби³³. В Вастергарне имеется крупный полукруглый земляной вал, и есть гипотеза, согласно которой он служил защитой для торгового города, очень напоми-

нающего Хедебю и современного ему. Поверхностные раскопки ничего не дали, но местные крестьяне сообщают, что, копая глубокие канавы, они находят остатки дерева под слоем песка; возможно, на этом месте был поселок эпохи викингов, который был засыпан наносным песком, как датская деревня Линдхольм. Этот вопрос могут разрешить только раскопки, но если этот город действительно окажется подобным Бирке и Хедебю, у него будет, по крайней мере, одно существенное отличие. Другие пункты расположены в закрытых водоемах, доступ к которым относительно труден; Вастергарн открыт со стороны моря, и его было бы очень трудно защитить от морских грабителей. На южном и восточном побережье Балтийского моря также есть несколько торговых центров эпохи викингов. Самыми важными из них, вероятно, были Воллин в эстуарии реки Одер, охарактеризованный Адамом Бременским как весьма благородный город, торговый центр, богатый всеми товарами северных земель³⁴, и Новгород, древняя история которого теперь лучше известна благодаря широкомасштабным раскопкам, проведенным там за последние годы. И Воллин, и Новгород, видимо впервые приобрели значимость в X веке.

Мы уже называли некоторые причины, побуждающие считать Бирку, Хедебю и Каупанг торговыми городами, но прежде чем перейти к рассмотрению природы и направления деятельности, которая велась в этих городах, следует уделить внимание свидетельствам по поводу торговой активности эпохи викингов в целом. Слишком уж часто археологи и историки полагают, что те или иные материалы подтверждают существование торговли, тогда как на самом деле они доказывают лишь то, что некие предметы были перевезены из одного места в другое. Такие перемещения могли быть связаны с войной, пиратами, даже дарением, так что не стоит

слишком поспешно делать вывод о наличии торговли³⁶. Куфические деньги, которые в таких больших количествах попадали в Скандинавию в IX–X веках, могли представлять собой прибыль от торговых операций, но с тем же успехом и военную добычу или плату, полученную наемниками, как это было в случае английских монет, достигших севера в последующий период. Точно так же само по себе обнаружение предметов из Западной Европы в Швеции или Норвегии не может доказывать того, что они были привезены туда торговцами; они могли попасть туда в качестве добычи и даже подарков. Таким образом, желательно прежде всего рассмотреть, может ли версия о наличии торговли дать такое объяснение этим материальным контактам, чтобы здравомыслие подсказало нам предпочесть его иным, некоммерческим вариантам.

Некоторые предметы, несомненно, достигли места своего конечного назначения благодаря сочетанию торговли и пиратства. Первый корабль, на котором Ансгарий отплыл в Бирку, подвергся нападению морских разбойников, которые отобрали у святого его имущество, а согласно Римберту, в середине IX века пираты сильно затрудняли сообщение между Биркой и Западом³⁷. В XI веке Балтика все еще кишела пиратами, и Адам Бременский разъясняет, какую серьезную опасность они собой представляли³⁸. Многие клады, найденные на севере, вероятно, были закопаны из страха перед ними, да и многочисленность готландских кладов в период с середины X до начала XI века говорит о том, что в это время пираты были особенно активны³⁹. Однако разбойничий промысел приносит выгоду лишь тогда, когда существует потенциальная добыча. Пиратам нужны те, кого можно грабить. Более того, у них должна быть возможность обменять награбленное. Серебро, наверное, ценилось и как материал для

украшений, но пираты, не добывающие ничего, кроме серебра, при невозможности использовать его для покупки других вещей, рисковали умереть с голоду. Таким образом, само существование пиратов подразумевает как наличие богатств, которыми можно овладеть, так и возможность обратить эту добычу в прочие нужные вещи.

Обнаружение в Балтийском регионе серебряного лома, то есть серебряных предметов, которые были обрублены по краям, возможно с целью получить какой-то определенный вес, означает, что этот металл использовался в качестве инструмента обмена. Какая-то часть этого лома могла пойти в уплату кровной мести или каких-то иных древних штрафов, но его слишком много для того, чтобы посчитать такое его употребление единственным. Наличие очень большого количества фрагментов монет также подсказывает вывод о том, что серебро использовалось в торговле. Расчленение серебряных дирхемов и пенни надвое, натрое или на какие-то другие части говорит о потребности в небольших количествах серебра, которая может возникнуть при торговом обмене. На то, что внутри Скандинавии и Балтийского региона существовал товарообмен, указывает и бросающееся в глаза однообразие монет в кладах, найденных в одной и той же области и относящихся к одному и тому же времени⁴⁰. Медленный, но неуклонный процесс изменения состава этих кладов, а также то, как распределялись в них доступные в то или иное время монеты, например византийские⁴¹, говорит о существовании такого денежного оборота, который едва ли можно объяснить плодами обычного разбоя или жалованья, полученного наемниками. Разумеется, в эпоху викингов в Скандинавии и Балтийском регионе имели место и война, и пиратство, но была также и торговля.

На Руси, видимо, бытовала аналогичная смесь обмена и насилия. Константин Багрянородный описывает, как правители Киевской Руси вместе со своей дружиной торговали в Константинополе товарами, которые успели отобрать за зиму у соседних славянских племен⁴², и точно таким же путем, видимо, приобретались товары, сбываемые другими *русами* мусульманским купцам в Булгарии. Эти операции не были чисто коммерческими, ведь объектом продажи являлась дань. Однако отчасти это был коммерческий процесс. *Русы*, будь то в Киеве или в других местах, взимали дань со славян и финнов, чтобы продать ее в Булгарии или Византии.

До конца эпохи викингов деятельность Киевской Руси имела очень небольшое значение для Скандинавии, если оно вообще было; для последней важнейшим рынком был исламский Восток⁴³. Мусульманские купцы прибывали из земель, необыкновенно богатых серебром, и закупали на рынках Булгарии самые разнообразные северные товары. В числе наиболее ценных были меха и рабы, но не они одни интересовали покупателей. По словам Аль-Мукаддаси, персидского географа конца X века, из Булгарии вывозили такие товары, как конские и козьи шкуры, стрелы, мечи, оружие, овец, скот, соколов, березовую древесину, грецкие орехи, воск, мед, а также разнообразные меха и славянских рабов⁴⁴. Скандинавы не были единственным предприимчивым народом, готовым извлечь выгоду из существующего спроса, так как болгары и сами взимали дань со своих соседей, а дальше к югу, в Хазарии, существовали и другие рынки, где киевские *русы* могли вести свои дела, и недостатка в свидетельствах, доказывающих, что скандинавы принимали, по крайней мере, какое-то участие в этой торговле, нет. Ибн Рустах⁴⁵ рассказывает о *русах*, живших на острове (или полуострове)

внутреннего озера, остров этот был покрыт лесом, а окружность его равнялась трем дневным переходам, правил этими людьми каган, и на своих кораблях они совершали набеги на славян. Они не обрабатывали земли, а жили за счет славян; их единственным занятием была торговля, и они продавали соболей и другие меха, а также рабов за монеты. Возможно, словом *русы* Ибн Рустах обозначал скандинавов, а не киевских *русов*; а вот в случае Ибн Фадлана, свидетельство которого особенно весомо, так как он был очевидцем описываемых им событий, и к тому же мы располагаем оригинальной рукописью его «*Risala*»⁴⁶, сомнений быть не может. Ибн Фадлан описывает захоронение в корабле одного из вождей *русов*, из чего становится ясно, что встреченные им в Булгарии люди были скандинавами. По его словам, когда *русские* купцы прибывали в Булгарию, они приносили жертвы своим богам, моля их о встрече с купцом, богатым дирхемами и динарами. Он также рассказывает, что *русские* мужчины дарили своим женам по ожерелью с каждого полученного ими десятка тысяч дирхемов, и у некоторых женщин было по несколько таких украшений. Его свидетельство доказывает, что в этот период скандинавские запасы серебра, которые, видимо, в любом случае, происходили из Булгарии, скапливались в руках у скандинавских купцов, которые в обмен могли предложить свои меха и славянских рабов. Конечно же, очень мала вероятность, что эти торговцы везли свои товары из самой Скандинавии — все то же самое было куда проще собрать в Северной Руси, однако большая часть вырученного серебра попадала на их родину, причем, возможно, сами купцы и переправляли туда свои монеты.

Разумеется, может быть и так, что какая-то часть скандинавского серебра представляла собой добычу, захваченную у мусульман или у славян, торговавших с

мусульманами, но факты опровергают предположение о том, что это был главный способ его приобретения. Мусульманские хроники действительно сообщают о нескольких набегах *руссов*, но они не выглядят особенно удачными или частыми, к тому же, по крайней мере, некоторые из этих вылазок были совершены киевлянами, а не скандинавами⁴⁷. Идентичность скандинавских и русских кладов IX века можно воспринимать как доказательство того, что часть скандинавского серебра была собрана не в Булгарии, а на Руси. Но самые новые монеты в кладах из этих двух регионов, как правило, отличаются по своему происхождению, по крайней мере, в третьей четверти IX века, и это означает, что скандинавское серебро поступало напрямую из Булгарии, а не из тех монет, которые в то время вращались на Руси⁴⁸. В X веке подобных отличий не наблюдается, и нельзя исключить, что какую-то часть серебра дали Скандинавии набеги на Русь; однако ничто в русской исторической традиции этого не подтверждает, к тому же отсутствует достаточная концентрация кладов, подобная той, какую можно видеть в X веке на острове Готланд, которая указывала бы на серьезный всплеск насилия и грабежа, тем самым давая объяснение серебряному изобилию в Скандинавии. Куфическое серебро Скандинавии было приобретено по большей части, если не исключительно, путем торговли. Продаваемые товары, возможно, добывались с помощью насилия, а распределение поступающего в Балтийский регион серебра, по крайней мере какой-то его части, шло при участии пиратов, но тем не менее имела место и коммерция. И на севере, и на Руси скандинавы, несомненно, проявляли себя как предприимчивые торговцы.

Найденные в Скандинавии предметы IX века доказывают существование материальных контактов между Скандинавией и Западом, а сведения, приводимые в

«Житии Ансгария», позволяют предположить, что отчасти это общение могло осуществляться путем торговли. Предметы из Бирки и других мест Восточной Скандинавии говорят о том, что по своему значению эти западные контакты сильно уступали восточным, и находки, сделанные в Бирке, не противоречат допущению, что в начале IX века отношения с Западом были для нее важнее, чем впоследствии. То, что были найдены две английские монеты середины IX века и франкское серебро первой половины того же столетия, конечно же, не является доказательством того, что они попали в Бирку до 860 г. Но вероятность того, что в самом начале века в Бирке производились монеты франкского образца⁴⁹, говорит в пользу утверждения Римберта о наличии этих связей с Западом, а отсутствие франкских монет в период после правления Карла Лысого (840–875) согласуется с его рассказом о том, что в середине века пираты чрезвычайно затрудняли сообщение между Биркой и Западом.

Высказывается предположение о том, что ранние торговые контакты между Скандинавией и Западом развивались навстречу мусульманскому спросу на северные товары, а при использовании альтернативных маршрутов через Русь, этот спрос падал⁵⁰. Не исключено, что часть торговой деятельности Дорестада косвенным образом связывала его с мусульманами⁵¹, ведь они как минимум предоставляли рынок для реализации рабов, но упадок этой торговли разумнее всего объяснить увеличением опасности, с которой было сопряжено путешествие по морю. Выдвигается также и гипотеза о том, что в действительности Хедебю и Бирка вовсе не являлись скандинавскими городами, а были основаны западными купцами. Так, Бирку называют фризским торговым поселением⁵². В этой гипотезе нет ничего достойного одобрения. Она не подтверждается

данными археологии, ибо в Бирке нет как могил фризского типа, так и материальных находок, происхождение которых способно доказать ее западные истоки. Постулат, согласно которому торговля с Западом велась такими товарами, как ткани, пища, соль и вино, которые не могли оставить заметных следов, не вызывает никакого доверия. Невозможно представить себе торговлю исключительно такими товарами, которые исчезают без остатка, как и того, что эта торговля могла быть настолько продуманной, что западные монеты не попадали на север, а куфические на запад. То, что куфические монеты до 890 г. концентрировались лишь в Восточной Балтике и на востоке Скандинавии, представляет собой весомый довод, опровергающий возможность оживленных контактов между Западной Европой и Севером⁵³. Когда куфическое серебро стало шире распространяться по Скандинавии и вывозиться на Британские острова, то инициатива, по-видимому, принадлежала скандинавам, а именно шведам. Скандинавские клады показывают, что в конце IX и начале X века серебро должно было вывозиться из Балтийского региона в немалых количествах. Это тот самый период, когда куфические монеты встречаются в кладах на Британских островах⁵⁴. Нельзя посчитать простым совпадением и тот факт, что это был период шведского завоевания Хедебю и величайшего процветания этого города⁵⁵. Не может быть случайным и то, что, по-видимому, экспорт серебра из Балтийского региона прекратился именно в тот период, когда контроль над Хедебю перешел из рук шведов к германскому королю⁵⁶. Таким образом, имел место короткий промежуток примерно в четыре десятка лет начиная с конца IX века, когда часть огромных богатств Скандинавии употреблялась для покупки западноевропейских товаров. После германского завоевания Хедебю отток серебра, видимо,

был резко уменьшен, если не полностью прекращен, но поступать на север серебро не перестало. Бирка продолжала поддерживать тесные отношения с Востоком, и для нее это было временем наивысшего расцвета. Распространение серебра, которое продолжали зарабатывать в Бургарии скандинавские купцы, теперь было более или менее ограничено Скандинавией, но зато здесь оно оказывалось очень широким, за что следует в равной мере благодарить и пиратов и торговцев. Как представляется, Восточная Балтика в это время была практически полностью отрезана от Западной Европы, но Западная Скандинавия, особенно Норвегия, поддерживала отношения с Британскими островами. В Норвегии было обнаружено значительное число предметов с Британских островов, и хотя некоторые из них могли представлять собой военную добычу, нельзя исключить и существования торговых связей⁵⁷. Визит Оттара ко двору Альфреда, скорее всего, доказывает, что уже в это время норвежцы могли привозить свои товары в Англию, а в начале X века, когда изрядная часть Англии находилась в руках норвежцев, эти контакты, возможно, еще упрочились. До 954 г. Йорк являлся центром скандинавского королевства, а затем еще долгое время средоточием скандинавского влияния. Недавний обзор находок эпохи викингов из этого города говорит о том, что и после 954 г. отношения между Йорком и Скандинавией были такими же оживленными, как и раньше⁵⁸. В Ирландии скандинавы обосновались в городах как «остмены», то есть люди с востока, и Дублин стал значимым для западных частей Британских островов центром торговли, но это произошло не в X, а XI веке⁵⁹. На мысль о том, что в X веке отношения Британских островов со Скандинавией сводились к связям с Норвегией, в которых торговля, вероятно, играла не меньшую роль, чем что бы

то ни было другое, наводит тот факт, что каждые три из четырех найденных в Скандинавии английских монет, отчеканенных до 975 г., были выпущены в районе Честера и Йорка⁶⁰. Хотя некоторые из них найдены в Дании, попали они туда, вероятно, через Норвегию; быть может, пять британских монет X века, найденных в Бирке, три из которых также происходят из этого северного района Британии, прибыли тем же путем.

Доказательством почти исключительно восточной направленности торговли Бирки в середине X века служит внезапное исчезновение этого города с прекращением поступлений серебра из Булгарии. В Скандинавии очень немного куфических монет, отчеканенных между 965 и 983 гг., а когда они снова начали достигать севера, то уже по другому маршруту и из центральной, а не из восточной части исламского мира⁶¹. Хотя точно причина перерыва в импорте серебра в Скандинавию из Булгарии неизвестна, она вполне могла лежать в растущем могуществе Киева; но последствия этого перерыва для Бирки весьма красноречивы. Прежде всего они говорят о том, насколько сильно Бирка зависела от своей торговли с Востоком. Если бы у Бирки были обширные торговые контакты с Южной и Западной Балтикой или с Западной Европой, она могла бы выжить, пусть даже будучи серьезно ослабленной. Еще важнее то, что тесная связь между упадком Бирки и прекращением импорта серебра из Булгарии доказывает — Бирка в первую очередь была не пунктом накопления товаров для продажи за мусульманское серебро в Булгарии, а рынком, на котором тратились вырученные в Булгарии монеты. Если бы в Бирке концентрировались меха и другие товары для отправки в Булгарию, то упразднение маршрута на Волгу означало бы лишь то, что купцам пришлось бы найти себе каких-то новых покупателей. А потенциальные покупатели,

разумеется, существовали, как это вскоре доказали жители Готланда. Бирка не нашла нового рынка для своих товаров, потому что экспорт для нее никогда не имел особого значения. Купцы привозили в Бирку серебро и использовали его для приобретения предметов роскоши и первой необходимости, украшений, пищевых продуктов и оружия. Возможно, Бирка являлась важнейшим в Скандинавии пунктом распределения куфического серебра. Эту значимость сообщали ей богатые серебром купцы из Булгарии. Когда они перестали приезжать в Бирку, она исчезла.

Для Западной Европы прекращение притока серебра имело даже еще более серьезные последствия, ибо пираты, благоденствовавшие на богатствах Балтийского региона, были вынуждены обратить свое внимание на другие области, чтобы найти новые источники добычи. Они нашли их на Западе, где запасы серебра постоянно возрастали, благодаря серебряным рудникам в горах Гарца, которые, очевидно, стали играть важную роль в середине X века. Продуманные денежные реформы, проведенные в конце правления Эдгара, указывают на то, что в конце столетия Англия также не испытывала недостатка в серебре⁶². Без сомнения, скандинавские грабители обнаружили там огромные богатства, как единодушно свидетельствуют «Англосаксонская хроника» и монетные клады Скандинавии. Источник английского серебра не вполне известен, но некоторая его часть, вероятно, происходила из гор Гарца. По-видимому, в начале XI века Лондон вел оживленную торговлю с Рейнской областью, а расположение крупнейших городов в середине XI века также показывает, насколько большое значение для Англии в то время имели торговые отношения с Германией и Фландрией⁶³. Благополучие Англии в немалой степени зависело от экспорта шерсти в ткацкие города Фландрии, которые

уже тогда начинали играть все более важную роль. Каков бы ни был исходный источник английского серебра, в конце X и начале XI веков им безжалостно завладевали банды викингов — как, впрочем, и германским, а когда Англия была завоевана, необходимость оплачивать датских наемников по-прежнему истощала ее богатства.

Серебро, достигавшее Скандинавии примерно после 980 г., отнюдь не было добычей или жалованьем наемников. Обнаруженное там в столь значительных количествах германское серебро, в котором, особенно на Готланде, не было недостатка до конца XI века, отчасти представляло собой прибыль от торговли, которую со знанием дела вели жители Готланда. Ключ к разгадке дает Адам Бременский, который рассказывает о *Sembi* или *Pruzzi*, живших на острове *Samland*, «весьма человеколюбивых людях, отправляющихся на помощь тем, кто терпит бедствие на море или подвергся нападению пиратов»⁶⁴. И далее: «Золото и серебро они ценят очень мало. В изобилии у них диковинные меха, слава которых отравила наш мир смертным ядом гордости. Но на эти меха они взирают как на истинные нечистоты, к нашему стыду, как я полагаю, ибо мы всеми правдами и неправдами стремимся к мантии из шкурок куницы, как к высшему счастью. Поэтому они отдают свой бесценный куний мех за шерстяные одеяния, называемые *faldones*». Прав Адам в этом описании *Sembi* или нет, но не может быть сомнения в том, что его слова чрезвычайно хорошо согласуются с положением готландцев. Конечно же, они не знали изобилия серебра и золота. Местных мехов у них не было, но они имели тесные связи с богатыми пушниной регионами Карелии, где во множестве найдены готландские украшения XI века⁶⁵. По археологическим данным, для Карелии это время было чрезвычайно богатым, и, похоже, к XI веку

готландцы уже начали наведываться в Новгород, где впоследствии вели активную торговлю. Именно из этой области, где пушнина, безусловно, отличалась дешевой, готландцы могли вывозить ее на Запад, продавая там с огромной прибылью, причем часть выручки составляли ткани, которые можно было реализовать в Карелии и других местах. Корабли у готландцев, разумеется, имелись, и об их совершенстве красноречиво говорят резные камни этого острова⁶⁶; причем, по всей вероятности, осадка их была небольшой, так как гавани у Готланда отсутствовали. Его жителям приходилось использовать суда, которые было легко вытащить на сушу, и этот легкий флот с малым водоизмещением обеспечивал им огромное преимущество при торговле предметами роскоши. Двигаясь вверх по течению русских рек, они могли проникать очень далеко, может быть, даже до самого Новгорода, при этом им не приходилось перегружать свои товары с корабля на корабль, а лучшей защитой от пиратов им, вероятно, служила скорость⁶⁷. Германские монеты, которые в таком изобилии встречаются на Готланде, а также на русском Севере, наверное, представляют собой следствие этой выгодной торговли.

В XI веке, как и на более ранних этапах эпохи викингов, основным товаром при торговле с отдаленными областями были предметы роскоши⁶⁸, и именно требованиям такой торговли так замечательно соответствовали скандинавские суда. С развитием грузовых перевозок эти преимущества сошли на нет. Как правило, торговля предметами роскоши с удаленными областями привлекает самое большое внимание. Однако не стоит забывать, что в это же самое время в Скандинавии и Балтийском регионе бытовала более ограниченная в пространстве купля-продажа, возможно, даже охватывавшая предметы первой необходимо-

сти, а стимулом для нее послужило богатство, накопленное людьми, имевшими коммерческие отношения с Булгарией. Именно эта торговля местного значения внутри Скандинавии стала причиной возникновения скоплений монет, как в дальней от берега части Каупанга, а также их равномерного распространения по обширным северным областям.

Профессор Грирсон, недавно заметивший, что викинги имели значение для европейской торговли, так как, «накапливая свои богатства, они, естественно, побуждали предприимчивых купцов стремиться освободить их от излишков, предлагая в обмен товары», видимо, имел в виду прежде всего средства, полученные викингами за счет христианских государств Запада⁶⁹. Однако его суждение не меньше подходит к ситуации внутри Скандинавии, где были собраны огромные запасы серебра, а купцы, предлагавшие в обмен на него свои товары, были скандинавами, а не выходцами с Запада. О том, что это развитие местной торговли имело последствия для дальнейшей экономической истории Скандинавии, говорит тот факт, что один из самых широко распространенных городских законов средневековой Скандинавии был известен как закон Бьерке, и не может быть больших сомнений в том, что его наименование восходит к острову Бьерке на озере Меларен, где некогда процветал один из самых важных, если не самый главный из таких местных рынков Скандинавии⁷⁰.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ: ОБЗОР ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Несмотря на неоднократные попытки объяснить взрыв активности скандинавов в эпоху викингов и огромное разнообразие предлагаемых интерпретаций, некоторые ученые все еще считают их недостаточными. Более тридцати лет назад Томас Кендрик заявил, что «невозможно в окончательной и удовлетворительной формулировке объяснить грандиозный натиск северных народов, известный как экспансия викингов»¹, а впоследствии его взгляд поддержал Уоллас-Хэдрилл: «Скандинавские атаки так и не получили соответствующего объяснения»². В основе этого впечатления лежит уверенность в том, что нападения и миграция такого незаурядного масштаба требуют столь же незаурядного объяснения. Эту мысль недвусмысленно высказал Кендрик: «Вполне возможно, что наиболее настоящими мотивами (викингов) были перенаселенность, нехватка земель и политические неурядицы, но все же... надо согласиться, что ни вместе, ни по отдельности они не выглядят достаточными, чтобы объяснить столь значительные и столь продолжительные миграции»³. Однако одна из основных задач данной книги заключалась в том, чтобы показать, что, по крайней мере когда речь идет о Западной Европе, размах нападений и

плотность колонизации были сильно преувеличены. Это произошло в результате того, что суждения и оценки писателей того времени слишком охотно принимались учеными на веру, и этим мнениям было позволено оказывать недопустимое влияние на интерпретацию письменных данных. Если с этим согласиться, устраняется главная помеха интерпретации «натиска викингов»; стоит только признать наличие предрассудков и преувеличений в первичных источниках, появляется возможность рассматривать набеги викингов не как небывалое и необъяснимое бедствие, а как продолжение обычной для Темных веков деятельности, которой в этом случае способствовали специфические обстоятельства, обеспечивая ей прибыльность.

Ни скандинавам, ни народам Западной Европы не были чужды война и кровопролитие. Еще задолго до вторжения викингов в христианский мир его летописи были полны войн и боевых действий. Борьба, как между кланами, так и между королевствами, была знакома всем. Люди воевали по многим причинам — чтобы отстоять свои права или отобрать чужое, свести счеты за обиды, покарать за неподчинение, снискать славу, завоевать награду, продолжить старинную распрю, расширить королевство. Франки воевали друг с другом, и в VI веке Григорий Турский с ужасом и непониманием описывает их междоусобные схватки. Вражда была основной темой поэзии, а из всех добродетелей более всего восхвалялись и выше всего ценились воинские: верность своему вождю, храбрость, искусное владение оружием. Воины были стовым хребтом общества; Беда⁴ считал их защитниками его родной земли от варваров (это были христианские варвары), ибо короли и военачальники были основой власти. В VIII веке, как и во времена Тацита, «германцам мир был не по вкусу; добыть славу легче в

испытаниях, и нет иного средства содержать большую дружину, кроме насилия и войны»⁵. Ничто не говорит о том, что в этом отношении скандинавское общество решительно отличалось от того христианского мира, который мы знаем по письменным источникам. Впечатление, что скандинавы, нападавшие на побережья Западной Европы, не были лишены военного опыта, подтверждают и богато убранные оружием захоронения, если это вообще нужно доказывать.

Хроники и другие памятники письменности христианского Запада обычно довольствуются сообщением о результате битвы или войны, отмечая победу или поражение того или иного короля. Лишь изредка в произведениях таких авторов, как Григорий Турский или Беда, есть шанс обнаружить что-то по поводу разрушений, страданий и разорения населения, вызванных подобными конфликтами. Очень многое остается невысказанным, и нам не суждено узнать, сколько крови пролилось в схватке, о которой хронист упомянул в следующей лаконичной записи: «И в этом году (776 г.) мерсийцы и жители Кента сражались в Отфорде»⁶. Однако это незнание не дает нам права допускать, что внутренние раздоры, имевшие место до прихода викингов, были не серьезней мышинной возни. Конечно, мы очень подробно информированы о значительных размерах разрушений, произведенных викингами, но вовсе не потому, что нанесенный ими ущерб был больше, чем тот, что нанесли друг другу жители Западной Европы. Объяснение очень простое — викинги были язычниками, а не христианами и нападали на церкви, к которым их христианские «собратья» обычно относились с почтением.

Было бы нелепо заявлять, что конфликты VII–VIII веков совсем не затрагивали хронистов, которые о них писали, но они, безусловно, задевали их не так непосредственно и жестоко, как нападения викингов. До появле-

ния викингов церковные и монастырские сокровища христианского мира находились в большей или меньшей безопасности от алчности светского общества. Миряне признавали силу духовных санкций, охраняющих эти места, и в некотором смысле эти богатства были их собственными. Ограбить церковь значило ограбить самих себя. В любом случае, если возникала потребность, мирянам не нужно было прибегать к силе, чтобы настоять на своем. Карл Мартелл и Этельбалд Мерсийский восстановили против себя Церковь тем, что отнимали ее земли и привилегии. В демонстрациях силы не было нужды. Хронистов, авторов житий и других церковных писателей, у которых нам в первую очередь приходится черпать свои познания об этом периоде, очень редко прямо или ощутимо затрагивали распри того мира, в котором они жили, чего нельзя сказать о том, что ожидало их после прихода викингов. Имеющиеся у нас записи VII–VIII веков представляют собой скудные сообщения о победах и поражениях, о сменах государей. Королевства появляются и исчезают как в калейдоскопе; за этими меняющимися картинами мы редко видим жестокие реалии власти.

Когда на сцене появились викинги, церкви впервые подверглись полномасштабному разграблению от рук вооруженных банд. Против этих язычников все кары духовенства, обеспечивавшие безопасность святыни и сокровища Церкви, были бессильны. Единственным средством, способным остановить скандинавов, были защитные сооружения с сильным гарнизоном или готовая к бою армия. Если же таковые отсутствовали, нападавшие требовали дани, разграбляя церкви в случае отказа, и духовенство, естественно, выражало свое недовольство. Едва ли стоит удивляться тому, что жертвы проявляли столь пламенную ненависть к этим язычникам, но нельзя предполагать, что все люди думали точно

так же, ибо реакция светской аристократии и крестьян неизвестна. Однако имеются признаки того, что реакция некоторых людей не была однозначно враждебной, а кое-кто даже приветствовал пришельцев. В Англии, как и во Франкской империи, были люди, готовые присоединиться к викингам в их грабежах, помочь им, обратиться к ним за содействием или заключить с ними союз⁷. По крайней мере, для кого-то викинги были не более чем затруднением, дополнительным фактором в уже запутанном мире их ссор и споров. Междоусобные войны сыновьей Людовика Благочестивого могут показаться нам странными, но у Григория Турского или у Карла Великого они удивления не вызвали бы. Подобные раздоры были содержанием франкской жизни, в которой викинги были всего лишь трудностью, существование которой иногда приветствовали, но всегда признавали. Когда в 858 г. Карл Лысый напрягал все силы в борьбе против скандинавских разбойников, его брат вторгся в земли Западно-Франкского королевства и потребовал присяги на верность от его вассалов⁸. С точки зрения многих церковнослужителей это было низким предательством, но раз такое вообще могло произойти, — а многие воины Карла действительно перешли от него на сторону брата, — значит, поражение иноземцев не было первой заботой франков. У них были другие, более важные дела.

В то время, будучи бичом для христиан, викинги в глазах многих мирян выглядели обычными завоевателями, с которыми выгодно или удобно было бы найти общий язык. Набеги викингов не так уж сильно отличались от нападений саксов на франков или франков на саксов и аваров. Карл Великий действительно был преисполнен сознанием своей христианской миссии, но и его гнала вперед необходимость вознаграждать своих последователей землями и богатствами.

Для скандинавов походы викингов на Запад были не более чем следующим шагом в обычной для их собственного общества деятельности, шагом, возможность и выгодность которого обеспечивали особые обстоятельства. Выгода вытекала прежде всего из того факта, что церкви и монастыри Запада скопили огромные богатства. Часто незащищенные, расположенные на одиноких островах или вблизи побережья, они были легкой добычей, и первые викинги, наверное, были не меньше, чем их жертвы, удивлены той легкостью, с которой им удавалось захватить богатые трофеи. Как только о такой возможности стало известно, новость эта, должно быть, распространилась быстро, и неудивительно, что количество разбойников быстро увеличилось. Нападавшие находились в выгодном положении не только в силу доступности сокровищ, но и благодаря тактическим преимуществам, которые обеспечивало им нападение с моря. Сухопутные грабители, вроде саксов, вторгшихся в Рейнскую провинцию, могли двигаться очень быстро, но весть об их приходе всегда летела впереди них. Когда же приходили викинги, вероятность оповещения была очень мала, а это значит, что времени для подготовки сопротивления было недостаточно. К тому же у викингов всегда был безопасный путь к отступлению — они всегда приходили с моря.

Нападавшие, по крайней мере многие из них, желали не только добычи. Им нужна была земля для поселения. С самого начала скандинавских набегов на Западную Европу поиск земель был немаловажным фактором, и попытки провести грань между первыми викингами, искавшими добычи, и позднейшими, стремившимися к захвату земель, абсолютно ошибочны. О датских нападениях мы осведомлены лучше, чем о норвежских, но именно последние могут считаться самыми ранними. Согласно «Англосаксонской хронике»,

первая атака датчан на Англию произошла в 835 г., первая их зимовка на ее территории имела место в 851 г., а первое упоминание о колониях в Нортумбрии относится к 876 г. Не взирая на то, что эти поселения 876 г. могли быть не первыми, впечатление о том, что появлению первых колоний предшествовало примерно сорок лет набегов, не означает, что самые ранние викинги не были так же заинтересованы в колонизации. Тот факт, что они зимовали на Западе, а более ранние грабители вполне могли пережидать холода на континенте, говорит о том, что они не были простыми разбойниками, пускающимися в путь лишь для того, чтобы захватить добычу, а после вернуться домой. Повторно пересечь Северное море было бы ненамного труднее, и это было бы безопасней, чем разбивать лагерь на враждебной территории. Предположение о том, что первые колонии возникли в 876 г., само по себе неоправданно. Уже в 826 г. некоторые датчане обосновались в устье Везера, а в 841 г. возникли их поселения в устье Рейна⁹. Эти факты нельзя отвести, как не имеющие отношения к делу; они были частью одного движения, направленного в равной степени на поиск земель и захват добычи. Подобно франкским воинам, эти датчане жаждали земель. Связь между набегами и поиском земель наиболее ярко иллюстрирует отрывок из «Англосаксонской хроники», описывающий распад датской *here* в 896 г. Эта *here*, провоевавшая в Англии четыре года, распалась; по словам хроники: «Затем летом этого года датская *here* разделилась, одна часть направилась в Восточную Англию, а другая в Нортумбрию; те же, у кого не было денег, достали себе корабли и поплыли на юг через море к Сене»¹⁰. Разница понятна: те, кому удалось скопить средства, необходимые для поселения, остались, другие же, кто не смог этого сделать, поплыли через Ла-Манш,

чтобы добыть их. Набеги были способом накопления капитала для создания колоний. Это подтверждается данными археологических раскопок в Дании. Одним из самых поразительных фактов скандинавской археологии эпохи викингов является чрезвычайно малое количество западноевропейских монет старше 950 г., обнаруженных в Скандинавии¹¹. Выдвигаются различные объяснения, например такое, что серебро расплавлялось в слитки, так как скандинавы находились на домонетной стадии и не признавали ценности серебра в монетах. Однако как уже говорилось в одной из предыдущих глав, это мнение не находит доказательств. Гораздо логичнее сделать вывод о том, что серебро, которое, согласно хроникам, поступало в огромных количествах, так и не достигало Скандинавии. Датчане рассматривали его как предварительное условие колонизации, и в 896 г. те, у кого не было денег, не основали поселения, а вынуждены были продолжить свои поиски в другом месте. Скорее всего, большая часть добычи тратилась на питье, пищу и одежду, но возможно и то, что какая-то ее доля пускалась на приобретение земли¹². С образованием основных колоний в Англии и Нормандии острота этой потребности уменьшилась, и поиск земель стал менее насущным. Это может быть одной из причин того, что после первых нескольких лет X века в набегах устанавливается затишье. Время от времени совершались единичные вылазки, иногда, возможно, из Скандинавии, но чаще из уже существующих колоний. Для датчан проблема колонизации утратила свою злободневность.

О норвежских колониях нам известно не так много, по крайней мере о ранних этапах колонизации, но и здесь все говорит о том, что набеги были лишь одной из сторон поиска новых земель. Если бы основной заботой норвежцев была добыча, почему они не опере-

дили датчан в их грабительских экспедициях в Англию? Почему после своих первых нападений на монастыри Нортумбрии они большую часть времени проводили на куда более бедных и удаленных островах на севере и западе? Разумно предположить, что набеги на Нортумбрию были лишь эпизодом в процессе колонизации, а не главной целью. Хотя датировка таких археологических пунктов, как Ярлшоф, и не позволяет нам утверждать определенно, что в 800 г. эти поселения уже существовали, у нас нет оснований полагать, что таких ранних поселений не существовало. Разумеется, освоение Исландии и процесс перемещения с севера Ирландии через Ирландское море на север Англии подчеркивает значение колонизации для норвежцев, а заселение ими Ирландии, по-видимому, началось до 830 г., если не раньше¹³. Как и в Дании, в Норвегии необычайно редки западноевропейские монеты IX века. Можно предположить, что деятельность норвежцев разворачивалась на территориях, где монет не находят, а соответственно, и добыча их была представлена в какой-то другой форме; в областях, знакомых с деньгами в виде монеты, орудовали датчане. Тогда тем более удивительно, что в Норвегии встречаются более древние монеты, чем в Дании¹⁴, и не менее примечательно, что самых древних кладов в Норвегии очень мало¹⁵. Клад из Хона уникален во многих отношениях, и не в последнюю очередь благодаря своей древности. Отсутствие кладов IX века может быть связано как со спокойствием ситуации в Норвегии, упраздняющим необходимость прятать имущество, так и с дефицитом самих ценностей, но и первое и второе удивительно, если смотреть с традиционной точки зрения. Если, возвращаясь домой, норвежцы и привозили с собой огромные богатства, то маловероятно, чтобы они также приносили с собой мир. Часто говорят, что норвежские захоро-

нения полны сокровищ из Западной Европы, которые нередко трактуются как добыча¹⁶. Но, по крайней мере, некоторые из западноевропейских предметов, найденных в Норвегии, с той же вероятностью могли быть ввезены в качестве подарков или товаров для продажи. Более того, бросается в глаза то, что лишь очень небольшая часть этого привозного материала обнаруживается в могилах начала эпохи викингов. Единственная разновидность импорта, которая встречается в могилах IX века — кельтские украшения, которые находят в основном на западе Норвегии, и сами по себе они едва ли оправдывают гипотезу о том, что с Запада в Норвегию шел мощный поток захваченной викингами добычи.

Нет ничего удивительного в том, что раз начавшись, нападения повторялись снова и снова. У военачальников, скорее всего, не возникало трудностей при вербовке участников экспедиций на Запад. Если чему и стоит удивляться, так это тому, что походы в Англию так долго откладывались. Чтобы быть удовлетворительным, любое объяснение набегов викингов должно ответить на вопрос, почему норвежские набеги начались в конце VIII века, а не в другое время, и почему датчане последовали примеру норвежцев с таким отставанием.

Можно возразить, что эти возможности были открыты лишь благодаря случайности, и как только это произошло, активность викингов возросла. Это звучало бы убедительнее, если бы до конца VIII века скандинавы были полностью отрезаны от Запада. Однако между ними имело место множество контактов, и хотя они, вероятно, не были прямыми, до Дании и Норвегии, скорее всего, доходили вести о богатствах Англии¹⁷. После своих первых нападений на Нортумбрию норвежцы не стали грабить монастыри, расположенные южнее. Они могли это сделать, ведь у них были корабли,

и к тому времени они уже должны были знать о такой возможности. Что бы мы ни думали об их познаниях в первой половине VIII века, то после набегов на Линдисфарн и Портленд мы едва ли вправе предполагать, что они не ведали о заманчивых перспективах, которые сулила Англия. Тот факт, что эти норвежцы тогда не слишком потревожили Англию, должен означать, что их больше интересовал поиск земель для колонизации. Возможно, что норвежские набеги и колонизация начались именно тогда, когда дефицит земельных ресурсов на их родине стал по-настоящему острым. Резкое увеличение количества могил в начале эпохи викингов вполне может указывать на стремительный рост населения в этот период, что и побудило некоторых людей эмигрировать¹⁸. Возможно, еще важнее то, что только в это время скандинавы научились строить корабли, на которых можно было без напрасного риска решиться на путешествие к Шотландским островам¹⁹. Как только стало известно о возможностях, предоставляемых новыми землями, это, конечно, послужило мощным стимулом для усовершенствования кораблей в свете опыта, приобретенного первыми путешественниками. Таким образом, неожиданное появление норвежцев в Западной Европе стало возможным отчасти благодаря эволюции этих судов и необходимым по причине потребности в земле.

Почему же тогда датские набеги и колонизация начались настолько позже, чем норвежские? Немногие из традиционных интерпретаций деятельности викингов могут равным образом объяснить и норвежские, и датские набеги. Так, например, существует предположение, что путь викингам открыли франки, положив конец морскому могуществу фризов, но это объяснение неубедительно в том, что касается датчан, а к норвежцам вообще не имеет отношения²⁰. В любом случае, нет

никаких подтверждений тому, что фризы когда-либо обладали таким влиянием на море, какое подразумевается в этой гипотезе. Если оно вообще существовало, то франки, скорее всего, содействовали ему, а Карл Великий предпринимал меры для улучшения оборонительных сооружений вдоль побережья Фрисландии²¹. Захват Фрисландии франками в VIII веке — это не лучшее объяснение датских рейдов в IX. Аналогичная хронологическая сложность придает зыбкость и другому объяснению, говорящему, что набеги викингов были ответом на завоевание франками Саксонии²². Соседство франков и датчан должно было, скорее, препятствовать набегам, чем способствовать, и, возможно, какую-то роль в отсрочивании датских атак могли сыграть франкская дипломатия и миссии. И правда, высказывается мнение о том, что поддержка, которую оказывали франки сильным скандинавским королям, спасла Запад от преждевременного начала набегов и что только со смертью Хорика в 854 г. рейды по-настоящему набрали силу. О политической ситуации внутри Дании в этот период известно слишком немного, чтобы питать к этим объяснениям излишнее доверие. Фрэнк Стен-тон пошел еще дальше и заявил, что «при королях, подобных Хорику, создание Денло в Англии было бы невозможным»²³. Это означает, что Хорику приписывается большая власть, чем та, которой могли реально располагать он и другие правители того времени. После 854 г. характер набегов не претерпел заметных изменений, а кроме того, нет ни малейших доказательств того, что Хорик успешно препятствовал морским набегам своих земляков. На самом же деле, один из крупнейших набегов на памяти составителя «Англо-саксонской хроники» произошел как раз в 851 г. Невозможно представить себе, чтобы какому-то из правителей того времени, будь то Хорик или Карл Великий,

удалось бы остановить таких искателей приключений, какими были викинги. Безусловно, внутренняя политика Дании сказывалась на выборе участников набегов, но это влияние было лишь вторичным, и от нее не зависело, быть или не быть набегам и поселениям. Существует и другой подход, состоящий в анализе ситуации в Западной Европе и предлагающий, вместе со Стинstrupом, вывод о том, что датчан как магнит притягивали внутренние неурядицы²⁴. Разумеется, они ими пользовались, и даже может быть, что их пригласили участвовать в западноевропейских распрях, но это тоже не более чем второстепенный фактор. Внутренние противоречия раздирали франкское, английское и ирландское общества задолго до начала набегов викингов, и в основе предположения о том, что эти атаки были развязаны с падением власти Людовика Благочестивого в начале 830-х гг., кроется серьезное недопонимание характера франкского общества в предшествующий период и пренебрежение тем неудобным фактом, что первые норвежские набеги имели место за двадцать лет до смерти Карла Великого.

Однако нет оснований полагать, что датская и норвежская активность были обусловлены разными причинами. Обе группы исходно были заинтересованы в поиске земель. Датская экспансия вполне могла начаться позже норвежской по той простой причине, что в Дании нехватка земельных ресурсов достигла своей остроты позднее, чем в Норвегии. Хотя Норвегия обладает большими земельными ресурсами, они трудны для обработки, и датский ландшафт мог обеспечивать нужды растущего населения дольше, чем норвежский. Тот факт, что датские и норвежские набеги начались в разное время, труднообъясним лишь до тех пор, пока мы допускаем, что нападавших интересовала только добыча, но если их задачей был поиск новых земель для

создания поселений, то уже несложно понять, почему норвежцы стали действовать раньше. И датчане, и норвежцы были в состоянии искать новые земли за морем, так как располагали вполне надежными судами. К тому же эти корабли давали им огромные преимущества в военных конфликтах, а сочетанию колонизации со стычками удивляться не следует. Однако завоевание не было задачей военных действий и рейдов. Цель состояла в накоплении капитала для нужд колонизации, и приобретать землю викинги могли даже путем покупки. На это указывает и поразительное отсутствие в Скандинавии западноевропейских сокровищ, и запись «Англосаксонской хроники» за 896 г. И еще одно подтверждение — в Англии их поселения сосредоточены не на лучших землях, а на территориях, которые, видимо, в то время не были заняты местным населением²⁵. На эпоху викингов пришлось начало средневекового процесса внутренней колонизации. С возникновением в IX веке колоний дефицит земли в Дании уменьшился, хотя норвежцы, земельные ресурсы у которых были более обширными, но менее доступными, чем у датчан, продолжали эмигрировать в Исландию не только из Норвегии, но также из своих первых колоний на Британских островах.

Представляется, что деятельность шведов на Руси и норвежцев на Западе началась в одно и то же время. Киевская летопись с ее искусственной хронологией не пригодна для определения дат этого первого этапа шведской активности в России, но одну несомненную пограничную дату дают «Анналы Сен-Бертена», сообщающие, что еще до 839 г. группа шведов, называвшихся *Rhos*, достигла Византии. Внезапное появление ряда куфических кладов в различных частях России в 800–825 гг. говорит не только о том, что уже тогда в Россию поступало мусульманское сереб-

ро, но еще и о том, что для нее это время, возможно, было очень беспокойным. Похоже, что нарушители спокойствия прибыли с севера, где, примерно в то же самое время закапывались клады с таким же содержанием.

Сущность шведской активности в России в IX веке вызывает яростные споры, хотя фактических данных немного²⁶. «Анналы Сен-Бертена» утверждают, что король *Rhos'ov* назывался *Chacanus*, каган, а в начале X века Ибн Рустах говорит, что каган был у *русов*, причем термин этот применяется также к правителю хазар, живших в низовьях Дона и Волги. К концу IX века скандинавские воины, конечно, уже установили контроль над Киевом, и нельзя исключить того, что еще раньше аналогичные группы искателей приключений под предводительством военачальников, вполне достойных титула кагана, по крайней мере, с точки зрения византийцев или мусульман, добились более или менее прочной локальной власти на севере Руси. Эти завоеватели с севера, видимо, взымали дань с местных жителей и использовали ее для торговли с Византией, Хазарией и Булгарией. О таких взаимоотношениях упоминает Ибн Хордадбех в отрывке, который, будучи полон неясностей, возможно, означает, что некие *Rus'yi*, которых Ибн Хордадбех считал разновидностью славян, торговали прямо на Волге, а также с Византией и Хазарией²⁷.

Какой бы ни была трактовка этой скандинавской активности, одно ясно: не может быть, чтобы шведы когда-либо играли на Руси важную роль в качестве поселенцев. Их влияние на топонимы ограничивается речными маршрутами²⁸, и нет никаких археологических свидетельств, способных оправдать предположение о наличии там обширных по территории колоний с плотным населением. В финских захоронениях к юго-вос-

току от Ладожского озера, из которых раскопано около четырехсот, разумеется, имелось немало предметов, в особенности украшений, вероятно, попавших туда из Швеции²⁹, но это не должно вызывать удивления, если в X веке в этой области действовали скандинавы, добывая меха посредством насилия или обмена. Для того чтобы видимое сходство между этими захоронениями и могилами в районе озера Меларен можно было признать доказательством существования здесь скандинавской колонии, понадобится гораздо более пристальное изучение местных погребальных обрядов. Южнее, в Гнездове под Смоленском находится большое кладбище, о котором заявляют, что оно принадлежало шведской колонии, но лишь немногие его могилы можно отчетливо отождествить с захоронениями скандинавов³⁰. Сведения, предоставляемые этим кладбищем, производят практически то же впечатление, что и литературные источники, касающиеся Киева; а именно, что в конце IX и начале X века над этими сообществами господствовали скандинавские воины, но этот правящий класс, который никогда не был слишком многочисленным, скоро подвергся славянизации, хотя по-прежнему назывался *Rus*. Первые киевские князья носили, бесспорно, скандинавские имена, такие, как Олег (*Helgi*) и Игорь (*Inguar*), но в 942 г. представитель правящей династии впервые был наречен славянским именем Святослав.

При своих скандинавских или русских правителях Киев мало соприкасался с Балтийским регионом³¹. Военачальники жили за счет сбора и продажи дани. Их связи с Византией хорошо засвидетельствованы, хотя, возможно, и были преувеличены, так как, судя по свидетельствам нумизматики, киевские *русы*, подобно скандинавам, вырубали большую часть своего серебра у мусульманских купцов в Булгарии. Вероятно, они также

торговали и в Хазарии³². Для мусульман *русами* были и киевляне, и скандинавы, деятельность их не разграничивалась, и, по правде говоря, большинство упоминаний в мусульманских произведениях письменности, вероятно, относится именно к моментально ассимилировавшимся скандинавам с берегов Днепра³³.

На севере Руси действовали скандинавы, прибывшие из областей за пределами Балтийского региона. Они также назывались *русами* и собирали дань для продажи в Булгарии. Эта торговля в изобилии приносила Скандинавии и Балтийскому региону серебро, особенно после 890 г., когда при Саманидах, видимо, увеличилась его добыча, и именно тогда наибольшего расцвета достигли Бирка, Хедебю и другие северные города. Это процветание обеспечило питательную среду для пиратов и сделало Данию, через которую в течение короткого времени перетекала на Запад часть этого серебра, желанным призом, который оспаривали друг у друга шведская, германская и норвежская династии.

Поток куфического серебра с Волги на север иссяк в 965 г. или вскоре после него, а причиной тому могла стать война, которую в 965 г. вел в Булгарии Святослав³⁴. Если так, то Киевская Русь решающим образом повлияла на Скандинавию викингов, ведь не только исчез процветающий торговый город Бирка, разумеется, вместе с локальной торговлей, которую он стимулировал,— скандинавы, паразитировавшие на богатствах Балтики, вынуждены были обратить свое внимание на другие места. Они восполнили свои убытки за счет германцев и англичан.

«Восточная» фаза скандинавской истории была непродолжительной, и когда она закончилась, скандинавы вернулись к своим традиционным связям с Западной Европой. Ее ресурсы, будь то товары, такие, как меха, шкуры или железо, или искусство северян в металлур-

гии, судостроении и мореплавании, были ориентированы на Запад, сначала в ходе войны, а потом и во время мира. Взамен скандинавы получали не только богатство как награду за военную или коммерческую инициативу, но и многому научились, как в художественной, так и административной сфере³⁵. Важнее же всего то, что они получили новую религию — христианство. После своего обращения Скандинавия, наконец, в полной мере стала частью Европы. Не то чтобы христианство смягчило воинственный пыл скандинавов, ибо его умиротворяющее воздействие редко бывало ощутимым, но теперь скандинавы уже не были «аутсайдерами», а вместе со всей остальной Европой начали медленно двигаться по пути цивилизации. И в водах Британских островов, и в Балтийском море продолжался морской разбой, но он утратил былое значение, поскольку торговля предметами роскоши постепенно уступала место перевозкам более тяжелых товаров, так как в торговле люди начали ценить надежность. Скандинавы и прочие по-прежнему отправлялись в военные экспедиции в поисках земель и славы, в крестовые походы, в страны Леванта или на противоположный берег Балтийского моря; англо-норманны вторглись в Ирландию, англичане воевали с шотландцами, а французы с англичанами³⁶. Но эти войны были позволительными, так как разворачивались внутри христианского мира или же были направлены против язычников.

Исторические периоды являются субъективными порождениями наблюдателей, не важно являются они их современниками или нет, которые цепляются за какую-то существенную для них особенность, в свете которой и определяется некий «период». В IX, X и XI веках христианское общество Запада считало скандинавов чужими и странными, потому что они были язычниками. Историки, продолжающие эту традицию, как эхо

вторят реакциям этих христиан — современников викингов и берут на вооружение их критерии. Так была сфабрикована эпоха викингов. Она началась, когда жители Запада впервые узнали о чужаках с севера, прибывших в поисках земли, богатства и славы. Она закончилась, когда эти пришельцы перестали быть чужими.

АНАЛИЗ
РУССКИХ
КЛАДОВ
МОНЕТ

I. Клады

Доля куфических монет

Позднейшая монета в кладе	Область, где обнаружен клад	700	700	710	720	730	740	750	760	770
786	Петербург						6.9	6.9	6.9	41.4
805	Дон	2.6		1.3		1.3	1.3	2.6	5.1	23.1
808	Петербург	16.9	5.2	3.9	1.3	5.2		1.3	5.2	23.4
809	Курск	3.2	3.2		3.2		6.5	3.2	3.2	25.8
812	Ярославль	5.9	1.0	1.0		2.9	2.0	2.9	3.9	15.7
820	Чернигов	12.3	0.9	3.3	2.4	0.9	2.4	0.9	3.3	18.5
828/32	Ярославль	10.6	2.5	5.6	2.5	2.0	1.0	1.5	2.5	15.2
837 или 833/41	Эстония			0.2	0.2		2.3	4.1	8.8	17.3
842	Вятка	4.2	2.8	9.7	4.2	4.2		2.8		4.2
852	Витебск						4.2	4.2	4.2	8.3
861	Латвия				2.4				7.1	11.9
864	Новгород					1.0	6.4	2.5	4.9	11.3
868	Калуга						3.1		3.1	6.3
875	Курск			0.5		0.5	2.9	2.4	6.3	10.7
882	Полтава							4.9	4.9	11.5

* Таблицы «Клады IX века» и «Клады X и XI веков» взяты из 141-148.

IX века*

по десятилетиям (в процентах)

780	790	800	810	820	830	840	850	860	870	880	Число опознаваемых куфических монет в каждом кладе
37.9											29
33.3	26.9	2.6									78
18.2	10.4	9.1									77
19.4	16.1	16.1									31
22.5	27.5	11.8	2.9								102
23.7	17.5	8.1	5.2	0.5							211
14.1	10.1	17.2	9.6	5.1	0.5						198
9.2	13.5	25.7	14.4	2.9	1.3						444
9.7	9.7	12.5	12.5	12.5	8.9	1.4					72
4.2	8.3	37.5	16.7			8.3	4.2				24
9.5	14.3	23.8	19.0	4.8		4.8		2.4			42
4.4	11.3	27.8	6.4	0.5	4.4	5.9	6.4	6.9			203
	6.3	21.9	18.8			6.3	6.3	28.1			32
6.3	7.6	22.3	13.6	4.4	1.5	1.0	5.8	13.1	1.0		206
3.3	11.5	26.2	9.8	1.6	1.6	1.6	3.3	14.8	1.6	3.3	61

работы профессора Стуре Болина *Mynt och Myntfynd*, pp. 74–88.

II. Клады X

Доля куфических монет

Поздней- шая монета в кладе	Область, где обнаружен клад	889	890	900	910	920	930
905	Псков	11	45	44			
911	Могилев		18	65	17		
913/42	Чернигов		15	73	12		
916	Вятка		4	47	49		
935	Киев		5	17	20	36	22
935/42	Казань	2	2	4	18	42	31
943	Вильно		7	16	12	19	37
952/54	Эстония	1	5	17	18	21	23
952	Латвия	2	13	21	27	19	10
954	Эстония	1	11	16	26	16	8
955/60	Смоленск			6	2	6	20
969	Чернигов		3	4	11	18	12
976	Псков					4	12
976	Рязань		3				11
978	Могилев	1	3	5	7	10	14
994	Казань				3	3	
996/1031	Минск			4	5	5	7
1002	Латвия	5	3	10	15	8	18
1002/14	Эстония	7	4	26	8	14	11
1008	Казань						
1008	Полтава			1	1	1	5
1011/61	Псков			3	1	3	3
1013	Латвия	2	4	2	6	2	6
1014/24	Латвия		7	23	20	10	13
1016/35	Могилев	4	2	4	2	2	13
1030/39	Петербург	5	5	7	10	12	17
1039/56	Могилев				3	10	3
1059/71	Псков		1	1	1	2	11

и XI веков

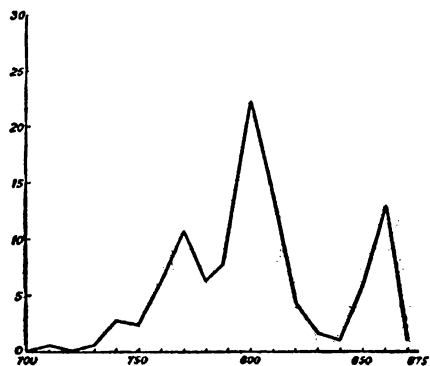
по десятилетиям (в процентах)

940	950	960	970	980	990	1000	1010	Число опознаваемых куфических монет в каждом кладе
								84
								76
								26
								394
								169
								45
9								108
12	3							722
4	4							48
14	8							97
25	41							64
14	15	23						114
18	24	28	14					59
11	20	46	9					35
10	15	23	12					162
3	3	3	21	46	19			37
15	17	24	23					75
20	5	8	3		3	3		39
14	3	1	3		6	3		72
			2	2	10	86		51
5	8	21	28	25	2	1		346
14	10	21	30	10	4	1		71
	27	25	8	2	4	8	4	49
7	3	10	3		3			39
15	4	13	13	10	11		6	52
27		2	5	2	2	2		40
	17	10	21	7	7	14	7	29
13	14	23	21	5	3	4	2	148

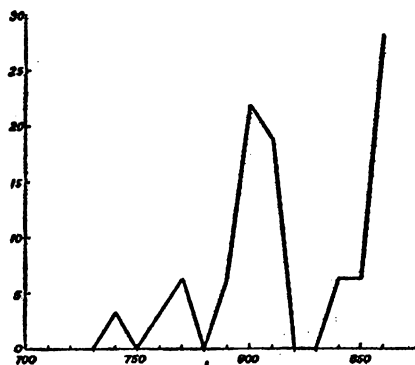

Рис. 12. Карта древнейших областей России

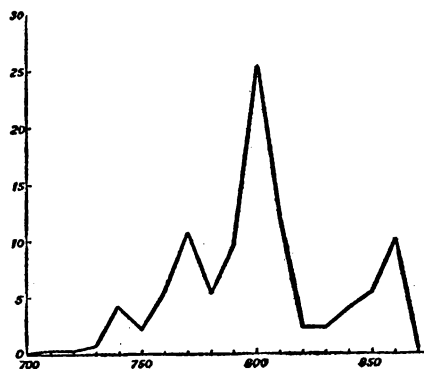
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ
СОСТАВ КЛАДОВ

а

б

в

Рис. 13.

Хронологический состав
русских кладов IX века.

(Цит. по: Sture Bolin,
Mynt och Myntfynd,
pp. 86, 87, 92)

- а Из Погребени, Суджа,
Курская обл.:
206 монет которые
удалось
идентифицировать,
самая новая из Багдада,
875 г. н. э.
- б Из Миснева, Лихвин,
Калужская обл.:
32 монеты которые
удалось
идентифицировать,
самая новая из
Армении, 868 г. н. э.
- в Пять кладов, новейшие
монеты в которых
относились
к 851–875 гг.:
507 монет которые
удалось
идентифицировать.

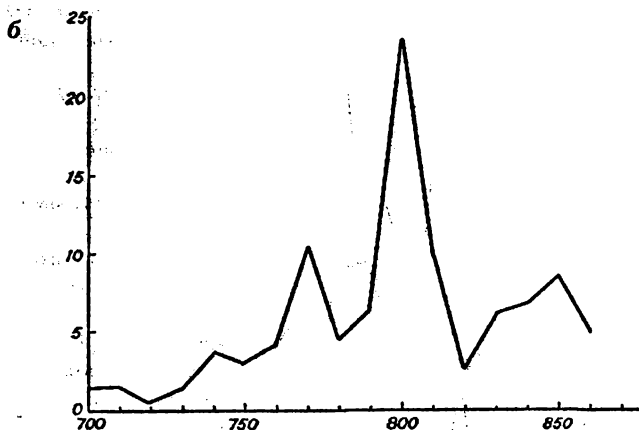
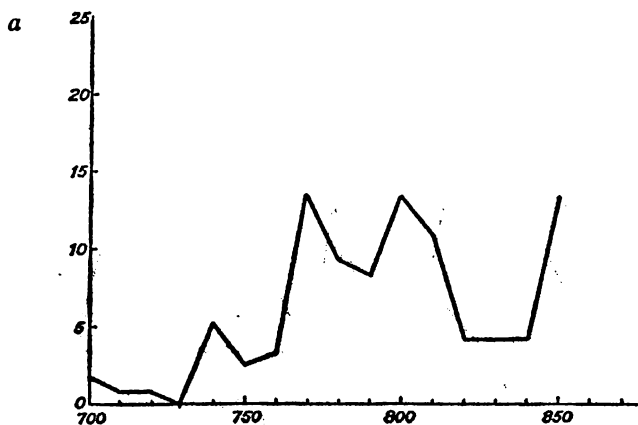

Рис. 14. Хронологический состав шведских кладов куфических монет IX века

- а** Из Фиттьяра, Упланд: 120 монет, которые удалось идентифицировать, самая новая из Ташкента, 864 г. н. э. (U. S. Linder, *NNA*, 1938, pp. 109–124).
- б** Четыре клада, новейшие монеты в которых относятся к 857–868 гг.: 1254 опознаваемые монеты. (Bolin, *Mynt och Myntfynd*, p. 217).

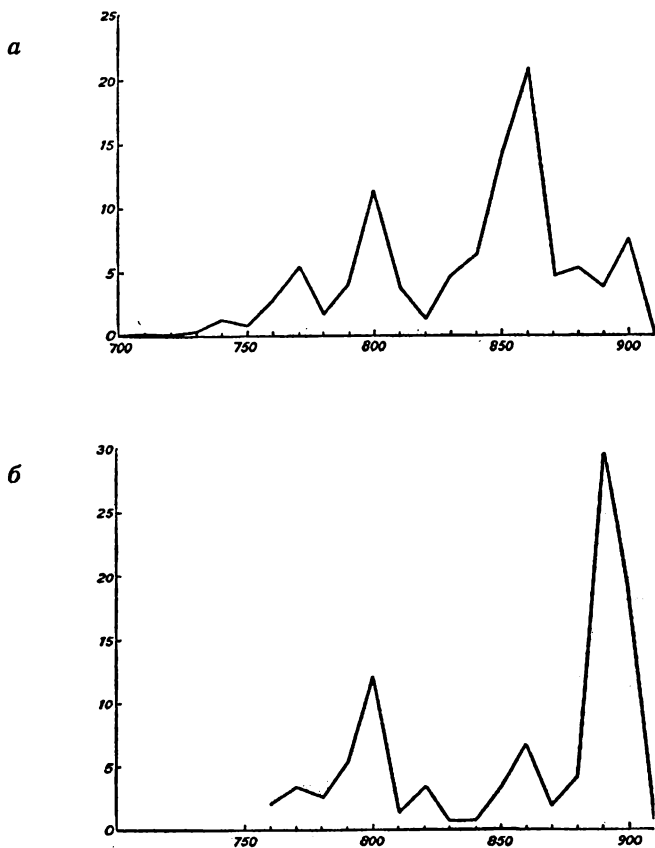
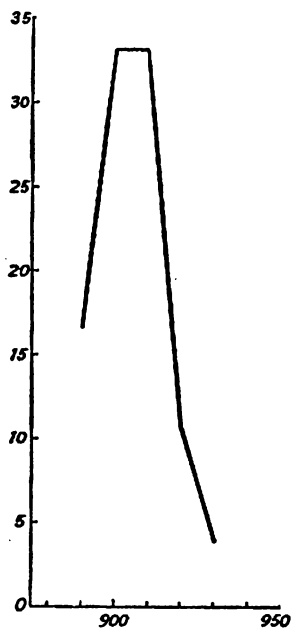
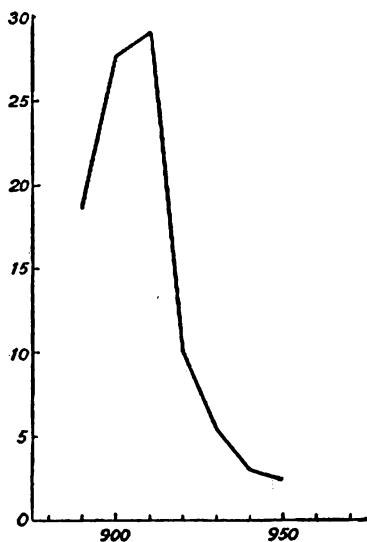

Рис. 15. Клад из Стора Велинге, Готланд, и Овер Рандлев, Дания

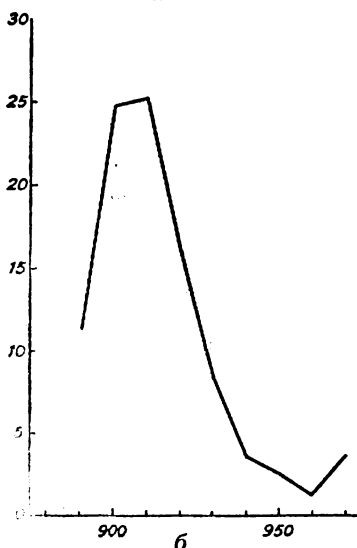
- а** Хронологический состав клада куфических монет из Стора Велинге, Готланд: 1902 монеты, которые удалось идентифицировать, самая новая саманидская, 910–911 гг. н. э. (U. S. Linder, *NNÅ*, 1941, pp. 74–119).
- б** Хронологический состав куфической части клада из Овер Рандлев, Дания: 150 монет, которые удалось идентифицировать, самая новая саманидская, 910–911 гг. н. э. (G. Galster, *Numismatisk Forenings Medlemsblad*, XIV (1934), pp. 18–22, 33–42).

а

б

в

Рис. 16. Хронологический состав куфической части готландских кладов (Sture Bolin, *Mynt och Myntfynd*, p. 247)

- а Пять кладов, новейшие монеты в которых относятся к 930–939 гг.: 1079 монет, которые удалось идентифицировать как куфические.
- б Девять кладов, новейшие монеты в которых относятся к 950–959 гг.: 2040 монет, которые удалось идентифицировать как куфические.
- в Клады, новейшие монеты в которых относятся к 978–1016 гг.: 560 монет, которые удалось идентифицировать как куфические.

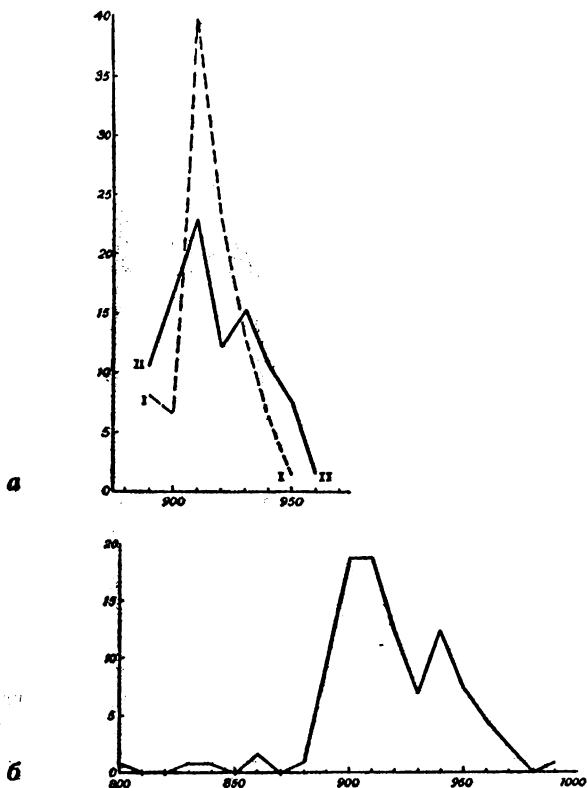

Рис. 17. Хронологический состав куфической части трех скандинавских кладов X века

а I Куфический клад из Холте, Оркедален, Норвегия: 61 монета, которую удалось идентифицировать, самая новая из Бухары, 950 г. н. э. (В. Hartmann, Т. Petersen, *Det Kgl. Norske Videnskabs Selskabs Skrifter*, 1916, № 9).

II Куфический клад из Салема, Швеция: 65 монет, которые удалось идентифицировать, самая новая из Хирата в Хорасане, 970 г. (U. S. Linder, «Salemsfyndet», *Kultur Historiska Studier, tillägnade Nils Åberg*, Stockholm, 1938, pp. 166–180).

б Клад из Ваалсе, Фальстер, Дания: 130 монет, которые удалось идентифицировать, самые новые из Самарканда и Ташкента, 971–972. (C. J. Thomsen, J. C. Lindberg, «Fund ved Vaalse paa Falster», *Annales for Nordisk Oldkyndighed*, 1842–1843, pp. 21–142).

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

AA	<i>Acta Archaeologica</i>
ANOH	<i>Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie</i>
Birka I	Holger Arbman, <i>Birka Untersuchungen und Studien I, Die Gräber</i> , I текст, II иллюстрации (KVHAA, 1940, 1943)
EHD	Dorothy Whitelock, <i>English Historical Documents c. 500–1042</i> (London, 1955)
KHL	<i>Kulturhistorisk Leksikon for nordisk middlealder</i> , опубликовано 7 томов, Abbed-Judar (København, 1956–1961)
KVHAA	Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien
NNÅ	<i>Nordisk Numismatisk Årsskrift</i>
SG	Mårten Stenberger, <i>Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit</i> , 2 т. (KVHAA, 1947, 1958)
Skovmand R.	Skovmand, <i>De danske Skattefund fra Vikingetiden og den ældste Middelalder indtil omkring 1150</i> (ANOH, 1942)
SS. R. G.	Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum
UOÅ	<i>Universitets Oldsaksamlings Årbok</i> (Oslo)
VA	<i>Viking Antiquities in Great Britain and Ireland</i> , ред. H. Shetelig, 6 т. (Oslo, 1940–1954)

1. Введение

1. EHD, p. 776.
2. EHD, p. 166.
3. Общие работы по эпохе викингов с упоминанием этих и других набегов, см. на с. 333–335.
4. A. W. Brøgger, *Ancient Emigrants*, главы III и IV; C. Marstrander, *Bidrag til det norske sprogs historie i Irland* (Scrifter utgit av Videnskapselskapet i Kristiania, 1915, II Hist.-Filos. Kl., no. 5), p. 128–35; H. Shetelig, VA, I, 56–7; J. Petersen, VA, V, 7–12.
5. См. с. 47–48.
6. Arndt Ruprecht, *Die Ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften* (Palaestra bd. 224, 1958), p. 125–165.

7. G. Turville-Petre, *The Heroic Age of Scandinavia* (1951), p. 97–98.

8. См. с. 239–240.

9. Люсьен Мюссе подчеркнул это в *Cahiers de Civilisation Médiévale*, I (1958), p. 67.

10. Самое значительное из современных исследований принадлежит Фрицу Аскебергу, Fritz Askeberg, *Norden och kontinenten i gammal tid* (Uppsala, 1944), p. 114–183.

11. См. например: J. Brøndsted, *The Vikings* (1960), p. 299.

12. Marc Bloch, *La Société; Feodale: La Formation des Liens de Dépendance* (Paris, 1939), p. 30.

13. См. с. 54–55.

14. По поводу Адама см. с. 51–53. Высказывается мнение, что в IV.16, говоря о *Holmus'e*, Адам подразумевает Готланд, но последний не может быть назван «безопасной гаванью» (см. с. 274) и не являлся датским портом. Возможно, это указание на Борнхольм.

15. См. с. 273–274.

16. A. R. Lewis, *The Northern Seas, Shipping and Commerce in Northern Europe A. D. 300–1100* (Princeton, 1958), p. 149–150. По этому вопросу см.: P. Grierson, *English Historical Review*, LXXVI (1961), p. 311–315.

17. См. с. 181–202.

18. См. с. 149–151, 283–284.

19. См. с. 238.

20. См. с. 174, 248.

21. См. с. 206–210.

22. См. с. 276.

2. Письменные источники

1. *Two of the Saxon Chronicles Parallel*, II (Oxford), p. XXI.

2. Самое удобное введение в обширную литературу, посвященную «Англосаксонской хронике», см. у профессора Dorothy Whitelock, *EHD*, p. 109–116, 129–131 и G. N. Garmonsway, *The Anglo-Saxon Chronicle* (Everyman Library, 1953), p. XV–XLVIII. Цитируемый здесь перевод принадлежит Дороти Уайтлок, *EHD*, p. 136–325.

3. F. M. Stenton, *Essays in Medieval History Presented to T. F. Tout*, ред. A. G. Little, F. M. Powicke (Manchester, 1925), p. 20–21.

4. Составитель не мог закончить свою работу до 892 г., см. с. 33. Мы соглашаемся с этой датой из-за ее удобства, но не

следует забывать об отсутствии доказательств того, что он работал именно в этом году, а не в следующем десятилетии или даже позже.

5. A. Jean Thorogood, «The Anglo-Saxon Chronicle in the Reign of Ecgberht», *English Historical review*, XLVIII (1933), p. 353–363.

6. J. M. Wallace-Hadrill, «The Franks and the English in the Ninth Century», *History*, XXXV (1950), p. 202–18.

7. C. Plummer, *op. cit.*, II, p. LXV–LXVI; ср. D. Whitelock, *The Peterborough Chronicle* (Early English Manuscripts in Facsimile, IV, Copenhagen, 1954), p. 26–34.

8. Очень полезный список ирландских и других источников содержится в кн.: A. O. Anderson, *Early Sources of Scottish History A. D. 400 to 1286*, I (Edinburgh, 1922), p. XXI–CI.

9. T. Ó. Máille, *The Language of the Annals of Ulster* (Manchester, 1910), особенно p. 18–19, 118–119.

10. P. Walsh, *The Four Masters and their work* (Dublin, 1944).

11. Sean Mac Airt, *The Annals of Inisfallen* (Dublin, 1951).

12. Ред. J. H. Todd (Rolls Series, 48, 1867). По поводу его датировки см. A. O. Anderson, *op. cit.*, p. XXXIV–VI, XCIX, и A. J. Goedheer, *Irish and Norse Traditions about the Battle of Clontarf* (Haarlem, 1938), p. 1–12.

13. Ред. J. H. Todd, p. 50–51.

14. A. J. Goedheer, *op. cit.*, главы I и III.

15. P. Walsh, «The Dating of the Irish Annals», *Irish Historical Studies*, II (1941), p. 335–375.

16. В этой связи см.: A. Molinier, *Les Sources de l'Histoire de France*, I и II (Paris, 1902); A. Potthast, *Bibliotheca Historica medii aevi*, 2. Auflage (Berlin, 1895–1896). Много ценного библиографического материала по этим источникам и периоду можно найти в кн.: Dahlmann-Waitz, *Quellenkunde der Deutschen Geschichte*, 9. Auflage (Leipzig, 1931), а по периоду после 900 г. — в кн.: Wattenbach, *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Deutsche Kaiserzeit*, ред. Robert Holtzmann, I, I и II (Berlin, 1942–1943).

17. Loup de Ferrières, *Correspondance*, ред. L. Levillain, 2 т. (Les Classiques de l'Histoire de France au Moyen Age, 1927–1935).

18. *Annales Bertiniani*, ред. G. Waitz (SS. R. G., 1883).

19. H. Prentout, *Étude critique sur Dudon de Saint-Quentin* (Paris, 1916).

20. Ph. Lauer, *Les Annales de Flodoard* (Paris, 1905).

21. Richer, *Histoire de France* (888–995), ред. R. Latouche, 2 т. (Les Classiques de l'Histoire de France au Moyen Age, 1930–1937).

22. *Vita Anskarii auctore Rimberto*, ред. G. Waitz (SS. R. G., 1884). Ср. W. Levison, «Die Echte und die Verfälschte Gestalt

von Rimberts Vita Anskarii», *Zeitschrift der Vereins für Hamburgische Geschichte*, XXIII (1919), p. 89–146; id., «Zur würdigung von Rimberts Vita Anskarii», *Schriften des Vereins für Schleswig-Holsteinische Kirchengeschichte*, 2. Reihe (Beiträge und Mitteilungen) VIII, 2. Heft (Kiel, 1926), pp. 163–185. Эти два важных документа были переизданы в кн.: W. Levison, *Aus Rheinischer und Fränkischer Frühzeit* (Dusseldorf, 1948), pp. 567–630. Существует и английский перевод «Жития св. Анскара»: Charles H. Robinson, *Anskar, The Apostle of the North* (London, 1921).

23. Ред. В. Schmeidler (SS. R. G., 1917). В *KHL*, V, кол. 283–289 содержится удобный обзор всей проделанной с 1917 г. работы, а также хорошая библиография, составленная Стуре Болином. См. английский перевод в: F. J. Tschan, *History of the Archbishops of Hamburg-Bremen* (Columbia, 1959), который и цитируется здесь.

24. Cholon 142; ред. Schmeidler, p. 262; Tschan, *op. cit.*, p. 210.

25. I, LXI; ред. Schmeidler, p. 59; Tschan, *op. cit.*, pp. 52–53.

26. III, LIV; ред. Schmeidler, pp. 198–199; Tschan, *op. cit.*, pp. 160–161.

27. IV, VIII; ред. Schmeidler, pp. 235–2366; Tschan, *op. cit.*, pp. 191–192.

28. *King Alfred's Orosius*, ред. H. Sweet (Early English Text Society, 79, 1883), pp. 17–21.

29. Sture Bolin, «Danmark och Tyskland under Harald Gormson. Grudlinger i dansk historia under 900-talet», *Scandia*, IV (1931), pp. 184–209.

30. Adam of Bremen, II, XXX; ред. Schmeidler, pp. 91–92; ср. L. Weibull, *Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000* (København, 1911), pp. 91–101.

31. Theodricus Monachus, *Historia de antiquitate regum Norwagiensium*, ред. G. Storm, *Monumenta historica Norvegiae* (1880), p. 1–68; Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, ред. A. Holder (Strassburg, 1886). Относительно Саксона см.: A. Campbell, «Saxo Grammaticus and Scandinavian Historical Tradition», *Saga-Book of the Viking Society*, XIII, I (1946), pp. 1–22. По поводу более ранних произведений скандинавской письменности см.: Sture Bolin, *Om Nordens äldsta historieforskning* (Lunds Universitets Årsskrift, 1st Avd., band 27, no. 3, 1931). См. также *KHL*, VI, кол. 587–602.

32. G. Turville-Petre, *Origins of Icelandic Literature* (Oxford, 1953).

33. *Ibid.*, p. 89.

34. *Njal's Saga*, перевод Magnus Magnusson и Hermann Palsson (Penguin Books, 1960).

35. Лучшее введение в изучение Heimskringla, Истории норвежских королей, дает Peter Foote, см. пересмотренное и дополненное издание Everymann Edition (1961), p. VII-XXXI.

36. G. Turvill-Petre, *op. cit.*, pp. 26-47.

37. *Ibid.*, pp. 30-31.

38. Lee M. Hollander, *The Scalds* (Princeton, 1947), p. 151.

39. M. Ashdown, *English and Norse Documents relating to the reign of Ethelred the Unready* (Cambridge, 1930), p. 159. Цитируется по этому же переводу, с. 155-7.

40. Alistair Campbell, *Encomium Emmae Reginae* (Royal Historical Society, Camden 3rd ser., LXXII, 1949), p. 76. На с. 76-82 м-р Кэмпбелл рассматривает это стихотворение и освещает исландские традиционные повествования о жизни Олафа.

41. Sune Lindqvist, *Gotlands Bildsteine*, 2 т. (KVHAA, 1941-1942).

42. По поводу памятников рунической письменности в целом см.: Н. Arntz, *Handbuch der Runenkunde*, 2-е изд. (Halle, 1944).

43. Lis Jacobsen, «Vikingetidens 'historiske' danske Runeindskrifter. Bidrag til Spørgsmaalet om Runestenenes Tidsfæstelse», *Scandia*, V (1932), p. 103-147; Elias Wessén, *Historiska Runinskrifter* (KVHAA Handlingar, Filol.-Filos. Ser. 6, 1960).

44. L. Jacobsen и E. Moltke, *Danmarks Runeindskrifter*, I (København, 1942), no. 2 и 4.

45. Sture Bolin, *Scandia*, IV (1931), p. 189-192.

46. Lis Jacobsen, *Scandia*, V (1932), p. 113; *id.*, «Runeindskrifternes vidnesbyrd om kampene omkring Hedeby. Fra Harald Gormsson til Sven Estridsøn», *Scandia*, VIII (1935), p. 64-79.

47. Elias Wessén, *op. cit.*, p. 30-46.

48. S. H. Cross и O. P. Sherbowitz-Wetzor, *The Russian Primary Chronicle* (The Medieval Academy of America, Publication no. 60); см. также очень краткий обзор: K. P. Schmidt, *XIe Congrès International des Sciences Historiques*, 1960, Rapports, III, pp. 26-28.

49. По поводу этих имен см. V. Thomsen, *The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State* (Oxford, 1877), pp. 71-72, 131-141. Улучшенная версия этой авторитетной работы издана в кн.: Thomsen, *Samlede Afhandlinger*, I (København, 1919), pp. 231-414.

50. Cross и Sherbowitz-Wetzor, *op. cit.*, pp. 30-35.

51. A. A. Vasiliev, *The Russian Attack on Constantinople in 860* (The Mediaeval Academy of America, Publication no. 46, 1946).

52. Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, ред. G. Moravcsik и R. J. H. Jenkins (Budapest, 1949).

53. Полная библиография дана в кн.: V. Minorsky, *Hudūd al-'Ālam* («E. J. W. Gibb Memorial» Series, New Series, XI, 1937),

pp. 425–427. Перевод относящихся к *русам* текстов на норвежский язык с полезными комментариями см. в кн.: Harris Birke-land, *Nordens historie i middelalderen etter arabiske kilder* (Det Norske Videnskaps-Akademi Skrifter, II. Hist.-Filos. Klasse, 2. Bind, no. 2, 1954).

54. H. Birkeland, *op. cit.*, pp. 10–11.

55. V. Minorsky, *Hudūd al-'Ālam*, pp. 216–217.

56. H. Arbman, *The Vikings* (1960), p. 94; ср. H. Birkeland, *op. cit.*, p. 10–11, 134.

57. Лучшее и самое удобное рассмотрение этого вопроса см. в кн.: V. Minorsky, «Rus», *Encyclopedia of Islam*, 1-е изд., III (1936), pp. 1181–1183. Ср. библиографию, приведенную выше, в сноске 53.

58. H. Birkeland, *op. cit.*, pp. 19–24.

3. Археология

1. Thomas F. O'Rahilly, *Early Irish History and Mythology* (Dublin, 1946), p. 440.

2. Joseph Anderson, *Scotland in Pagan Times: The Iron Age* (Edinburgh, 1883), p. 43.

3. Mårten Stenberg и Ole Klindt-Jensen, *Vallhagar* (Copenhagen, 1955), II. 1161–1685.

4. Th. Ramskou, AA, XXIV (1953), pp. 186–196; XXVI (1955), pp. 177–854; XXVIII (1957), pp. 193–201; *Fra Nationalmuseets Arbejdsmark*, 1957, pp. 97–100; *Lindholm Høje* (Nationalmuseets Blå Bog, 1960).

5. См. с. 86.

6. См. с. 193–201.

7. См. главу 8.

8. Bertil Almgren, *Bronsnycklar och Djurornamentik*, pp. 70–97.

Позиция, отраженная в этой книге, вкратце изложена на английском языке в кн.: D. M. Wilson, «Almgren and Chronology», *Medieval Archaeology*, III (1959), pp. 12–19. См. также Bertil Almgren «Datering (av vikingatida kulturföremål)», *KHL*, III, col. 22–7.

9. См. главу 5.

10. *KHL*, I, col. 183–4.

11. H. Arbmann, *Schweden und das karolingische Reich* (KVHAA Handlingar 43, 1937), pp. 240–241.

12. G. Gjessing, *Viking*, VII (1943), pp. 105–111; Thorleif Sjøvold, *The Oseberg Find* (Oslo, 1959), pp. 80–81.

13. VA, VI, 103.

14. J. R. C. Hamilton, *Excavations at Jarlshof, Shetland* (Ministry of Works Archaeological Reports no. 1, Edinburgh, 1956), p. 129.
15. VA, V. 31–2, 92–3, 168, 207.
16. *Birka I*, могилы 495, 524.
17. Согласно Bertil Almgren, *Bronsnicklar*, p. 73, эта статистика почерпнута из кн.: Peter Paulsen, *Studien zur Wikinger-Kultur* (Neumunster, 1933), pp. 83–84, 86–87, 90–93, 95–100. Неточность некоторых сопоставлений, о которых здесь сообщается, компенсируют открытия, совершенные после 1933 г.
18. VA, VI. 102–103.
19. Haakon Shetelig, *Vestfoldskolen* (Osebergfundet III, Oslo, 1920).
20. Sune Lindqvist, «Osebergmästarna», *Tor*, 1948, p. 9–28.
21. Holger Arbmann, *The Vikings* (London, 1961), p. 122.
22. *Bronsnicklar och Djurornamentik*, pp. 88–95.
23. Harold Barker, «Radio Carbon Dating: Its Scope and Limitations», *Antiquity*, XXXII (1958), pp. 253–263. Он делает вывод о том, что «метод датировки с помощью углерода-14, в лучшем случае, устанавливает широкие хронологические рамки, а не точную дату».
24. O. Olsen и O. C. Pedersen, *AA*, XXIX (1958), pp. 174.
25. Sune Lindqvist, «Fuskhögar och falska båtgravar», *Tor*, IV (1958), pp. 101–112.
26. T. J. Arne, «Scandinavisches Holzkammergräber aus der Wikinerzeit in der Ukraine», *AA*, II (1931), pp. 285–302.
27. Holger Arman, *Svear i Österviking* (Stockholm, 1955), p. 94.
28. Например, Ибн Хурдадби, см. Harris Birkeland, *Nordens historie i middelalderen etter arabiske kilder*, p. 11. См. также список статей мусульманского импорта из Булгарии у Аль-Мукаддаси, цит. ниже, с. 265.
29. Предшествующие раскопки рассмотрены в кн.: T. J. Arne, *La Suède et l'Orient* (Archives d'Études Orientales, 9, Uppsala, 1914), pp. 37–44. относительно раскопок Д. А. Авдюшина см.: *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 30 (1949), с. 3–14; 44 (1952), с. 93–103; 38 (1951), с. 72–81.
30. *The Vikings*, p. 279.
31. VA, II–IV.
32. VA, VI. 77–9; C. Clarke и W. Fraser, «Excavations of Pagan Burial Mounds: Ingleby, Derbyshire», *Journal of the Derbyshire Archaeological and Natural Hist. Soc.*, no. LXVI (1946), pp. 1–23; no. LXIX (1949), pp. 78–81.
33. VA, VI. 86.

34. Это соображение предложил мне м-р P. S. Gelling, ср. B. R. S. и Eleanor Megaw в *The Early Cultures of North-West Europe* (H. M. Chadwick Memorial Studies), ред. Sir Cyril Fox и Bruce Dickins (Cambridge, 1950), pp. 146–147.
35. *Medieval Archaeology*, IV (1960), p. 140.
36. См. с. 193–201.
37. См. с. 260.
38. W. Hübener, «Zur Ausbreitung einiger fränkischer Keramikgruppen nach Nord- und Mitteleuropa im 9–12 Jahrhundert», *Archaeologia Geographica*, II (1951), pp. 105–111.
39. H. Jankuhn, *Haithabu* (1956), pp. 167–169.
40. См. Главу 5.

4. Корабли

1. См. общие исследования: A. W. Brøgger и H. Shetelig, *The Viking Ships: Their Ancestry and Evolution* (Oslo, 1953); Thorleif Sjøvold, *The Viking Ships* (Oslo, c. 1957); Harald Åkerlund, «Vikingatidens skepp och sjöväsen», *Svenska Kryssarklubbens årsskrift*, 1959, p. 23–81.
2. O. Olsen и O. C. Pedersen, «The Sculdlev Ships», *AA*, XXIX (1958), pp. 161–175.
3. H. Shetelig, «Das Nydamschiff», *AA*, I (1930), pp. 1–30.
4. Knud Thorvildsen, «*Ladby-skibet*» (Nordiske Fortidsminder, VI, I, Copenhagen, 1957); *id.*, «*Vikingskibet ved Ladby*» (Nationalmuseets Blå Bog, København, 1959).
5. Sune Lindqvist, *Gotlands Bildsteine*, 2 т. (KHVAA, 1941–2); по поводу кораблей см. *id.*, «Fartygsbylder från Gotlands forntid», *Föreningen Sveriges Sjöfartsmuseum I Stockholm årsbok*, 1941, pp. 9–24.
6. O. von Freisen, *Sparlösa stenarna* (KHVAA Handlingar 46, 3, 1940).
7. *The Bayeux Tapestry*, ред. Sir Frank Stenton (Phaidon Press, London, 1957).
8. См. с. 54–55.
9. N. Nicolaysen, *Langskibet fra Gokstad ved Sandefjord* (Kristiania, 1882); Thorleif Sjøvold, *The Viking Ships*, pp. 12–19.
10. M. Andersen, *Vikingfaerden* (Kristiania, 1895).
11. Harald Åkerlund, «Åss och Beiti-åss», *Unda Maris*, 1955–1956, pp. 30–91; «Vikingatidens skepp och sjöväsen», *Svenska Kryssarklubbens årsskrift*, 1959, pp. 23–81.
12. *Unda Maris*, 1955–1956, pp. 73–78.

13. Bertil Almgren, «Vikingatåg och vikingaskepp», *Tor*, VIII (1962), pp. 190.
14. Ph. Humbla и Н. Thomasson, «Äskekärrens båten», *Göteborgs och Bohusläns Fornminnesförenings Tidskrift*, 1934, pp. 1–34.
15. Н. Shetelig и Fr. Johannessen, *Kvalsundfundet og Andre norske myrfund av fartøier* (Bergen, 1929).
16. Ph. Humbla и L. von Post, «Galtabäcksbåten och tidigt båtbyggeri i Norden», *Göteborgs Kungl. Vetenskaps- och Vitterhetssamhälles Handlingar*, 1937.
17. Harald Akerlund, «Galtabäcksbåtens ålder och härstamning», *Göteborgs och Bohusläns Fornminnesförenings Tidskrift*, 1942, pp. 24–49.
18. См. выше, прим. 5.
19. По поводу Усеберга и Туне см.: Thorleif Sjøvold, *The Oseberg Find* (Oslo, 1959), pp. 19–30. 72–73; относительно Сторхаугена см.: А. Lorange, «Storhaugen paa Karmøen. Nyt Skibsfund fra Vikingetiden», *Bergens Museums Aarsberetning* за 1887 г., no. 4.
20. Вероятно, этому изменению способствовало растущее значение торговли товарами, более тяжелыми и объемными, чем обычные для коммерческой деятельности викингов предметы роскоши. См. Bertil Almgren, *Tor*, VIII (1962), pp. 196–198.
21. *EHD*, p. 189.
22. А. W. Brøgger и Н. Shetelig, *The Viking Ships*, pp. 201–204.
23. Представляется, что корабль из Аскекара, см. выше, прим. 14, и № 3 из Скулделева, см. прим. 2, были грузовыми. Ср. G. J. Marcus, *English Historical Review*, LXXI (1956), pp. 59–60.
24. J. Bosworth и Т. N. Toller, *An Anglo-Saxon Dictionary*, см. scegð; Н. Shetelig и Hj. Falk, *Scandinavian Archæology* (Oxford, 1937); pp. 373–374; ср. L. Musset, *Cahiers de Civilisation Médiévale*, I (1958), p. 63 прим., 81–2.
25. Brøgger и Shetelig, *op. cit.*, p. 192. В этом списке отсутствует корабль Кнута, о котором говорится, что у него было 120 весел.
26. F. Lot, *Bibliothèque de l'École des Chartes*, LXIX (1908), pp. 51–52.
27. *Osebergfundet*, ред. А. W. Brøgger, Hj. Falk и Н. Shetelig, I (Kristiania, 1917), pp. 240–242.

5. Клады

1. SG, II, анализ в таблицах.
2. SG, II, no. 83, 293, 427.
3. Skovmand, p. 169.

4. Самый удобный и лучший справочник по куфическим монетам Скандинавии и литературе о них — это Ulla S. Linder Welin, «Arabiska mynt», *KHL*, III, col. 78–80. См. также статьи того же автора «Dinar», *KHL*, III, col. 78–80 и «Dirhem», *KHL*, III, col. 98–100. В отношении Финляндии лучший обзор дает Beatrice Grandberg в *KHL*, I, col. 191–194.

5. *SG*, I, 256, 261.

6. T. J. Arne, *La Suède et l'Orient* (Archives d'Etudes Orientales, 8, Uppsala, 1914), p. 79.

7. *Ibid.*, pp. 70–71.

8. См. обзор золотых находок эпохи викингов в Скандинавии в кн.: Holger Arbman, «Guldsmede», *KHL*, V, col. 566–570.

9. Sigurd Grieg, *Vikingetidens skattefund* (Universitetets oldsaksamling skrifter, II, Oslo, 1929), pp. 182–198. О монетах см.: Hans Holst, «On the coins of the Hon-find», *Minor Publications of the Norwegian Numismatic Society*, no. 4 (1931); *id.*, «Nye bidrag til belysning av Honfunnets mynter», *NNA*, 1951, pp. 17–27.

10. Skovmand, pp. 71–74.

11. Mårten Stenberger и Ole Klindt-Jensen, *Vallhagar* (Copenhagen, 1955), II, 1161.

12. Hans Holst, *Minor Publications of the Norwegian Numismatic Society*, no. 4 (1931), p. 17.

13. *KHL*, V, col. 567.

14. Hans Holst, «Roman and Byzantine Gold and Silver Coins found in Norway», *Symbolae Osloenses*, XIV (1935), pp. 115–118; *id.*, «Uten- og innenlandske mynter I norske funn, nedlagt før år 1100», *NNA*, 1943, pp. 56–112.

15. См. с. 140–141.

16. Ulla S. Linder, *NNA*, 1938, p. 124.

17. *Birka I*, анализ в таблицах, pp. 490–529.

18. *SG*, II, no. 126.

19. *SG*, II, no. 590.

20. *SG*, II, no. 83.

21. *SG*, I, 24.

22. *SG*, I, 370.

23. Skovmand, p. 9 показывает, как выросло количество кладов, найденных в Дании, к 1940 г.

24. G. Hilding Rundqvist, *NNA*, 1946, pp. 36–77 и прим.

25. Серебряный лом — это серебро, раздробленное на куски, предположительно с целью получить определенный вес металла без внимания к его форме. См. краткое рассмотрение и ссылки в статье: Marten Stenberger, *KHL*, VI, col. 37–39.

26. Ulla S. Linder, «En uppländsk silverskatt från 800-talet», *NNA*, 1938, pp. 109–124.
27. См. с. 134–135.
28. См. с. 160–163.
29. G. Arwidsson, P. Berghaus, M. Dolley, B. Malmer и U. S. Linder Welin, «En vikingatida silverskatt från Gandarve i Alva på Gotland», *Gottländiskt Arkiv*, 1957, pp. 22–57.
30. P. Seaby, «The Sequence of Anglo-Saxon Coin Types, 1030–50», *British Numismatic Journal*, XXVIII (1955), pp. 111–146; R. H. M. Dolley, *Some Reflections on Hilderbrand Type A of Æthelraed II* (Antikvariskt Arkiv 9, 1958); R. H. M. Dolley и D. M. Metcalf, «The Reform of the Coinage under Eadgar», *Anglo-Saxon Coins*, ред. R. H. M. Dolley (London, 1961), pp. 136–168.
31. См. карты в: *Anglo-Saxon Coins*, ред. R. H. M. Dolley, pp. 150–151.
32. *Ibid.*, pp. 157–158.
33. *Ibid.*, p. 125.
34. P. Grierson, «Sterling», *ibid.*, pp. 266–283.
35. См. с. 142 и прим. 29.
36. F. Liebermann, *Die Gesetze der Anglesachsen II*, II (Halle, 1912), pp. 344–345; F. E. Harmer, *Anglo-Saxon Writs* (Manchester, 1952), pp. 439–440, 513–514.
37. *Commentationes de Nummis saeculorum IX–XI in Suecia Repertis*, I (KVHAA Hadlingar, Antikv. Ser. 9, 1961), p. 176 прим.
38. R. H. M. Dolley, «The Continental Coins in the Halton Moor Find and other Norman Deniers found in the British Isles», *Hamburger Beiträge zur Nummismatik*, IV (1958–59), pp. 53–57.
39. См. с. 165–167.
40. V. M. Emeleus, «The Technique of Neutron Activation Analysis as applied to trace element determination in pottery and coins», *Archaeometry*, I (1958), pp. 6–15.
41. Весьма ценный обзор этого вопроса в кн.: N. L. Rasmussen, «An Introduction to the Viking-Age Hoards», *Commentationes*, I (см. выше, прим. 37), pp. 3–16.
42. P. Hauberg, *Myntforhold og Udmyntninger I Danmark indtil 1146* (Copenhagen, 1900), pp. 15–16.
43. *EHD*, p. 176.
44. Kolbjørn Skaare, «Et Myntfunn fra Kaupang», *UOÅ*, 1958–1959, pp. 106–119; статья G. Galster, «Karolingiske mønter fundne i Danmark», *NNA*, 1951, pp. 28–40, была переведена в его же кн.: *Coins and History* (1959), pp. 65–78.
45. См. с. 161–163.
46. Kolbjørn Skaare, *UOÅ*, 1958–1959, pp. 110–114.

47. Sture Bolin, *Studier över Mynt och Myntfynd I Östra och Norra Europa under Vikingatiden*, pp. 83–92. Многие рассуждения, приводимые здесь, основаны на этой важной, но неопубликованной работе, и я очень признателен профессору Болину, предоставившему мне ее копию и позволившему ее цитировать. Профессор Болин опубликовал некоторые свои выводы в статье «Mohammed, Charlemagne and Ruric», *Scandinavian Economic History Review*, I (1953), pp. 5–39, которая представляет собой видоизмененный перевод статьи, впервые вышедшей в свет в *Scandia*, XII (1939), pp. 181–222. См. также: S. Bolin, «Gotlands Vikingatids-skatter och Världshandeln», *Boken om Gotland*, I (Visby, 1945), pp. 125–137.

48. S. Bolin, *Mynt och Myntfynd*, p. 218, таб. 50.

49. SG, I. 254–255; II, табличный анализ.

50. SG, II, no. 295.

51. Skovmand, p. 15, 47–49, 77–79.

52. *Ibid.*, pp. 22–23.

53. Ulla S. Linder, «Salemsfyndet», *Kulturhistoriska Studier, tillägnade Nils Åberg* (Stockholm, 1938), pp. 166–180.

54. Skovmand, pp. 15–23.

55. A. W. Brøgger, «Et mynt fund fra Foldøen I Ryfylke, Norge, fra XI Aarhundrede», *Anoh*, 1910, pp. 239–282.

56. Skovmand, pp. 192–196.

57. *Anglo-Saxon Coins*, ред. R. H. M. Dolley, pp. 163–165.

58. Клады особенно часто встречаются в областях, которые одновременно богаты и уязвимы, поэтому зарытые сокровища Готланда не вызывают удивления.

59. Это основано на анализе кладов в SG, II. Ср. исследование профессор Стенбергера в SG, I. 248–249, 152–253 и комментарии U. S. Linder Welin в KHL, I, col. 184.

60. Skovmand, pp. 188–193. Д-р Расмуссон привлек внимание к тому, что готландские клады концентрируются вокруг середины XI века, *Commentationes*, I (см. выше, прим. 37), p. 7.

61. G. Hilding Rundqvist, «Två silverskatter från Vikingatiden I Småländsk jord», *NNA*, 1946, pp. 35–74.

62. N. L. Rasmusson и Hans Holst, *KHL*, I, col. 428–431.

63. U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 184.

64. См. с. 120.

65. S. Bolin, *Mynt och Myntfynd I Europa*, pp. 218–219; *id.*, *Boken om Gotland*, I. 132.

66. См. с. 91–92.

67. *Mynt och Myntfynd*, pp. 102–105.

68. U. S. Linder Welin, *NNA*, 1938, pp. 113–114, 124.

69. U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 184–185.
70. Skovmand, p. 41.
71. *Birka I*. Это, разумеется, не означает, что обсуждаемые захоронения старше 890 г., ср. с. 176.
72. U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 186.
73. *Ibid.*, col. 186–187.
74. *AA*, XXVI (1955), p. 171 прим. и карта на p. 172.
75. *SG*, II, no. 83, 268, 280, 517, 525, 531,
76. Skovmand, pp. 111–113.
77. Kolbjørn Skaare, *NNA*, 1961, pp. 20–21.
78. U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 186–187; S. Bolin, *Mynt och Myntfynd i Europa*, pp. 119–123; *id.*, *Boken om Gotland*, I. 132.
79. S. Bolin, *Mynt och Myntfynd i Europa*, pp. 396–397; *id.*, *Studier över statsmakten och penningsväsendets grundprinciper i del romerska kejsarriket och den äldre madaltides tre kulturfärer* (неопубликовано), pp. 300–314; *id.*, *Scandinavian Economic History Review*, I (1953), pp. 19–22; U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 185–186.
80. См. с. 298–299.
81. Конечно, в эпоху викингов и на Руси, и в Скандинавии серебряные монеты переплавлялись на украшения. Суть здесь в том, что изменение, произошедшее в IX веке с русскими кладами, едва ли можно объяснить внезапным увеличением объема переплавки.
82. См. с. 265.
83. Профессор Болин заявил, что экспорт мусульманского серебра из России продолжался до 970 г., *Mynt och Myntfynd i Europa*, pp. 147–150, 479–480, и *Boken om Gotland*, I. 133.
84. Все одиннадцать кладов, обозначенных на карте в *AA*, XXVI (1955), p. 172, относятся к периоду 900–930 гг. Из всех британских кладов куфические монеты содержатся еще только в кладах из Кройдона, закопанных в 874–875 гг. и содержащих один дирхем Харун ал-Рашида и несколько фрагментов куфических монет, J. D. A. Thompson, *Inventory of British Coin Hoards, A. D. 600–1500* (1956), no. 111; и из Маккри, Ислэй, закопанных в 960–970 гг. с одним куфическим фрагментом, *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, I (1851–54), pp. 74–81.
85. *Mynt och Myntfynd i Europa*, p. 247, 360–361, 472–478; *Boken om Gotland*, I. 132–133.
86. *SG*, II, no. 105; S. Bolin, *Mynt och Myntfynd i Europa*, p. 240.
87. *Mynt och Myntfynd i Europa*, pp. 478–480; *Boken om Gotland*, I. 133.
88. См. с. 161–163.

89. U. S. Linder Welin, *KHL*, I, кол. 189.

90. Это очень отчетливо прослеживается в воспроизведенной здесь таблице профессора Болина, с. 212.

91. См. с. 292.

92. U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 189–190.

93. S. Bolin, *Mynt och Myntfynd i Europa*, pp. 493–496; U. S. Linder Welin, *KHL*, I, col. 189–190.

94. *SG*, I, 248–249; Skovmand, pp. 17–23.

95. P. Hauberg и J. Østrup, «Terslev-fundets Mønter», *ANOH*, 1914, pp. 63–75; ср. R. H. M. Dolley, *NNA*, 1957–58, p. 32, 37.

96. *EHD*, pp. 234–235.

97. См. с. 273–274.

98. *KHL*, II, кол. 428–431.

99. Полубрактиты представляют собой двусторонние монеты, настолько тонкие, что оттиск на каждой из сторон проглядывает на обороте. Лучшее введение в обширную литературу о них содержится в кн.: N. L. Rasmusson, «Birkamynt och Hedebymynt», *KHL*, I, col. 588–594.

100. По поводу скандинавских монет см. ред. Svend Aakjaer, *Mønt* (Nordisk Kultur, XXIX, 1936); Brita Malmer, «A Contribution to the Numismatic History of Norway during the Eleventh Century», *Commentationes de Nummis*, I (KHVAA Handlingar, Antikv. Ser. 9, 1961), pp. 223–376. См. обзор некоторых последних работ в кн.: Kolbjørn Skaare, «Vikingtidsnumismatikk», *Nordisk Numismatisk unions Medlemsblad*, 1961, pp. 189–197, и статьях различных авторов в *KHL*.

6. Набеги

1. Abbon, *Le Siège de Paris par les Normands*, ред. Henri Waquet (Les Classiques de l'Histoire de France au Moyen Age, 1942), pp. 28–30, lines 177–195.

2. *Annales Bertiniani*, ред. G. Waitz (SS. R. G., 1883), p. 25.

3. *The Making of Europe* (London, 1948), pp. 190–191.

4. *Anglo-Saxon England* (Oxford, 1947), p. 242.

5. H. Shetelig, *VA*, I, 122; H. Waquet, *op. cit.*, с. 24 прим. 1.

6. См. с. 222–239.

7. См. с. 147–149.

8. См. с. 205–206.

9. Ine 13, 1; F. Lieberman, *Die Gesetze der Angelsachsen*, I (Halle, 1903), p. 94; F. L. Attenborough, *The Laws of the Earliest English Kings* (Cambridge, 1922), pp. 40–41.

10. F. Lot, *L'Art Militaire et les Armées au Moyen Age*, I (Paris, 1946), pp. 336–337.
11. J. H. Ramsay, «The Strength of English Armies in the Middle Ages», *English Historical Review*, XXIX (1914), pp. 221–227.
12. См. с. 28–29.
13. См. с. 29.
14. Ред. Waquet, p. 14, lines 28–30.
15. См. с. 120–125.
16. См. с. 110.
17. Эта битва была рассмотрена в кн.: F. P. Magoun, *Modern Language Review*, XXXVII (1942), pp. 409–414.
18. William of Malmesbury, *Historia Novella*, ред. K. R. Potter (Nelson's Medieval Classics, 1955), pp. 73–74.
19. По поводу битвы при Бриссарте см. F. Lot, *op. cit.*, I. 99.
20. Stenton, *op. cit.*, p. 241 прим.; Lot, *op. cit.*, I. 98.
21. *Op. cit.*, p. 577.
22. I. C. Gould, «Ancient Earthworks», *Victoria History of the County of Essex*, I. 286–287.
23. C. Fox, *The Archaeology of the Cambridge Region* (Cambridge, 1923), p. 302.
24. *English Historical Review*, XXVII (1912), pp. 512–513.
25. P. Nørlund, *Trelleborg* (1948); C. G. Schultz, «Aggersborg, vikingelejren ved Limfjorden», *Fra Nationamuseets Arbejdsmark*, 1949, pp. 91–108; O. Olsen, *Fyrkat* (Nationalmuseets Blå Bog, 1959). Краткий обзор см. в: J. Brøndsted, *Danmarks Oldtid*, III, *Jernalderen* (København, 1960), pp. 363–369.
26. Nørlund, *op. cit.*, pp. 113.
27. Lauritz Weibull, «Fornborgen Trelleborg», *Scandia*, XX (1950), pp. 283–289, особенно p. 286.
28. См. с. 98.
29. R. Poupardin, *Monuments de l'histoire des abbayes de Saint-Philibert* (Paris, 1905), pp. XXV–XL.
30. L. Delisle, *Littérature Latine et Histoire du Moyen Age* (Paris, 1890), pp. 17–18.
31. Ср. M. Prou, *Les Monnaies Carolingiennes* (Paris, 1896).
32. F. Lot, *Bibliothèque de l'École des Chartes*, LXIX (1908), pp. 21–22.
33. *EHD*, pp. 273–274.
34. Rose Graham, «The History of the Alien Priory of Wenlock», *Journal of the British Archaeological Association*, 3-е сер., IV (1939), p. 119.
35. W. de Gray Birch, *Cartularium Saxonicum*, II (London, 1887), no. 587.

36. См. с. 32–33.
37. M. D. Knowles, *The Monastic Order in England* (Cambridge, 1940), p. 69–70.
38. W. Dugdale, *The Antiquities of Warwickshire*, 3-е изд. (Coventry, 1765), p. 264.
39. *EHD*, p. 818.
40. *The Latin Charters of the Anglo-Saxon Period* (Oxford, 1955), p. 40.
41. R. R. Darlington, *English Historical Review*, LI (1936), pp. 422–423; D. C. Douglas, *Proceedings of the British Academy*, XXXIII (1947), pp. 111–112.
42. *Irish Art in the Early Christian Period*, 2-е изд. (London, 1947), p. 86, 154.
43. *EHD*, pp. 190–191.
44. J. Dhondt, *Études sur la naissance des principautés territoriales en France* (Brugge, 1948), p. 28 прим.

7. Колонии

1. F. T. Wainwright, «Æthelþeald Lady of the Mercians», *The Anglo-Saxons*, ред. P. Clemoes (London, 1959), pp. 53–69.
2. A. Campbell, «Two Notes on the Norse Kingdom in Northumbria», *EHR*, LVII (1942) pp. 85–97; D. Whitelock, «The Dealings of the Kings of England with Northumbria in the Tenth and Eleventh Centuries», *The Anglo-Saxons*, ред. P. Clemoes, pp. 70–88.
3. E. Ekwall, *Scandinavians and Celts in the North-West of England* (Lund, 1918). Относительно Шотландии см.: W. F. H. Nicolaisen, «Norse Place-Names in South-West Scotland», *Scottish Studies*, IV (1960), pp. 49–70.
4. F. Liebermann, *Die Gesetze der Angelsachsen*, I (1903), p. 216.
5. Liebermann, *op. cit.*, II. 347–348.
6. VI Atr 37 — Liebermann, *op. cit.*, I. 256; A. J. Robertson, *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I* (1925), p. 102.
7. O. S. Anderson, *The English Hundred-Names* (Lunds Universitets Arsskrift, 1934), pp. XXI–IV.
8. III Atr 3, 1 — Liebermann, *op. cit.*, I. 228; A. J. Robertson, *op. cit.*, p. 64.
9. *Anglo-Saxon England*, p. 497.
10. E Cp. 30 — Liebermann, *op. cit.*, I. 652, ср. прим. е.
11. *Op. cit.*, p. 499.
12. A. J. Robertson, *Anglo-Saxon Charters* (1939), no. XL.

13. *Op. cit.*, p. 505.

14. Лучшим введением в изучение топонимов и посвященной им литературы может послужить: E. Ekwall, *Concise Oxford Dictionary of English Place-Names*, 4-е изд. (Oxford, 1960). Об элементах, входящих в состав топонимов, см.: A. H. Smith, *English Place-name Elements* (English Place-name Society, XXV-VI, 1956). Рассматриваемые здесь формы названий почерпнуты из этих двух работ или же из обзоров по графствам, издаваемых Английским топографическим обществом.

15. Или же, возможно, это перевод доскандинавского названия, означавшего «*tun* англов».

16. K. Cameron, «The Scandinavians in Derbyshire: The Place-Name Evidence», *Nottingham Medieval Studies*, II (1958), p. 90.

17. См. выше, прим. 3.

18. Olof von Feilitzen, *The Pre-Conquest Personal Names of Domesday Book* (Nomina Germanica, 2, 1937), pp. 32-33.

19. A. H. Smith, *English Place-name Elements*, II. 208.

20. *Ibid.*, I. 66-72.

21. E. Ekwall, «How long did the Scandinavian Language survive in England?» *A Grammatical Miscellany offered to Otto Jespersen on his Seventieth Birthday*, ред. N. Bøgholm, A. Brusendorff и C. A. Bodelsen (1930), pp. 17-30; P. Scautrup, *Det Danske Sprogs Historie*, I (København, 1944), pp. 95-106; ср. E. Björkman, *Scandinavian Loan words in Middle English*, I (Halle, 1900), p. 8.

22. *New English Dictionary*, s. v.

23. *Transactions of Royal Historical Society*, 4-я сер., XXIV (1942), pp. 4-5.

24. *Ibid.*, p. 8. Профессор Дороти Уайтлок, D. Whitelock, *Changing Currents in Anglo-Saxon Studies* (Cambridge, 1958), p. 6 и прим. 10, недавно привлекла внимание к употреблению скандинавских терминов в некоторых английских текстах. Лучшим объяснением этому является сходство языков, а также социальная и политическая значимость скандинавов в некоторых областях.

25. F. M. Stenton, *Documents Illustrative of the Social and Economic History of the Danelaw* (British Academy, 1920), pp. CIV-XV.

26. O. von Feilitzen, *op. cit.*, pp. 18-26.

27. *Saga-Book of the Viking Society*, XII (1937-45), pp. 22-23.

28. O. von Feilitzen, *op. cit.*, p. 32.

29. «Scandinavian Personal Names in the Liber Vitae of Thorney Abbey», *Saga-Book of the Viking Society*, XII (1937-45), pp. 127-153.

30. O. von Feilitzen, *op. cit.*, pp. 18–19.

31. J. W. F. Hill, *Medieval Lincoln* (Cambridge, 1948), pp. 35–36 и Приложение I.

32. См. Ekwall, *Dictionary of English Place-Names*, p. XXVI.

33. Другие примеры — это Алдеби в Норфолке, Насби, Торнби и Кирби в Греттоне в Нортamptonshire.

34. *Transactions of Royal Historical Society*, 4-я сер., XXIV (1942), p. 12.

35. *Anglo-Saxon England*, p. 516.

36. *Ibid.*, p. 250 прим.

37. «Free Peasantry of the Northern Danelaw», *Bulletin de la Societe Royale des Lettres de Lund*, 1925–1926, p. 79.

38. «The Proportion of Scandinavian Settlers in the Danelaw», *Saga-Book of the Viking Society*, XII (1937–1945), pp. 26–28.

39. F. W. Maitland скептически относился к версии о связи между сокменами и данами, *Domesday Book and Beyond* (Cambridge, 1897), p. 139.

40. Относительно доскандинавских особенностей сокменов см.: R. H. C. Davis, *The Kalendar of Abbot Samson of Bury St. Edmonds* (Camden Society, 3-я сер., LXXIV, 1954), pp. XLIII–VII, P. Vinogradoff, *Growth of the Manor* (London, 1911), p. 303. Соки в Области датского права, в том виде, в каком они существовали в XI веке и позже, не могли быть плодом усилий английского правительства, направленных на создание некоторой системы юрисдикции и личных обязательств, призванной заменить традиционные бонды, погибшие в ходе датских завоеваний, ср. II Сп 71, 3 — Liebermann, *op. cit.*, I. 358; A. J. Robertson, *Laws of the Kings of England*, p. 210.

41. W. G. Hoskins, «The Anglian and Scandinavian Settlement of Leicestershire», *Transactions of the Leicestershire Archaeological Society*, XVIII (1934–35), p. 133.

42. L. W. H. Payling, «Geology and Place-names in Kesteven», *Leeds Studies in English and Kindred Languages*, IV, c. 1–13.

43. E. Ekwall, «The Scandinavian Element», *Introduction to the Survey of English Place-names* (English Place-name Society, I, I, 1929), p. 84.

44. A. A. Smith, *The Place-names of the East Riding of Yorkshire* (English Place-name Society, XIV, 1937), pp. XV–XVI.

45. См. с. 283.

46. D. C. Douglas, «The Rise of Normandy», *Proceedings of the British Academy*, XXXIII (1947), pp. 101–130.

47. J. Adigard des Gautries, *Les Noms de Personnes Scandinaves en Normandie de 911 à 1066* (Nomina Germanica, 11, 1954),

pp. 265–270; Lucien Musset, «Pour l'étude des relations entre les colonies scandinaves d'Angleterre et de Normandie», *Mélanges de Linguistique et de Philologie Fernand Mossé In Memoriam* (1959), pp. 330–339; Fr. de Beaurepaire, «Les Noms d'Anglo-Saxons contenues dans la toponymie Normande», *Annales de Normandie*, X (1960), pp. 307–316.

48. F. M. Stenton, «The Scandinavian Colonies in England and Normandy», *Transactions of the Royal Historical Society*, 4-я сер. XXVII (1945), pp. 1–12.

49. *Op. cit.*, p. 103.

50. P. Skautrup, *Det Danske Sprogs Historie*, I. 104–106.

51. H. Henken, «Lagore Crannog: An Irish Royal Residence of the 7th and 10th Centuries A. D.», *Proceedings of the Royal Irish Academy*, LIII, раздел C, no. pp. 1–247, особенно p. 17.

52. См. с. 265–267.

53. V. Minorsky, «Rus», *Encyclopaedia of Islam*, 1-е изд., III, pp. 1180–1183.

54. См. с. 251.

55. C. Weibull, «Den äldsta grännsläggningen mellan Sverige och Danmark», *Historisk tidskrift för Skåneland*, VII (1917), pp. 1–18.

56. Изучение групп крови иногда дает ценную информацию о миграциях и истории колоний. О ее значении в целом см. A. E. Mourant, *The Distribution of the Human Blood Groups* (Oxford, 1954), а более современные и подробные карты распространения для одной из групп крови см. в: A. E. Mourant, A. C. Корес и K. Domaniewska-Sobczak, *The ABO Blood Groups* (Oxford, 1958). Исландия замечательна тем, что демонстрирует практически такую же частоту IV группы крови (содержащей только изоантигены A и B), как север и запад Британии, причем она совершенно не похожа на средний показатель для Норвегии, см. J. A. Donegani, N. Dungal, E. W. Ikin и A. E. Mourant, «The blood groups of the Islanders», *Annals of Eugenics*, 15 (1950), pp. 47–52. Это согласуется с версией о наличии значительного кельтского элемента среди исландских колонистов, многие из которых прибыли на Исландию с Британских островов, ср. G. Turville-Petre, *The Origins of Icelandic Literature* (Oxford, 1953), pp. 3–5. Различие между Исландией и некоторыми областями Норвегии, возможно, станет менее разительным, когда будут получены более тщательные расчеты. Вероятно, в Норвегии есть области, где частота антигена O совершенно так же высока, как в Исландии, ср. Lars Beckman, *A Contribution to the Physical Anthropology and Population Genetics of Sweden* (Hereditas, XLV, Lund, 1959), p. 18, 126–140. Области датской колонизации в Англии демон-

стрируют характеристики распределения системы АВО, поразительно схожие с современной Данией, Ada С. Копес, «Blood groups in Great Britain», *The Advancement Science*, 1956, pp. 200–203. хотя миссис Копес любезно сообщила мне в письме, что более всестороннее исследование, охватывающее 500 000 случаев, показывает, что граница района с высокой частотой изоантигена А (Х), вероятно, отодвинется таким образом, что не будет включать большую часть Йоркшира и северо-западную часть Линкольншира. В одной из областей Пемброкшира наблюдается даже еще большая частота изоантигена А, и выдвинуто предположение о том, что это результат скандинавской колонизации, I. Morgan Watkin, «A Viking Settlement in Little England beyond Wales: ABO Blood-group evidence», *Man*, LX (1960), pp. 148–153.

8. Города и торговля

1. Об этих источниках см. с. 50–51, 54–55.
2. А. Н. Smith, *English Place-name Elements*, I (English Place-name Society, XXVI, Cambridge, 1956), pp. 70–71.
3. Это сообщение о Бирке основано на *Birka I*; Holger Arbman, *Schweden und das karolingische Reich*. (KVHAA Handlingsar, 43, 1937); *id.*, *Birka, Sveriges äldsta handelsstad* (Stockholm, 1939).
4. *Vita Anskarii*, гл. XIX, ред. G. Waitz (SS. R. G., 1884), p. 41.
5. *Ibid.*, гл. XX, XXVII, p. 45, 58.
6. Arbman, *Schweden und das karolingische Reich*, гл. III–IV.
7. *Ibid.*, p. 240.
8. См. с. 175.
9. Agnes Geijer, *Birka Untersuchungen und Studien III, Die Textilfunde aus den Grabern* (KVHAA, 1938), pp. 58–67.
10. Карты, изображающие прежние проходы к озеру, см. в кн.: *Svenska Turistföreningens Årskrift*, 1949, pp. 66–67.
11. См. с. 253.
12. *KHL*, III, col. 112–115.
13. Bertil Almgren, *Tor*, VIII, (1962), p. 195.
14. Sune Lindquist, «Vatténståndet vid Birka på 900-talet», *Fornvännen*, XXIII (1928), pp. 118–120.
15. Nils G. Hörner, «Fyrisåmyningen och Landhöjnngen», *Upplands Fornminnesförenings Tidskrift*, 43:3 (1943), pp. 207–277, особ., p. 250.
16. Bertil Almgren, *Bronsnycklar och djurornamentik*, pp. 96–97; *id.*, *KHL*, III, col. 23–24.

17. Holger Arbman, *Schweden und das karolingische Reich*, pp. 240–241.
18. Björn Ambrosiani, «Birka-Sigtuna-Stockholm. Ett dikussionsinlägg», *Tor*, III (1957), pp. 148–158.
19. E. Floderus, *Sigtuna, Sveriges äldsta medeltidsstad* (Stockholm, 1941).
20. См. с. 171–172.
21. Holger Arbman, *Svear i österviking* (Stockholm, 1955), p. 135.
22. Wilhelm Holmquist, *Excavations at Helgö I, Report for 1954–56* (KVHAA, 1961), pp. 124–160, 229–232 по поводу железа; pp. 160–163, 164–182 по поводу стекла; ср. pp. 72, 96–97.
23. См. с. 266, 271.
24. Лучшее введение к этому археологическому пункту и литературе о нем: Н. Jankuhn, *Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit*, 3-е изд. (Neumünster, 1956).
25. Bertil Almgren, *Tor*, VIII (1962), pp. 194–195.
26. Н. Jankuhn, *Die Ausgrabungen in Haithabu, 1937–1939* (Berlin-Dahlem, 1943), pp. 53–88, особ., 87–88; id., «Sechs Karten zum Handel des 10. Jahrhunderts im westlichen Ostseebecken», *Archaeologia Geographica*, I (1950), pp. 8–16.
27. См. с. 65–67.
28. См. карту в *Archaeologia Geographica*, I (1950), p. 13 и в Н. Jankuhn, *Haithabu* (1956), p. 195.
29. Charlotte Blindheim, «The Market Place at Skiringssal», *AA*, XXI (1960), pp. 83–100.
30. Kolbjørn Skaare, Vikingtidsmynter fra Kaupang — en Handelsplass ved Oslofjorden, *Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad*, 1960, pp. 195–197.
31. См. карту в *AA*, XXXI (1960), p. 85.
32. Charlotte Blindheim, *AA*, XXXI, (1960), p. 100.
33. E. Floderus, «Västergarn», *Fornvännen*, XXIX (1934), pp. 65–83.
34. Adam of Bremen II, XXII; ред. Schmeidler, p. 79.
35. О Новгороде и др. русских городах см. М. Tichomirov, *The Towns of Ancient Rus* (Moscow, 1959). Раскопки в Новгороде описаны в кн.: А. В. Арциховский и Б. А. Колчин, *Work of the Novgorod Archaeological Expedition*, I и II (Материалы и исследования по археологии в СССР, ном. 55 и 65, Москва, 1956, 1959).
36. P. Grierson, «Commerce in the Dark Ages», *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., IX (1959), pp. 123–140.
37. *Vita Anskarii*, гл. XXVII, ред. Waitz (SS. R. G.), p. 58.
38. Напр., IV, VI и XVIII; ред. Schmeidler, pp. 233, 245.
39. См. с. 157–158.

40. См. с. 153–154.
41. См. с. 154.
42. Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, ред. G. Moravcsik и R. J. Jenkins (Budapest, 1949), pp. 56–63.
43. См. с. 160–171, 248.
44. Цит. по I. Hrbek, *Encyclopaedia of Islam*, нов. изд., I (1960), p. 1306.
45. Harris Birkeland, *Nordens historie i middelalderen etter arabiske kilder*, pp. 14–17.
46. *Ibid.*, с. 17–24.
47. V. Minorsky, *Encyclopaedia of Islam*, 1-е изд., III (1936), p. 1182.
48. См. с. 161–163.
49. См. с. 175.
50. S. Bolin, «Mohammed, Charlemagne and Ruric», *Scandinavian Economic History Review*, I (1953), pp. 5–29.
51. См. карту, на которой изображены монетные дворы Дорестада в кн.: H. Jankuhn, *Haiþabu* (1956), p. 45.
52. Knut Stjerna, *Lund och Birka, Historisk Tidskrift för Skåneland*, III (1909), p. 171 слл.; E. Wadstein, «On the relations between Scandinavians and Frisians in early times», *Saga-Book of the Viking Society*, XI, (1928–36), pp. 5–25; ср. H. Jankuhn, «Der fränkisch-friesische Handel zur stsee im frühen Mittelalter», *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 40 (1953), pp. 193–243.
53. См. с. 162–163.
54. См. с. 168.
55. См. с. 258–259.
56. См. с. 169, 259.
57. VA, V.
58. D. M. Waterman, «Late Saxon, Viking and early Medieval finds from York», *Archæologia*, XCVII (1959), pp. 59–105.
59. E. Curtis, *A History of Medieval Ireland* (London, 1938), pp. 6–8.
60. R. H. M. Dolley and Kolbjørn Skaare, «Nytt lys over Skandinavias Nordligaste skattefund med angelsaksiske og kufiske mynter», *NNÅ*, 1960, pp. 5–24.
61. См. с. 172.
62. См. с. 143–144.
63. IV, Æthelred, 2-Liebermann, *Gesetze*, pp. 232–234; A. J. Robertson, *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I* (Cambridge, 1925), pp. 70–73.
64. IV, XVIII, ред. Smeidler (SS. R. G., 1917), pp. 245–246.

65. С. А. Nordman, «Karelska Jårlnåldersstudier», *Finska Fornminnesföreningens Tidskrift*, XXIV, 3 (1924).
66. См. с. 101.
67. Bertil Almgren, *Tor*, VIII (1962), p. 196.
68. На этот момент обращает внимание J. P. Bjernum, «Vikingetidens handel og dens betydning for Norden Folk», *ANOH*, 1948, pp. 294–303.
69. *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., IX (1959), p. 128.
70. Elias Wessén, «Bjærköarätt», *KHL*, I, col. 655–658.

9. Причины и следствия: обзор эпохи викингов

1. T. D. Kendrick, *A History of the Vikings* (London, 1930), p. 22. Ср. Н. Shetelig, *VA*, I, 10, «Необходимо сразу признать, что никакой определенной причины, которая бы, как оказалось, имела силу в тот конкретный период, так и не выявлено, да и вряд ли она когда-нибудь будет обнаружена».
2. J. M. Wallace-Hadrill, *The Barbarian West 400–1000* (London, 1952), p. 133.
3. Kendrick, *loc. cit.*
4. *EHD*, p. 740.
5. Tacitus, *Germania*, гл. XIV, перев. Н. Mattingly (Penguin Books, 1948), p. 112.
6. *EHD*, p. 165.
7. См. с. 212. Другим Каролингом, который, как полагают, относился к викингам как к своим союзникам, был Лотарь, внук Карла, см. Nithard, *Histoire des fils de Louis de Pieux*, ред. Ph. Lauer (Les Classiques de l'Histoire de France au Moyen Age, 1926), pp. 122–123, ср. W. Vogel, *Die Normannen und das fränkische Reich* (Heidelberg, 1906), pp. 76–77, 85–86.
8. F. Lot, *Bibliothèque de l'École des Chartes*, LXIX (1908), pp. 24–28.
9. W. Vogel, *op. cit.*, pp. 59–60, 76–77.
10. *EHD*, p. 188.
11. См. с. 147–148.
12. См. с. 239–240. Перераспределение собственности между англичанами и датами не всегда было насильственным. В начале X века король Эдуард поощрял своих сторонников покупать землю «у язычников», F. M. Stenton, *Types of Manorial Structure in the Northern Danelaw* (Oxford Studies in Social and Legal History, II, 1910), pp. 74–75.

13. Jean I. Young, «A Note on the Norse Occupation of Ireland», *History*, XXXV (1950), pp. 11–13.

14. Kolbjørn Skaare, *UOA*, 1958–1959, pp. 110–114.

15. Sigurd Grieg, *Vikingetidens Skattefund*, (Universitetets oldsaksamling skrifter, II, Oslo, 1929).

16. О западных предметах в Норвегии см. *VA*, *V*.

17. Ср. Bertil Almgren, *Bronsnucklar och Djurornamentik* (Uppsala, 1955), pp. 7–8.

18. Н. Shetelig и Hj. Falk, *Scandinavian Arcaology* (Oxford, 1937), pp. 275–278. Ср. S. Grieg, *Hadelands eldste bosetnings-historie* (Det Norske Videnskaps-Akademie Skrifter, Hist. Filos. Klasse, 1925, no. 2), pp. 97, 116.

19. См. с. 117–118.

20. Ср. F. M. Stenton, *Anglo-Saxon England* (Oxford, 1947), p. 238; R. H. C. Davis, *A History of Medieval Europe* (London, 1957), p. 165.

21. L. Halphen, *Charlemagne et l'Empire Carolingien* (Paris, 1947), pp. 94–97.

22. M. Deanesly, *A History of Early Medieval Europe 476–911*, (London, 1956), p. 474.

23. F. M. Stenton, *op. cit.*, p. 240.

24. G. Turville-Petre, *The Heroic Age of Scandinavia* (London, 1951), p. 51.

25. См. с. 239–240.

26. См. недавно опубликованную кн.: Ad. Stender-Petersen, «Der älteste russische Staat», *Historische Zeitschrift*, 191 (1961), pp. 1–17. См. также его обзор «Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen», *X Congresso Internazionale di Science Storiche*, 1955, *Relazioni*, III, pp. 165–188. Стендер-Петерсен считает, что на севере Руси существовали обширные скандинавские поселения и что «государство» там было создано скандинавами в IX веке. Он считает открытие рунической надписи в Старой Ладоге «недостающим звеном», которое доказывает правильность его гипотезы. Его взгляды критиковались двумя советскими учеными Б. Б. Похлебкиным и В. Б. Вилинбахом в *Kuml*, 1960, pp. 135–137, а Стендер-Петерсен ответил в *ibid.*, pp. 137–144. Одной рунической надписи недостаточно, чтобы доказать данную гипотезу перед лицом свидетельств, которые ведут к выводу, сделанному в тексте данной книги.

27. См. с. 71.

28. M. Vasmer, «Wikingenspuren in Russland», *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, Phil.-Hist. Klasse, 1931, pp. 649–674.

-
29. W. J. Ravdonikas, *Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet* (KVHAA Handlingar, 40, 3, 1930).
 30. См. с. 62–63
 31. См. с. 116, 172.
 32. См. с. 109.
 33. V. Minorsky, *Encyclopaedia of Islam*, 1-е изд. III, (1936), p. 1182.
 34. *Ibid.*
 35. Florence E. Harmer, «The English Contribution to the Epistolary Usages of Early Scandinavian Kings», *Saga-Book of the Viking Society*, XIII, 3 (1950), pp. 115–155.
 36. Ср. A. J. Goedheer, *Irish and Norse Traditions about the Battle of Clontarf* (Haarlem, 1938), p. 120.

Библиография

Данный список книг и статей является руководством для дальнейшего изучения вопроса. По многим темам ссылки даны в примечаниях к тексту. Сокращения объяснены на с. 308.

Общая литература

Самый полный обзор истории викингов на английском — Т. D. Kendrick, *A History of the Vikings* (London, 1930), а об истории Западной Европы также — Н. Shetelig, *An Introduction to the Viking History of Western Europe*, VA, I (Oslo, 1940). Самой лучшей краткой историей остается А. Mawer, *The Viking* (Cambridge, 1913). Johannes Brøndsted, *The Vikings* (Penguin Books, 1960) и Holger Arbman, *The Vikings* (London, 1961) представляют собой недавно вышедшие иллюстрированные обзоры, подготовленные скандинавскими археологами. Деятельность скандинавов на Западе вкратце описана французским историком Фердинандом Лотом в кн.: Ferdinand Lot, *Les Invasions Barbares* (Paris, 1942), а очень подробный труд Johannes C. H. R. Steenstrup, *Normannere*, 4 т. (Kjøbenhavn, 1876–1882) является по-прежнему ценным руководством. Люсьен Мюссе написал весьма вдохновляющий обзор Lucien Musset, «Relations et échanges d'influences dans l'Europe du Nord-Ouest (X^e–XIe siècles)», *Cahiers de Civilisation Médiéval*, I (1958), pp. 63–82. В *Cambridge Medieval History*, III (1922), pp. 618–624 есть краткая общая библиография, которую можно дополнить, обратившись к Международной библиографии исторических наук. В *Annales de Normandie* присутствует полезный ежегодный обзор данной работы. *Numismatic Literature* (Американское нумизматическое общество) является полезным руководством к данной работе.

Британские острова

Англия: R. H. C. Davis, «East Anglia and the Danelaw», *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., V. (1955), pp. 23–39.

E. Ekwall, «The Scandinavian settlements», *An Historical Geography of England before A. D. 1800*, ред. H. C. Darby (Cambridge, 1936), pp. 133–164.

- F. M. Stenton, *Anglo-Saxon England*, 2-е изд. (Оксфорд, 1947).
- F. M. Stenton, «The Danes in England», *Proceeding of the British Academy* 1927, pp. 203–246.
- Уэльс: J. E. Lloyd, *A History of Wales*, I (London, 1912), гл. X.
- Ирландия: A. Walsh, *Scandinavian Relations with Ireland during the Viking Period* (Dublin, 1922).
- J. Young, «A Note on the Norse Occupation of Ireland», *History*, new ser., XXXV (1950), pp. 11–13.
- G. J. Marcus, «The Norse Emigration to the Faroe Islands», *English Historical Review*, LXXI (1956), pp. 56–61.
- Исландия: K. Gjerset, *History of Iceland* (London, 1923).
- F. Jonsson, *Island fra Sagatid til Nutid* (København, 1930).
- Гренландия: P. Nørlund, *Viking Settlers in Greenland and their Descendants during Five Hundred Years* (Cambridge, 1936).
- Америка: G. M. Gathorne-Hardy, *The Norse Discoverers of America* (Oxford, 1921).
- E. Zechlin, «Das Problem der vorkolumbischen Entdeckung Americas und die Kolumbusforschung», *Historische Zeitschrift*, 152 (1935), с. 1–47.

Западная Европа

- Империя Каролингов: W. Vogel, *Die Normannen und das fränkische Reich bis zur Gründung der Normandie (799–911)* (Heidelberg, 1906).
- Нормандия: H. Prentout, *Essai sur les origines et la fondation du duché de Normandie* (Caen, 1911).
- J. Steenstrup, *Normandiets Historie under de syv første Hertuger* (København, 1925).
- F. M. Stenton, «The Scandinavian Colonies in England and Normandy», *Transactions of the Royal Historical Society*, 4th ser., XXVII (1945), pp. 1–12.
- Испания: A. Melvinger, *Les premières incursions des Viking en Occident d'après des sources arabes* (Uppsala, 1955).

Annales de Normandie — важная периодическая и систематическая библиография в *Cahiers de Civilisation Médiévale*, которая является полезным руководством к данным публикациям. Также существует *Bibliographie Annuelle de l'Histoire de France* (Centre National de la Recherche Scientifique).

Восточная Европа

Н. Arbman, *Svear i Österviking* (Stockholm, 1955).

Т. J. Arne, *La Suède et l'Orient* (Archives d'Études Orientales, 9 Uppsala, 1914).

Н. Paskiewicz, *Origins of Russia* (New-York, 1954).

Ad. Stender-Petersen, *Varangica* (Aarhus, 1953).

См. также работы, цитированные на с. 203, прим. 26.

Скандинавия

Lucien Musset, *Les Peuples Scandinaves au Moyen Age* (Paris, 1951).

Kulturhistorik Leksicon for nordisk middelalder, 6 т. Пока опубликован «Abbed-Hovedgård» (København, 1956–1961).

Н. Shetelig и Hj. Falk, *Scandinavian Archaeology*, перев. E. V. Gordon (Oxford, 1937).

Библиографические сборники

Swedish Archaeological Bibliography (Svendka Arkeologiska Samfundet) I, 1939–1948 ред. Sverker Janson и Olof Vessberg, (Stockholm, 1951), II, 1949–1953 ред. Christian Callmer и Wilhelm Holmquist (Stockholm, 1956).

Anathon Bjørn, «Norsk arkeologisk bibliografi 1900–35», *UOÅ*, 1935–1936, pp. 1–51.

Wencke Sloman, «Norsk Arkeologisk Bibliografi 1936–56», *UOÅ*, 1956–1957, pp. 7–97.

В более общем виде: *Excerpta Historica Nordica* (The International Committee of Historical Sciences).

Словарь морских терминов

Ахтерштевень — основное крепление кормы судна.

Бакштаг — 1) Одно из направлений движущегося судна по отношению к ветру. При бакштаге направление ветра образует с продольной осью судна угол 90° и меньше 180° , считая углы от носа. 2) Снасть в виде троса для крепления мачты в определенном положении. Один конец бакштага крепится к верхней части мачты, другой к палубе у борта судна, несколько позади мачты

Бейдевинд — курс парусного судна при встречно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и линией направления ветра меньше 90° (8 румбов).

Брасы (правый и левый) — судовые снасти, проведенные от конечностей рей и служащие для поворота рей вместе с парусами на нужный угол по отношению к ветру.

Бриз — слабый ветер, дующий с суточной периодичностью по берегам морей и озер.

Булинь — веревки, которыми растягивают середину наветренной стороны прямых парусов и вытягивают на ветер наветренную шкаторину.

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выступающий за форштевень (брус по контуру носового заострения судна) корабля.

Ванты — снасти, раскрепляющие мачту симметрично в обе стороны к бортам судна.

Ватерлиния — линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом судна.

Галс — 1) Курс судна относительно ветра. 2) Отрезок пути судна (от поворота до поворота), идущего зигзагообразным курсом при встречном ветре.

Зарифить — уменьшить площадь паруса

Киль — балка, проходящая посередине днища судна от носовой до кормовой оконечности

Кница — деталь, соединяющая профильные элементы набора судна, сходящиеся под углом. Обычно имеет треугольную форму. Изготавливалась из части ствола дерева с корнем.

- Линь** — судовой трос для оснастки, такелажных работ.
- Нагель** — деревянные гвозди, которыми прикрепляют обшивку к шпангоутам.
- Планшир** — брус, идущий вдоль верхней кромки фальшборта (продолжение бортовой обшивки судна выше верхней палубы).
- Рангоут** — круглые деревянные брусья, составляющие часть парусного вооружения судов, предназначенные для постановки и растягивания парусов.
- Рея** — круглый брус (рангоутное дерево), подвешиваемая горизонтально за середину к мачте судна. Реи служат для привязывания и несения парусов.
- Румпель** — часть рулевого устройства, посредством которого поворачивается руль.
- Такелаж** — общее наименование всех судовых снастей.
- Фал** — трос для подъема рангоутных деревьев (рей и др.), косых парусов.
- Фока-штаг** — снасть стоячего такелажа, поддерживающего мачту с передней стороны.
- Шкаторина** — кромка паруса, обшитая тросом.
- Шкив** — блок в колесе.
- Шкот** — судовая снасть, служащая для управления работы парусов на ходу судна.
- Шпангоут** — криволинейная поперечная балка корпуса судна, обеспечивающая прочность и устойчивость бортов и днища. К шпангоутам крепится наружная обшивка.
- Шпунт** — продольный выступ или соответствующий ему паз в соединениях досок или брусков.

Именной указатель

- Аббасиды, династия багдадских халифов 140, 165, 260
Аббон, франкский поэт 176, 184
Авдюшин Д. А. 96
Авоко, епископ Зеландии 53
Адальбард, епископ Ситгуны, хронист 52
Адам Бременский, немецкий хронист и писатель 15, 51, 52, 53, 54, 56, 262, 263, 273
Акерлунд, Харальд 111, 113, 114
Алкуин, нортумбрийский ученый и церковный деятель, приближенный Карла Великого 7
Альмгрен, Бертил 81, 89
Аль-Мукаддаси, персидский географ 265
Альфред Великий, король Англии 25, 26, 27, 28, 32, 36, 38, 54, 55, 121, 125, 180, 182, 185, 207, 209, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 270
Андерсен, Магнус 106, 108, 109
Анри, Франсуаз 211
Ангарий св., христианский миссионер 50, 51, 52, 54, 55, 246, 248, 252, 257, 268
Арбман 89, 96, 245
Ари Торгильссон, историк 56, 57
Аса, бабка Харальда Прекрасноволосого 85
Ассер, автор жизнеописания Альфреда Великого 207, 208
Ательстан, внук Альфреда Великого, король Англии 37
Беда Достопочтенный, англосаксонский историк 277, 278
Бидухирд, королевский чиновник, убитый в стычке при Портленде 7, 8, 31
Блайндхейм, Шарлотта 260
Блок, Марк 14
Болин 154, 161, 162, 166, 167, 169, 170, 171
Бриан Боройме, король Мюнстера 44, 45
Бритрик, король Уэссекса 31
Бронстед 96
Ваке, Анри 178
Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии и король Англии 145, 185, 187, 188, 238
Вильям Мальмсберийский, английский хронист 186
Вульзиг, аббат Рэмси 208

- Вульфстан, английский путешественник и писатель 15, 54, 55, 243, 257
- Гарольд I, король Англии 12
- Гартхар, швед, первооткрыватель Исландии 10
- Генрих Птицелов, король Восточно-Франкского королевства 52, 65, 258
- Генрих, епископ Лунда 53, 54
- Геривей, граф Мэна 187
- Гинкмар, архиепископ Реймский 47, 48, 186, 187
- Годвин, епископ Рочестера 208
- Горм Старый, король Дании 64, 67, 85
- Григорий Турский, епископ Тура, автор «Истории франков» 277, 278, 280
- Грирсон 275
- Гутрум, датский вождь 191, 218, 220
- Доусон, Кристофер 177
- Дудон Сен-Кантенский, хронист 49
- Жоффруа, граф Мэна 187
- Ибн Рустах 265, 266, 290
- Ибн Фадлан, арабский историк и путешественник 71, 72, 266
- Ибн Хордадбех, арабский историк 70, 290
- Игорь, русский князь 68, 291
- Идбер, дочь Оффы, супруга Бритрика 31
- Ингвар, викинг 67
- Карл I Лысый, король франков 149, 268, 280
- Карл Великий, франкский император 21, 280, 287, 288
- Кенвульф, король Мерсии 260
- Кендрик, Томас 276
- Кнут I Великий, сын Свена, король Дании, Норвегии и Англии 12, 53, 123, 146, 174, 191, 199, 200, 201, 233, 235
- Кнут II Святой, король Дании 200
- Константин Багрянородный, византийский император 69, 265
- Леофрюн, аббатисса монастыря Св. Милдредра 208
- Линдквист 89
- Лот, Фердинанд 187
- Луп Феррьерский, франкский аббат и ученый 46
- Людовик Благодетельный, франкский император 48, 260, 280, 288
- Магнус Добрый, король Норвегии 67, 157
- Мартелл Карл, франкский майордом 279
- Михаил, византийский император 68
- О'Клери, Майкл, историк 42
- О'Рейли, Томас 74
- Олаф Святой, король Норвегии 57, 58, 61, 62, 63, 157

- Олаф Трюггвасон, король Норвегии *12, 124, 191, 192*
Олаф Шетконунг, король Швеции *175*
Олег, русский князь *68, 291*
Омейяды, династия халифов *165*
Орозий, римский историк и ученый *15, 54, 55, 104, 243, 257*
Оттар, норвежский хевдинг *54, 55, 104, 243, 257, 259, 261, 270*
Петерсен, Ян *86, 88*
Пламмер, Чарльз, историк *25*
Пруденций, епископ Труа, хронист *47, 48*
Птолемей, греческий астроном, математик и географ *70*
Рамнульф, граф Пуату *187*
Римберт, автор «Жития св. Ангария» *50, 51, 245, 248, 263, 268*
Рихер Реймский, хронист *49*
Роберт Сильный, маркграф Нейстрии *187*
Роберт, граф Глостер *186*
Роуз, Джон, английский хронист *209*
Рюрик, русский князь *69*
Саксон Грамматик, автор «Деяний датчан» *56*
Саманиды, династия *165, 166, 292*
Свен Вилобородый, король Дании *12, 67, 191, 192, 199, 201*
Свен Эстридсен, король Дании *12, 52, 53, 67, 157*
Сверрир, король Норвегии *122*
Святослав, русский князь *68, 291, 292*
Семунд Сигфюссон, писатель *56*
Сеолвульф I, король Мерсии *210*
Сигват Тордарсон, скальд *59, 61, 63*
Симеон, хронист из Дарема *39*
Сковманд *164*
Смит А. Х. *239*
Снорри Стурлусон, автор «Круга земного» *58, 61, 62, 63, 124*
Стентон, Фрэнк *178, 187, 191, 209, 220, 221, 222, 230, 231, 234, 236, 237, 287*
Стинструп *288*
Стопп, Хьяльмар *79, 244*
Тахир I, правитель Хорасана *140, 142*
Тахириды, династия *164, 165*
Тацит, римский историк *277*
Теодрик, автор «Истории норвежских королей» *56*
Уайтлок *232*
Унни св., архиепископ *52*
Уоллас-Хэдрилл, Дж.-М *276*
Феофил, византийский император *48*
Флодоард, каноник из Реймса, хронист *49*

- Фокс, Сирил 190
Фруассар, французский хронист 181
Хальфдан, викинг 213
Харальд Суровый, король Норвегии 12, 157
Харальд, сын Горма, король Дании 64, 67, 85, 174
Хартакнут, король Англии 174, 199
Хастинг, викинг 151, 182, 189, 191
Хилл 234
Холландер, переводчик 59
Холст, Ханс 133
Хорик, король Дании 287
Хосров II, царь Персии из династии Сасанидов 140
Шетелиг, Хакон 85, 88, 89, 98, 111, 178
Эгберт, англосаксонский король 30
Эгино, епископ Далби 53, 54
Эдгар, король Англии 143, 144, 147, 157, 173, 272
Эдуард Исповедник, король Англии 12, 143, 144, 147, 174, 221
Эдуард Старший, король Англии 25, 26, 36, 38, 217
Эйрик Кровавая Секира, король Норвегии и Йорка 217
Экуол 232, 235, 238
Эльфмер, аббат монастыря Св. Августина 208
Эльфхи, англосаксонский архиепископ 38, 208
Эрментарий, монах монастыря Сен-Филибер 204
Этельбанд, король Мерсии 279
Этельвирд, переводчик «Хроники Паркера» на латынь 27, 28, 31, 191
Этельвульф, англосаксонский король 29, 30, 34, 178
Этельред I, король Англии 12
Этельред II Нерешительный, король Англии 12, 38, 61, 62, 64, 83, 173, 174, 192, 199, 202, 208, 219, 220
Этельфледа, дочь Альфреда, королева Мерсии 36, 217

Географический указатель

- Абингдон 37, 39
Аггерсборг 193, 196, 197, 198
Азарв 129
Аквитания 8
Аклея 30
Аль-Рахбах 142
Альског 102, 114
Амударья 162
Англия 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 21, 28, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 47, 48, 53,
58, 63, 64, 97, 104, 121, 122, 125, 142, 143, 144, 147, 148, 149, 157, 172,
173, 174, 177, 178, 179, 180, 182, 185, 186, 187, 188, 192, 198, 199,
200, 201, 202, 206, 207, 208, 209, 210, 214, 217, 218, 225, 226, 227,
228, 231, 232, 235, 270, 272, 273, 283, 284, 285, 286, 289
англосаксы 26, 280
Анжер 204
Аральское море 162
Армения 162
Аскекар 116, 117, 119
Аспатрия 226
Атлантический океан 109
Афганистан 166
Африка 140
Багдад 140, 141, 162
Байе 104, 119, 185
Баллинаби 85
Балтийское море 14, 15, 18, 51, 52, 55, 63, 70, 101, 102, 116, 117, 120,
122, 167, 168, 171, 172, 202, 242, 243, 253, 257, 262, 263, 293
Балх 162
Басра 142, 162
Баттингтон 189
Бедфорд 190, 208, 216, 218, 220, 221
Бекингемшир 191, 219, 221
Белое море 54
Белоозеро 69
Бенфлит 28, 189, 191
Бирка 51, 52, 67, 79, 80, 83, 84, 86, 87, 98, 99, 136, 164, 175, 243-255, 257,
259, 260, 261, 262, 267, 268, 269, 270, 292
Блекинге, остров 55

- Блэкменстон 226
Бовлунд 155
Большой Бельт 193
Бордо 177
Борнхольм 55
Бремен 51, 52, 53, 54
Бригстир 226
Бриджорт 189
Бриссарт 187
Бристольский залив 29
Британские острова 8, 12, 14, 97, 98, 116, 147, 165, 168, 173, 241, 260, 269, 270, 289, 293
Бруа 90, 91, 92
Брунанбург 37
Брэйдон 216
Булгар 141
Булгария 69, 71, 162, 241, 249, 265, 266, 267, 271, 272, 275, 290, 291, 292
Булонь 182, 183, 186
Бухара 140, 162
Бьерке, остров 244, 250, 251, 275
Бэггаби 227
Варберг 117
Вастергарн 261
Везер 282
Великие Луки 131
Велланд 221
Вестер Ведстед 131
Вестерготланд 103
Вестморланд 226
Вестфол 259, 261
Вигингамер 216
Византия 18, 68, 69, 142, 167, 201, 248, 249, 265, 289, 290, 291
Визби 64, 261
Вилтшир 35
Винчестер 37
Висла, река 54, 172, 243
Волга, река 70, 127, 141, 162, 163, 172, 248, 249, 250, 253, 271, 290, 292
Воллин 262
Восточная Англия 27, 28, 151, 182, 190, 214, 216, 231
Гальтабек 117
Гамбург 177
Гамбург 51, 53, 54, 257
Гандарве 141, 142, 143, 145, 147, 148, 155, 167, 174

- Гарц 272
Гаузель 86
Германия 12, 15, 51, 94, 142, 172, 173, 272
германцы 67, 292
Гестрикланд 163
Гнездово 96, 291
Гокстад 74, 102, 105, 108, 109, 111, 113, 114, 116, 118, 119, 120, 121, 124, 125, 126, 184, 185, 192
Готенбург 116
Готланд, остров 15, 16, 55, 63, 79, 90, 102, 117, 129, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 144, 150, 154, 158, 163, 165, 168, 169, 173, 174, 249, 261, 267, 272, 273, 274
Гренландия 14
Далби 53, 54
Дамаск 140, 141
Данби 223, 224
Дания 10, 12, 50, 52, 53, 55, 56, 64, 83, 101, 133, 134, 142, 150, 151, 155, 157, 158, 160, 163, 164, 165, 168, 169, 172, 173, 175, 192, 225, 271, 283, 284, 285, 287, 288, 289, 292
Данторп 224
Данциг 120
Дарем 39
датчане (даны) 8, 10, 55, 206, 228, 230, 238, 240, 282, 283, 289
Девоншир 184, 208, 228
Дерби 220
Дербишир 97, 223, 234, 236
Днепр, река 241, 248, 292
Дон, река 70, 162, 290
Дорестад 8, 204, 205, 246, 268
Дорсет 182
Дорчестер 31
Драузен, озеро 243
Дублин 8, 97, 142, 241, 270
Египет 140
Западная Европа 7, 8, 10, 12, 14, 21, 49, 55, 94, 97, 133, 135, 139, 143, 149, 179, 202, 211, 240, 246, 248, 257, 260, 263, 269, 271, 272, 276, 277, 278, 281, 285, 286, 288, 292
Западная Франкия 187, 277, 280
Зеландия 53, 173, 193
Зондервиг 63
Ивер 191
Изборск 69
Ингельхейм 48

- Инглби 97, 223
Иона, монастырь 8
Ирак 142, 161, 172
Ирландия 8, 33, 41, 43, 44, 46, 86, 95, 97, 241, 270, 284, 293
Ирландское море 284
Исландия 10, 57, 58, 73, 84, 94, 116, 122, 241, 289
Испания 24, 63, 140
Исфахан 140, 162
Йеллинг 64, 85
Йорк 37, 39, 188, 217, 237, 270, 271
Йоркское королевство 11
Йоркшир 219, 220, 221, 222, 224, 226, 227, 231, 233, 235, 236, 238, 239
Кавказ 130, 162
Калдбек 224
Камарг, остров 11
Карелия 273, 274
Карлби 235
Кархэмптон 29, 30
Каспийское море 70, 130, 140, 162, 248
Каупанг 98, 100, 244, 259, 260, 261, 262, 275
Квалсунд 116
Кент 149, 189
Кент 27, 228, 278
Кентербери 38
Кествен 239
Кеттилстроп 163
Киев 18, 68, 69, 71, 172, 241, 265, 271, 290, 291
Килоран Бея 85
Кильский канал 256
Клибберсвик 88
Клонтарф 45
Колн, река 191
Константинополь 48, 265
Корвей 143
Кордова 140
Котантен, п-ов 240
Криклэйд 216
Кумберленд 224, 226
Куфа 130
Ладби 102, 115
Ла-Манш, пролив 8, 11, 185, 214, 240, 282
Ларвик 244
Ле-Ман 187

- Лестер 220, 221, 234, 236
Ли, река 125, 189, 218
Ливония 163
Лимн, река 191
Лимфьорд 193
Линдисфарн, монастырь 7, 118, 286
Линдхольм 80, 262
Линкольн 220, 222, 234, 237
Линкольншир 18, 221, 224, 231, 232, 233, 235, 236
Лисмор, монастырь 43
Ловать, река 131
Логен, река 260
Лондон 38, 61, 125, 189, 221, 272
лопари 54
Луара, река 11, 187
Лунд 53, 54
Любек 257
Майнц 143
Мач Венлок 207
Медина 143
Мекка 143
Меларен, озеро 67, 244, 249, 275, 291
Мерв 135, 140, 141, 162
Мерси, остров 191
Мерсия 21, 30, 147, 206, 214, 216, 217, 218
Месопотамия 130, 172
Мец 142
Мидлсекс 191, 219, 220, 221
Милтон Регис 189
Монквермаут 98
Море 86
Мосул 142
Муром 131
Мухаммидиджи 140
Мэн, остров 8, 97, 98
Мюнстер 43, 44
Нахера 181
Нидерланды 177
Новгород 16, 69, 131, 162, 262, 274
Ноннебаккен 193
Норвегия 8, 10, 12, 53, 54, 57, 58, 64, 83, 100, 101, 106, 110, 120, 133, 134,
135, 150, 163, 164, 169, 172, 175, 184, 192, 201, 225, 242, 256, 261,
263, 270, 284, 285, 288, 289

- норвежцы *8, 10, 14, 67, 150, 228, 240, 241, 289*
Нордкап, мыс *54*
Нормандия *11, 48, 188, 228, 240, 241, 283*
Нортамptonшир *220, 221, 230*
Нортумбрия *7, 151, 182, 214, 217, 282, 284, 285*
Норфолк *222, 236*
Ноттингем *188, 220, 221, 224, 225, 236*
Нуармутъе, остров *11, 204*
Ньюторп *224*
Ньюфаунленд *106*
Нюдам *102, 117, 118*
Овер Рандлев *168*
Оденсе *193*
Одер, река *262*
Ока, река *131*
Оксарве *154*
Оланд *163*
Оркнейские о-ва *53*
Ормсби *226, 235*
Осло *131*
Осло-фьорд *102, 244*
Осмондистон *222*
Отфорд *278*
Панджер *166*
Париж *176, 178, 205*
Персия *17, 160*
Питерборо *33, 34, 35, 39, 222*
Полтава *166*
Польша *94, 172*
Портленд *7, 286*
Прибалтика *248, 259, 260*
Псков *166*
Рагби *227, 235*
Рай *189*
Рантрум *163*
Реймс *49*
Рептон *188*
Рердаль *155*
Рибе *131*
Рик *239*
Рим *197*
Рона, река *11*
Роскилл-фьорд *102*

- Россия 14, 15, 23, 67, 71, 73, 94, 95, 97, 131, 153, 171, 289, 290
росы (шведы) 69
Рочестер 27, 188
Руан 176
русы 68, 70, 71, 265, 266, 290, 292
Русь 68, 69, 96, 133, 160, 161, 162, 163, 166, 168, 170, 171, 172, 175, 241,
265, 266, 267, 268, 289, 290, 292
Самарканд 140, 141, 142, 162
Санде-фьорд 105
Саутворк 61
Саффолк 224, 236
Сванадж 182
Северн, река 189
Северная Европа 15
Северное море 50, 110, 119, 121, 242, 256, 261, 282
Седерманланд 163
Седерталье 249, 250, 253
Сена, река 125, 149, 151, 176, 214, 240, 282
Сигтуна 253
Сиренчестер 188
Ситтинборн 189
Скандинавия 10, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 22, 23, 50, 54, 55, 56, 57, 63, 64, 67,
68, 73, 91, 94, 95, 97, 100, 101, 102, 116, 117, 120, 121, 127, 129, 131,
133, 134, 135, 138, 139, 142, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 156,
157, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 168, 169, 170, 172, 173, 174, 178,
192, 197, 199, 201, 243, 248, 254, 257, 260, 263, 264, 265, 266, 267,
268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 283, 292, 293
скандинавы 11, 12, 13, 69, 71, 200, 222, 224, 265, 266, 267, 279, 292, 293
Скирингисаль 54, 243, 257, 259, 261
Сконе, п-ов 53, 54, 129, 163, 242
Скулделево 102
славяне 67, 68, 69, 70
Следмер 239
Смоланд 138, 160, 163
Смоленск 96, 291
Сомерсет 29
Спарлэса 103
Средиземноморье 201
Средняя Азия 140
Стемфордбридж 12
Стокгольм 244, 253
Стора Велинге 129, 137, 168
Сторхауген 118

- Стремшауг 134
Стэнтон (Стэйнби) 222
Судвирки 61
Тависток 208
Танета, остров 188
Ташкент 140, 141, 142, 162
Темза, река 11, 28, 188, 191, 216, 218
Темпсфорд 190
Терслев 165, 173
Тетфорд 188
Типперэри 43
Тис 221
Торни, остров 191, 232
Тоуланд 224
Треллеборг 80, 99, 193, 194, 196, 197, 198, 201
Трина, река 256
Трир 142
Трузо 15, 54, 257
Туне 118
Тур 204
Турню 204
Тьоллинг 244
Тьянгвид 114
Уайт, остров 184
Уггорд 169
Уз, река 220
Уилд 144
Уилтшир 225
Уолды 239
Уорвик 208
Уорхэм 188
Уотлинг Стрит 218, 219, 220, 221
Упланд 64, 102, 139, 154, 163
Упсала 64, 250, 253
Усеберг 74, 85, 89, 90, 91, 92, 102, 118, 125
Уэльс 97
Уэссекс 11, 26, 31, 36, 39, 40, 41, 147, 191, 214, 216, 218
Фалебро 64
Фальстер, остров 129
Фальстербо 120
Фарерские острова 122
Фарнхэм 191
Фенз 144

- Феррьер 46
Фимбер 239
Финляндия 71, 94
финны 68
Финский залив 69, 249, 250
Фитьяр 139, 140, 141, 142, 154
Фландрия 272
Фостон 234
Франция 47, 63, 178, 241
Фрисландия 63, 204, 287
Фюн, остров 102, 193
Фюркат 193, 194, 195, 196, 197, 198
Хаддеби Нур, озеро 256
Хазария 69, 265, 290, 292
Халл 90
Хамбер 217
Хантингдон 190, 224
Харц 172
Хедебю 15, 54, 55, 65, 67, 80, 98, 99, 175, 198, 243, 244, 249, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 268, 269, 292
Хельге, остров 255
Хельгеланд 54
Хельсингланд 163
Херефорд 145
Хертфордшир 220, 221
Хетланд 86
Хива 141, 162
Холлингстедт 256, 257
Хон 131, 133, 134, 141, 152, 155, 175, 284
Хорасан 140
Хэртланд 8, 31
Чернигов 95
Черное море 70
Честер 271
Чехия 142
Чиппенхем 41
шведы 10, 14, 51, 67, 150, 258, 289, 290
Швеция 10, 53, 55, 60, 64, 67, 71, 83, 101, 103, 117, 133, 134, 135, 141, 150, 155, 158, 161, 163, 168, 169, 172, 175, 242, 248, 249, 250, 251, 252, 263, 291
Шеппэй, остров 11, 188
Шетландские острова 80, 86, 88
Шлезвиг 163, 256, 257

- Шлея, река 255, 256
Шотландия 86, 97
Шропшир 207
Шубери 189, 190
Эдингтон 213
Эйгге 85
Эйсмундерби 222, 223
Эйфель 256
Эланд, остров 55, 79, 92, 133
Элбинг 243
Эльба, река 259
Эмли, монастырь 43
Эплдор 189, 191
Эпт, река 125
Эспинге 129
Эссекс 28, 31, 189, 208, 216, 219
Эстерботтен 163
Эстония 163
Эшингдон 208
Эшфорд 189
Ютландия, п-ов 63, 64, 80, 155, 193, 256, 261
Ямьо 92
Ярлшоф 80, 86, 284
Ярроу, монастырь 8

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
1. Введение	7
2. Письменные источники	23
3. Археология	73
4. Корабли	101
5. Клады	127
6. Набеги	176
7. Колонии	213
8. Города и торговля	243
9. Причины и следствия: обзор эпохи викингов	276
Анализ русских кладов монет	295
Хронологический состав кладов	301
Примечания	307
Библиография	333
Словарь морских терминов	336
Именной указатель	338
Географический указатель	342

Научно-популярное издание

Питер Сойер
Эпоха викингов

Главный редактор В.В. Чубарь
Ведущий редактор Ю.С. Кирюкова
Художественный редактор П.П. Лосев
Компьютерная верстка: Е.А. Капитонова
Корректор Е.В. Зверькова

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: 235-99-06; 329-05-85
e-mail: eurasia@vmb-service.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУПП ордена Трудового Красного Знамени
«Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Суцеский вал, 49.

Книга известного английского историка Питера Соуера посвящена викингам, «неистовым воинам», одно упоминание о которых наводило страх на народы Западной Европы.

На основе тщательного изучения многочисленных исторических источников автор раскрывает причины и следствия скандинавской экспансии с конца VIII века на территорию христианской Европы.

Историческая библиотека

ISBN 5-8071-0186-3

9 785807 101860